

ВО 906/55

Е.А. Никольский

**Обязательный
бесплатный экземпляр**

Записки о прошлом

Русский путь
Москва

2007

ББК 63.3(2)6-4+84(2Рос)6
Н 64

ISBN 978-5-85887-226-9

2006251378

Составление, подготовка текста

Д.Г. Браунс

Художник серии

К.Е. Журавлев

На фронтисписе:

Е.А. Никольский в чине капитана по возвращении из командировки
в Македонию перед представлением царю.

Санкт-Петербург. Май 1909

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2007

© Е.А. Никольский (наследники), 2007
© Д.Г. Браунс (наследники), составление, подготовка текста, 2007
© К.Е. Журавлев, оформление, 2007
© Русский путь, 2007

Памяти Д.Г. Браунса,
бережно хранившего эту рукопись
в надежде на будущую публикацию

Рукопись воспоминаний Е.А. Никольского, в оригинале озаглавленная «Записки о прошлом за 55 лет Евгения Александровича Никольского в 4 частях, записанные им лично и оконченные в 1934 году в г. Сан-Карлос (Калифорния, США)», была передана внуками автора племяннику его покойной супруги Дмитрию Георгиевичу Браунсу, директору Музея Русской Культуры в Сан-Франциско. Публикуется без купюр по тексту, подготовленному к печати Д.Г. Браунсом при участии М. Меняйленко. Сохранены особенности авторского языка и пунктуации. Исправлены явные опiski и опечатки. Редакторские конъектуры в угловых скобках. Неразборчивые фрагменты текста помечены знаком вопроса в угловых скобках: <?>.

Предисловие

Судьба, а быть может, беспокойный дух заставляли меня постоянно менять место моей жизни. Детство мое протекло в деревне в Финляндии, где учился в деревенской школе. Юношество прошло в Санкт-Петербурге и в Москве.

Самостоятельную жизнь начал на военной службе в городе Одесса. Служил в Польше, на Дальнем Востоке*. Затем — в Пекине (Китай) и снова в Польше**. Потом Санкт-Петербург, Македония (Турция), Финляндия, Белоруссия, Польша, Рига, Ревель, Владивосток, Харбин. Наконец, Калифорния — Сан-Франциско на берегу Тихого океана и Сан-Карлос.

Сначала военная служба, потом гражданская; опять военная и снова гражданская; наконец, эмигрант.

Как много перемен мест и деятельности! Как много разнообразного, подчас очень интересного я встречал и слышал! Мне кажется, что на склоне жизни я могу рассказать кое-что, возможно, почти никому в настоящее время не известное.

Быть может, вдумчивый читатель поймет тогда некоторые истинные причины проигранных царским правительством войн с Японией и Германией, причины падения Великого Российского государства.

Повествование захватывает период времени более пятидесяти пяти лет, мало касаясь личной жизни, рассказывая только про то, что видел и слышал, в чем сам участвовал.

Автор

* Около границ России, Китая и Кореи. — *Здесь и далее, если нет другой пометы, — примечание автора.*

** Воспоминания о пребывании автора в Китае, а затем в Польше утеряны. — *Примеч. сост.*

Рукопись воспоминаний Е.А. Никольского, в оригинале озаглавленная «Записки о прошлом за 55 лет Евгения Александровича Никольского в 4 частях, записанные им лично и оконченные в 1934 году в г. Сан-Карлос (Калифорния, США)», была передана внуками автора племяннику его покойной супруги Дмитрию Георгиевичу Браунсу, директору Музея Русской Культуры в Сан-Франциско. Публикуется без купюр по тексту, подготовленному к печати Д.Г. Браунсом при участии М. Менайленко. Сохранены особенности авторского языка и пунктуации. Исправлены явные описки и опечатки. Редакторские конъектуры в угловых скобках. Неразборчивые фрагменты текста помечены знаком вопроса в угловых скобках: <?>.

Предисловие

Судьба, а быть может, беспокойный дух заставляли меня постоянно менять место моей жизни. Детство мое протекло в деревне в Финляндии, где учился в деревенской школе. Юношество прошло в Санкт-Петербурге и в Москве.

Самостоятельную жизнь начал на военной службе в городе Одесса. Служил в Польше, на Дальнем Востоке*. Затем — в Пекине (Китай) и снова в Польше**. Потом Санкт-Петербург, Македония (Турция), Финляндия, Белоруссия, Польша, Рига, Ревель, Владивосток, Харбин. Наконец, Калифорния — Сан-Франциско на берегу Тихого океана и Сан-Карлос.

Сначала военная служба, потом гражданская; опять военная и снова гражданская; наконец, эмигрант.

Как много перемен мест и деятельности! Как много различного, подчас очень интересного я встречал и слышал! Мне кажется, что на склоне жизни я могу рассказать кое-что, возможно, почти никому в настоящее время не известное.

Быть может, вдумчивый читатель поймет тогда некоторые истинные причины проигранных царским правительством войн с Японией и Германией, причины падения Великого Российского государства.

Повествование захватывает период времени более пятидесяти пяти лет, мало касаясь личной жизни, рассказывая только про то, что видел и слышал, в чем сам участвовал.

Автор

* Около границ России, Китая и Кореи. — Здесь и далее, если нет другой пометы, — примечание автора.

** Воспоминания о пребывании автора в Китае, а затем в Польше утеряны. — Примеч. сост.

ЧАСТЬ I Семья, школа, служба

Без отца

Мой прадед Григорий Маркелович был первым ректором Казанского университета, с 1830 года. При открытии университета он прочел первую лекцию о своих новых исследованиях бесконечно малых величин. Он был выдающимся математиком. В 1834 году по именному указу императора Николая I ректору Казанского университета профессору Г.М. Никольскому было даровано за заслуги перед Отечеством 2200 десятин земли в Бузулукском уезде Самарской губернии при селе Никольском.

Мой дед Маркел Григорьевич был инспектором рыболовства на реке Волге.

Отца своего, Александра Маркеловича Никольского, я не знал, так как он умер в ссылке в Архангельской губернии вскоре после моего рождения. Он был в конце 60-х годов замешан в политическом деле, известном под общим названием «Дело Худякова»*. <...>

Участники этого дела были судом приговорены к суровому наказанию — расстрелу, ибо все они были из дворян. Осужденные

* Александр Никольский и Иван Худяков приходились друг другу свояками — их жены были сестрами. Дело Худякова было фактически частью дела Дмитрия Каракозова, неудачно пытавшегося 4 апреля 1866 года застрелить императора Александра II. После покушения были проведены многочисленные аресты. Были арестованы Дмитрий Каракозов и его друг Николай Ишип. Были арестованы обвиненный в соучастии Иван Худяков и его родственник Александр Никольский. Худяков действительно не раз помогал Каракозову, и, по-видимому, именно он дал деньги на покупку револьвера. По решению специально созванного Верховного Уголовного суда Каракозов был повешен. Николаю Ишипу, Ивану Худякову, Александру Никольскому и другим в последнюю минуту смертная казнь была заменена каторжными работами. Уже находясь в ссылке, Иван Худяков записал свои воспоминания. Есть свидетельства, что под конец жизни он потерял рассудок. — *Примеч. сост.*

были приведены к месту казни на Царицын луг в Санкт-Петербурге. Им завязали глаза, и воинский отряд уже ждал команды офицера, чтобы произвести залп, как вдруг прискакал на белом коне флигель-адъютант Его Величества и, размахивая белым платком, остановил казнь.

Он держал в руке царский указ о помиловании всех осужденных с заменой казни различными наказаниями. Худяков был сослан на каторжные работы в Сибирь без срока, мой отец — в один из северных городков Архангельской губернии, где скоро умер. Мать моя, имея на руках меня, менее чем годовалого, не могла последовать за ним.

Одновременно с отцом была арестована и моя мать, и ее заключили в тюрьму в доме Александро-Невской части, что на Невском проспекте около Николаевского вокзала. Мне в это время было только три месяца, и меня взяла к себе дальняя родственница П.Е. Казакова, которая была акушеркой в клинике детских болезней профессора Красовского в Медико-хирургической академии*.

В тюремном заключении мою мать продержали продолжительное время**, стараясь доказать, что она была активной участницей группы Худякова. На самом деле мать никакого участия в политике никогда не принимала и даже ничего не знала в этом отношении про отца.

Как она мне рассказывала, ее в тюрьме все время спрашивали — куда девала какой-то конверт с бумагами, якобы данный ей на хранение отцом, чего на самом деле не было. Наконец, ей принесли пищевую посылку, в составе которой находилась булка, и в середине ее оказалась запеченная записка, написанная рукою отца и им подписанная. В этой записке он просил написать ему ответ, куда она спрятала данный ей конверт. Ответ она должна была незаметно заделать в остаток булки.

Внимательно рассмотрев записку, мать пришла к заключению, что она написана не отцом, но весьма похожим почерком, а потому ей стало ясно, что это проделка сыщиков. Она, проведя ночь в молитве, написала ответ: «Ты, кажется, сошел с ума, пишешь мне про какой-то конверт, который никогда не давал, и сам знаешь от-

* Впоследствии она поможет автору перебраться с Дальнего Востока в Санкт-Петербург и устроиться на работу. — *Примеч. сост.*

** Более шести месяцев.

лично, что я не знала ничего про твое участие в политике, из-за которого меня уже более полугода томят в тюрьме, наш ребенок не знает ни матери, ни отца, находясь в чужих руках».

Через несколько дней мать была освобождена, но оставлена под надзором полиции, который выражался в том, что где бы она ни была, должна два раза в год являться в полицию для регистрации, и без заявления последней не имела права уезжать с места жительства. Этот «надзор» продолжался почти всю ее жизнь и тяготел над нею, как страшное постоянное воспоминание о мучительных месяцах, проведенных ею в тюрьме.

Впоследствии заинтересованный жизнью отца, я отправился в публичную библиотеку в Санкт-Петербурге, нашел там «Дело Худякова». Из обозрения я узнал, что главное обвинение, выставленное против участников группы, заключалось в том, что все они находили своевременным учреждение при правительстве законосовещательного органа, составленного из членов, свободно выбранных населением. Через этот законосовещательный орган проходили бы все проектируемые правительством законы, была бы предоставлена как возможность законодательной инициативы, так и проверка государственного бюджета. Во всяком случае, группа Худякова мечтала несравненно о меньшем, нежели то, что впоследствии даровал Манифест Николая II.

Сестра моей матери Неонила Александровна была замужем первым браком за Худяковым, сосланным на вечную каторгу и там скоро погибшим. Вторично она вышла замуж за профессора Н.В. Соколова, химика, известного своими работами в области взрывчатых веществ не только в России, но и за границей. Он впоследствии заменил мне отца своею ласкою и полным сердечной теплоты отношением. Брат матери Владимир Александрович Лебедев был видным инженером, ближайшим соратником инженера Путилова по созданию металлургического завода, впоследствии «Путиловского». В.А. Лебедев первым приспособил локомотив к топке углем. Он умер от туберкулеза молодым, отправившись на средства казны для лечения в Каир.

После освобождения матери из тюрьмы ее, совершенно большую физически и нравственно, взял к себе ее дядя* Григорий Васильевич Назаров, богатый человек, живший в Финляндии. Он был многолетним арендатором огромного имения, принадлежавшего

* Брат бабушки.

казенному Сестрорецкому оружейному заводу, и по договору пользовался всеми правами завода по отношению к этому имению; права эти были установлены законом Петра Великого и носили все признаки прав удельного владения. Назаров был человеком, увлекавшимся различными изобретениями и растратившим все свое большое состояние на применение их к жизни. Как говорит наша устная семейная хроника, Г.В. Назаров нашел быстрый и дешевый способ выработки стали*, секрет которого хотел купить инженер Путилов. Путилов предлагал 500 000 рублей, а дядя требовал миллион, на этом они и разошлись. Г.В. Назаров решил сам построить металлургический завод для реализации своего изобретения, так как нужная железная руда нашлась на землях арендуемого им имения. Но судьба решила иначе. На постройку завода дядя истратил большие деньги, однако, не успев закончить строительство, скоропостижно умер, оставив матери и мне $\frac{3}{10}$ своего имущества. Хотя имущество и было расстроено, но при ликвидации удалось кое-что сохранить в виде приличного имения с винокурненным заводом при Красном Селе**. Это имение было выделено казной в собственность наследников Г.В. Назарова при передаче финляндской казне всех земель Сестрорецкого завода, находившихся в пределах Финляндии.

Мы жили у дяди в большом старинном доме, окруженном громадным парком посреди Красного Села.

Во время войны со Швецией*** Петр Великий имел свою главную квартиру в этом доме и бывал в нем наездами в продолжение долгого времени; вблизи дома Царь**** собственноручно посадил несколько лип, из которых впоследствии образовалась довольно большая роща, существовавшая до последнего времени. Из Орловской губернии Петр переселил восемь семей на земли около большого дома, и эту небольшую деревню он сам назвал Красное Село. Потомки этих восьми семейств умножились и образовали кроме большой деревни Красное Село еще три — Паркино, Развоз и Новая деревня.

Еще при жизни дяди, когда строили металлургический завод, необходимо было поднять часть местности, для чего привозили массу песка, который брали из большой песчаной горы, находившейся около проезжей дороги. Однажды ночью дяде приснился сон, что

* Бессемер открыл этот способ позднее.

** Кивиневский уезд Выборгской губернии.

*** 1700—1708 гг.

**** Император Петр I.

его рабочие нашли в песчаной горе труп человека. Дядя в то же утро рассказал свой сон домашним. Через несколько дней рабочие действительно, разрывая песок, отрыли труп человека, обратившийся в чистом песке в хорошо сохранившуюся мумию, но без головы; по металлическим пуговицам, истлевшим остаткам одежды, шелкового шарфа и погон можно было заключить, что это был офицер петровского времени. Отсутствие головы давало возможность предположить, что здесь имело место преступление.

Как только дядя распорядился похоронить найденное тело здесь же на горе, как в ближайшую ночь ему приснилось как бы продолжение сна. Он ясно увидел, что голова зарыта под старой огромной сосной, стоявшей вблизи горы у перекрестка дорог, и во сне кто-то ему сказал, что все тело должно быть предано земле на кладбище. Этот сон произвел на дядю сильное впечатление. Он сам отправился с рабочими к сосне, и они действительно вырыли в указанном месте череп человека. После этой находки дядя в своем присутствии велел также вырыть уже похороненные останки на горе, их соединили с головою, положили в гроб и после отпевания в церкви похоронили на кладбище. Все члены нашей семьи и рабочие присутствовали при погребении.

Впоследствии, в продолжение всего моего пребывания в Финляндии, я всегда с чувством страха проходил и проезжал мимо старой сосны, под корнями которой долгое время было углубление в том самом месте, где была найдена голова. Особенно жутко мне бывало, когда приходилось проезжать мимо сосны в ночное время — я тогда заблаговременно закрывал глаза. Прошло много лет, и, возвратясь с Дальнего Востока, я поехал однажды навестить места моего детства и молодости. Старая сосна все еще стояла, и я опять испытал то же чувство жути, когда проезжал мимо нее поздно ночью. Как сильны в нас ранние впечатления!

У нас на скотном дворе отдельно находился огромный породистый бык, которого из-за его свирепости никуда не выпускали. Однажды, как мне рассказывала мать*, бык вышел из своего помещения и пришел к парадному крыльцу, у которого я играл с песком. Бык набросился на меня, стоявшего почти вплотную к стенке крыльца, и с такою силою боднул меня, что его рога, не причинив мне никакого вреда**, вонзились в деревянную стенку крыльца и

* Сам я, конечно, ничего не помню, ибо мне было тогда около трех лет.

** Я оказался точно между рогами и близко к стене.

вошли в дерево настолько глубоко, что бык не мог их освободить и остался в таком положении. На дикое мычание быка прибежали люди и моя мать, которые были поражены тем, что я, улыбаясь, стоял пригвожденный к стене и хлопал по голове зверя. Мать подошла и вынула меня из рогов зверя совершенно невредимого.

Во время моей шестидесятипятилетней жизни в редкие короткие мгновения счастья и очарования я искренне благодарил Господа Бога за то, что на заре моего существования он не дал быку прекратить мою жизнь. Однако гораздо чаще в долгие тяжелые промежутки жизни, полные тяготы и разочарований, думал:

«Почему же Создатель нашел нужным не дать дикому зверю возможность вонзить свой рог в мое тщедушное тело? Неужели краткие дни счастья окупают бесконечно долгое несчастье?»

Вскоре после смерти Г.В. Назарова мы переехали в оставленное нам казной имение на берегу озера Юски-Ярви, где я провел детство до двенадцати лет. Ходил учиться в сельскую школу, основанную в Красном Селе моею матерью, а потом был отдан приходящим в Александровский кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Мечтою моего детства было сделаться моряком. Мы жили на берегу довольно большого озера, и я привык все время проводить на воде, плавая на парусной лодке самостоятельно с малых лет. К сожалению, когда мать повела меня к директору Морского корпуса и просила его принять меня*, тот во время разговора заметил, что я заикаюсь, и отказал, сославшись, что «заик не принимают». В Александровский кадетский корпус, где нашлась вакансия, меня приняли по экзамену во второй класс.

Александровский кадетский корпус был основан военным министром графом Милютиным, одним из самых образованных и либеральных людей царствования Александра II. Милютин был ярким сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости непременно с землей и принимал самое деятельное участие в работе комиссии по освобождению крестьян. В те времена в кадетские корпуса принимались только дети дворян и офицеров. По инициативе Милютина в Александровский корпус могли поступать дети всех сословий, не исключая евреев. Так со мною в классе были два брата Гринфельд. В армии также служили евреи — офицеры. Но через год после моего поступления в

* Пришлось особенно просить, так как в то время в Морской корпус принимали предпочтительно сыновей моряков, и притом только дворян.

корпус вышло правительственное распоряжение предложить евреям в армии или принять иное вероисповедание, или уйти. Разрешалось перейти в любое исповедание, даже в нехристианское. Часть евреев перешла в лютеранство, а другие ушли со службы. Из Александровского корпуса ушли все евреи, которых было всего пять человек.

На постройку корпуса были затрачены немалые деньги, и он был лучшим учебным заведением столицы по своему внутреннему устройству. Дисциплина в корпусе была чрезвычайно строгая. Являться на занятия надо было ровно без четверти девять часов утра. Если кто опаздывал, хотя на минуту, и не мог представить достаточного оправдания своему опозданию, то отсылался домой*. Тотчас после прихода кадеты выстраивались в зале, и воспитатель подробно осматривал, чисты ли руки. Затем приказывал расстегнуть мундир и показать, чистая ли одета рубашка, вымыты ли хорошо уши, иногда снимались сапоги и осматривались ноги. После осмотра начинались уроки, которые продолжались до трех часов сорока минут с перерывами для перемен**. Малейшая шалость строго пресекалась. Правда, карцеров не было, розог тоже. Но авторитет воспитателей и преподавателей стоял чрезвычайно высоко, достаточно было одного окрика, чтобы шалость или проделка кадета была остановлена. Наказание обыкновенно состояло только в оставлении сидеть в классе по окончании уроков час или два. За проступки, связанные с нарушением истины или чести, полагался перевод в третий разряд по поведению и, как высшая мера наказания при оставлении в корпусе, срывание погон, которое считалось самым позорным наказанием и применялось крайне редко. В продолжение всего моего пребывания в корпусе оно было применено только два раза. При приведении в исполнение этого наказания выстраивались все классы, являлся директор корпуса, вызывал виновного кадета, объявлял его проступки и затем резким движением срывал с мундира погоны, которые нашивались обратно через время, объявленное директором.

Первый и второй классы составляли младший возраст, третий и четвертый — средний, пятый, шестой и седьмой — старший. Кадеты одного возраста занимали один этаж в здании корпуса. Коридоров не было. Двери классов выходили в большой зал. Клас-

* Все кадеты были приходящими, пансионеров в корпусе не было.

** Перемены: малая — 4 мин., большая — 20 мин.

сы имели по три отделения, кроме четвертого и седьмого. Четвертый класс имел четыре отделения, а седьмой только два. Таким образом, всего в здании было двадцать одно классное помещение и три возрастных зала. Кроме того, был огромный гимнастический зал, танцевальный, портретный и приемный. Прекрасны были и отдельные классы: рисовальный, физический с различными приборами и естественный с помещением для коллекций.

Директор корпуса, Генерального штаба генерал-майор К.М. Рудановский был суровый, бездушный человек. За ним слепо следовал и весь персонал воспитателей и преподавателей, хотя последние были одни из лучших в Санкт-Петербурге*. Преподавание наук велось, основываясь исключительно на строгом отношении к ученикам, заставляя их страхом готовить все уроки. Страх получения дурной отметки был единственным импульсом, который толкал усидчиво заниматься и исполнять все требования учителей. Установленная программа обучения проходила не только полностью, но даже с большим избытком, и кадеты получали действительно глубокие, прочные знания. Когда по окончании корпуса я держал конкурсный экзамен в Электротехнический институт, то, не взяв за все лето ни одной книги в руки, выдержал экзамен третьим из двухсот восьмидесяти молодых людей, желавших попасть в институт. Настолько хороша была подготовка Александровского кадетского корпуса. Вероятно, в славе нашего корпуса надо искать причину, почему многие мальчики аристократических фамилий учились у нас несмотря на то, что среди нас были и разночинцы. Так одновременно со мной в корпусе учились граф Игнатьев, братья князя Барятинские, князь Голицын и другие.

Все в корпусе было, казалось, великолепно, но не было... души, не было сердечной ласки и тепла. Все время проходило в криках воспитателей, вроде того как любил выражаться воспитатель младших классов Моисеенко:

— Я вам покажу! — добавляя иногда в моменты особого раздражения: — Зас...цы!

Само преподавание было самое сухое. Большинство учителей во время уроков даже не улыбались. Уроки задавались в больших размерах не только в учебный период, но и на каникулярное время. Так, например, в четвертом классе я имел переэкзаменовку по

* Некоторые из них давали уроки детям Государя и великих князей.

алгебре: преподаватель Рунге задал мне на лето 100 задач, самых трудных из задачника Давидова. По естественной истории кадеты должны были все лето собирать растения и составлять гербарий*, собирать бабочек и т.п. Кроме сухой науки нам никогда не говорили ни слова о любви к людям, к своей Родине, ни об исполнении долга, ни о чести, ни о добре, ни о зле, ни о том, что было хорошего в нашем народе. А его было так много! При блестящем образовании, знании языков мы не знали своей Родины России, не знали наших предков, нам ничего не говорили о патриотизме, о величии русского народа.

Обыкновенно каждые два года в феврале или марте месяце корпус посещал император Александр III, иногда с императрицей Марией Федоровной. Так однажды Государь и Государыня приехали к нам. Они обходили все классы, радушно беседуя с кадетами. Они пробыли в корпусе около двух часов. При отъезде Государя и Государыни кадеты, несмотря на запрещение воспитателей, бросились их провожать в переднюю и почтительно стояли в некотором отдалении. Швейцар снял с вешалки ротонду императрицы. Император заметил:

— Неужели никто из вас не может помочь императрице?

Все кадеты бросились к швейцару и, вырывая друг у друга, разорвали верх ротонды. Испугавшись этого, разбежались, а ротонда упала на пол. Государь, увидев испуг кадет, добродушно рассмеялся и сказал, поднимая ее сам:

— Кадеты! Ведь это подарок Сибири! Соболиная ротонда стоит сорок тысяч!

Я был в пятом классе, когда Александр III приехал в корпус один. У нас в классах не было кафедр, а стол для учителя стоял примкнутым к первой парте среднего ряда. Я сидел на этой парте с правой стороны, обращенный к двери. Государь вошел в класс, сел на стул, пододвинув его к моей парте, дал мне свою фуражку, сказав:

— Возьми и держи! — а сам стал слушать, что отвечает кадет, вызванный перед приходом Государя учителем немецкого языка.

Я стал рассматривать фуражку и был удивлен, что она была подбита внутри чем-то мягким и простегана черным шелком. Как-то невольно я надел фуражку Государя — она была настолько ве-

* Не менее определенного числа растений.

лика, что закрыла мне глаза. Вдруг я услышал смеющийся голос Государя:

— Посмотрите, как она ему велика!

Услышав эти слова, я опомнился, снял с головы фуражку и стал из-за парты, растерянно держа ее в руке. Около Государя стояло все наше начальство, а директор корпуса с испуганным видом строго смотрел на меня. В этот момент кадет окончил свой ответ. Государь, обратясь ко мне, спросил значение по-немецки нескольких слов, которые я, к счастью, знал, и он похвалил меня.

Уходя, Государь немного задержался около двери, и я слышал, как он обратился к директору со словами:

— Прошу, чтобы поступок кадета не имел никаких последствий.

В последующей моей сознательной жизни я не был приверженцем самодержавного строя, но не знаю, почему воспоминания, связанные с редкими посещениями корпуса Александром III, всегда вызывали и вызывают у меня сильное волнение, полное глубокой симпатии к этому Государю. Думаю, что мягкое, сердечное его отношение было настолько противоположно отношению начальства к нам, что теплота Государя запечатлелась на всю жизнь.

Когда я был в седьмом классе, к нам приехал наследник престола Николай Александрович. Он прослушал внимательно ответы кадета, вызванного учителем истории, но не задал сам ни одного вопроса. За все время пребывания в классе он не произнес ни одного слова и произвел на нас впечатление очень скромного и как бы стесняющегося человека.

Всегда после посещения корпуса Высочайшими особами директор нам объявлял, что Государь повелел нас распустить на три дня.

При переходе в седьмой класс впервые после многолетнего перерыва все кадетские корпуса в составе старших классов были вывезены на лето в лагерь около самого Петергофа, недалеко от известного Петергофского дворца, в котором обыкновенно проводила лето императорская семья*.

В это лето в Петергоф приезжал с визитом к Александру III недавно вступивший на престол молодой император Германии

* В лагерях нас прекрасно кормили, и мы проводили все время в строевых занятиях и гимнастических упражнениях, военных прогулках, купались в море и т.д. Времяпрепровождение было самое здоровое и приятное, причем мы нисколько не уставали.

Вильгельм II. Вильгельм пришел в Петергоф на яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении небольшой эскадры. На пристани Петергофа он был встречен нашим Государем. Около пристани стояли в строю наши кадетские корпуса в составе: Пажеского Его Величества, 1-го, 2-го, Николаевского и Александровского. После обхода императорами строя кадет они оба сели в коляску и поехали во дворец окружным путем по аллеям чудного Петергофского парка. Нас же бегом по короткой дороге быстро перевели в знаменитую большую аллею фонтанов, в конце которой находился гигантский фонтан «Самсон». Здесь около самих фонтанов кадеты вторично встретили императоров.

Фонтаны перед Большим Петергофским дворцом устроены таким образом, что образуют сплошную аллею высоко поднимающихся многочисленных струй воды. В конце этой водяной аллеи перед большой лестницей, ведущей к балкону дворца, бьет фонтан «Самсон», извергая массу воды и оmyвая лестницу сильными струями. Когда все фонтаны пущены, создается незабываемое великолепное зрелище.

Император Николай I, который очень любил кадетов*, каждое воскресенье приглашал их к себе и приказывал под потоками воды фонтанов и под мощными струями «Самсона» в одежде взбираться на большую лестницу к балкону. Кто первым из кадет достигал площадки перед балконом, тот получал из рук ожидавшего его императора золотые часы. В наше время этого уже более не бывало.

Через два дня после прибытия императора Вильгельма нам был назначен парад, который должен был принимать германский император.

Перед двумя великими императорами, распространявшими свое влияние почти на весь мир, мы, кадеты, исполнили ряд воинских построений, произвели примерную атаку и всё закончили церемониальным маршем. Вильгельм хвалил нас громким голосом на русском языке.

После смотра мы возвратились в свои бараки и начали раздеваться, снимая амуницию. Барак, в котором находился мой взвод, был крайним по отношению к плацу, на котором проходил смотр. Вдруг совершенно неожиданно в наш барак вошли без свиты оба императора. Мы замерли у наших коек как были полуодетые. Рядом с моей койкой стояла койка графа Игнатьева, семью которого

* Они стояли в тех же лагерях-бараках, в которых находились и мы.

и его самого хорошо знал Вильгельм. Он подошел к графу, поздоровался за руку и начал разговаривать с ним о его семье. Около Вильгельма стоял Александр III, который вступил в разговор со мной. Посмотрев на меня долгим взором, он спросил:

— А вы — не тот ли кадет, который в классе надел мою фуражку?

— Так точно, Ваше Императорское Величество, это был я.

— Насколько помню, я приказывал вас не наказывать. Было ли это исполнено?

— Мне никто не сделал никакого замечания, Ваше Императорское Величество.

— Как ваша фамилия?

— Кадет Евгений Никольский, Ваше Императорское Величество.

Государь хотел задать мне еще какой-то вопрос, но в этот момент Вильгельм закончил разговор с Игнатьевым, и оба императора прошли далее по бараку к выходу.

Вопрос Государя о фуражке поразил меня острою его памяти. Впоследствии мне говорили, что вообще все Романовы отличались замечательной памятью, а особенно Николай II.

На следующий день на море вблизи Петергофской пристани был зажжен фейерверк в честь тезоименитства императрицы Марии Федоровны. Тогда говорили, что он обошелся в 60 000 рублей. Все пиротехники и Военно-Пиротехническая школа работали более полугода, изготавливая небывалый в истории огненный фейерверк. Действительно, это было удивительное зрелище. Все ракеты, огни, «тучи» римских свечей* пускали и жгли на плотках на море. Складывалось впечатление, что миллионы огней исходят из морской пучины. А закончилось все появлением на небе огромного вензеля двух императоров и императрицы**.

Мы, кадеты, стояли во время фейерверка около беседки «Монплеизир»***, из которой любовались представлением царственные особы с особо приглашенными.

На другой день состоялся большой смотр войск в Красносельском лагере, где были собраны войска как Петербургского военного округа, так и войска, подошедшие из других мест. На этом параде произошел следующий интересный случай.

* Вид фейерверка. — *Примеч. сост.*

** Не следует забывать, что в то время еще не было электрического освещения.

*** Беседка «Монплеизир» была построена во времена Екатерины II.

Накануне перед парадом Александр III назначил Вильгельма шефом Выборгского пехотного полка, который должен был участвовать в параде. Вильгельм на параде был одет в форму этого полка. Когда полк начал проходить церемониальным маршем, император Вильгельм встал перед полком своего имени и, проходя мимо императора Александра III, салатовал ему. Затем он сделал «заезд» и встал около нашего Государя. Рядом, как следовало по уставу, встал и командир полка. Тут Вильгельм заметил, что Выборгский полк имеет серебряные трубы. Он обратился к командиру полка с вопросом:

— За какой подвиг мой полк получил серебряные трубы?

Командир полка растерянно замешкался.

— Отвечайте, полковник! — приказал Александр III.

— За взятие города Берлина, Ваше Императорское Величество! — был его ответ.

После ответа командира полка Вильгельм повернулся к императору Александру и, протягивая ему руку, сказал:

— Теперь этого более не будет! — желая, видимо, подчеркнуть, что Германия и Россия в настоящее время так дружны, что вражды между ними более быть не может.

Незадолго до окончания мною корпуса моя мать продала наши $\frac{3}{10}$ части имения в Красном Селе и все вырученные деньги доверила своему брату Александру Александровичу Лебедеву. Он уверил ее, что имеет возможность поместить их в верные руки под довольно большой процент. Из всех денег мать оставила 800 рублей, предназначив их для меня к тому времени, когда я закончу образование, и положила их в банк на мое имя.

Дядя вскоре простудился и заболел скоротечной чахоткой. За две недели до кончины он позвал меня к себе и обратился со следующими словами:

— Деньги сестры и твои я взял лично себе и выдал вам подложный документ от имени несуществующего лица. Проценты на капитал я платил вам сам. Хорошо знаю, что умру, потому сознаюсь в своей подлости перед тобою, Женя, и своею сестрою. Прошу простить меня, умирающего. После себя я оставляю без всяких средств не только вас двоих, но и свою жену с пятью детьми. Обращаюсь к тебе, своему родному племяннику, с последней великой просьбою, которую я, умирающий, умоляю тебя исполнить. Перед болезнью, нуждаясь до крайности в деньгах, я занял 800 рублей в обществе взаимного кредита, поставив на векселе поддель-

ные подписи поручителей. Если завтра вексель не будет выкуплен, моя семья унаследует опозоренное имя — имя преступника Лебедева. Женя! Пожалей моих четырех сыновей и дочь, твоих братьев и сестру. Пожертвуй своими 800-ми рублями, возьми их и завтра выкупи мой вексель! Я умру спокойно и завещаю своим детям уплатить тебе мой предсмертный долг. Женя, спаси!

На следующий день я принес выкупленный вексель дяде, который через две недели скончался. Как только я узнал, что дядя умер, тотчас пошел к нему. Он умер в большой гостиной, где лежал последнее время по совету врача. Между гостиной и столовой находилась большая передняя, отделенная от них дверями. Когда я пришел, дядю обмывали, и, окончив все, ушли. Детей в квартире не было. Его вдова была в отдельной комнате, прислуга на кухне. Оставшись один у тела покойного, я смотрел на него, думая о том, что теперь моя мать и я остались без всяких средств к жизни, об ожидающей нас нужде и совершенной бедности. С этими мыслями я поклонился телу и вышел из гостиной. Я плотно запер дверь из передней, прошел в столовую, тоже хорошо закрыв дверь, и присел к обеденному столу в совершенно удрученном состоянии духа. В квартире была полная тишина. Вероятно, я задремал, и во сне мне представилось удивительное явление, врезавшееся в память во всех подробностях на всю мою жизнь. Видение было следующее:

Я услышал, что с легким скрипом кто-то открывает дверь в переднюю из гостиной.

«Кто это был у дяди? Ведь я оставался у него довольно долго один, и когда вышел, никого у него не было!» — подумал я.

Слышу легкие шаги человека в туфлях или босиком, проходящего в переднюю. Смотрю на дверь из передней и вижу, как дверная ручка двигается и дверь медленно со скрипом открывается. На пороге стоит дядя, держа своей правой рукой ручку двери. Он был в том костюме, в который его только что одели при мне. Немного постояв, смотря на меня спокойными, ясными глазами, он сказал мне совершенно явственно:

— Женя, не плачь — все, что я у вас взял, тебе возвратится с избытком, и ты нуждаться не будешь. Не плачь!

Сказав это, дядя, не торопясь, закрыл дверь, и я слышал, как он прошел в переднюю и закрыл за собой дверь в гостиную.

Я пришел в себя — лицо у меня было мокрое от слез, а сам дрожал всем телом. Довольно долго я не мог успокоиться. Только когда кто-то позвонил с парадной лестницы, я смог встать и пойти.

С тех пор прошло сорок восемь лет. Было время, когда у меня были средства, даже несравненно большие, нежели взял дядя*. Не знаю, что ожидает меня в будущем в эмигрантской жизни, если я буду еще жить, но до настоящего времени действительной нужды голодного человека я и семья пока еще не знали. Предсказанное несчастным дядей исполнялось. Что будет в ближайшем будущем? Кому это известно? Только всегда молю Господа Бога, чтобы и далее его благодать не оставила меня и моих дорогих — жену и дочь. Благодарю Всевышнего, что предсказание дяди до сего времени исполнялось.

Я простил дяде его проступок сорок восемь лет тому назад, стоя у гроба. Но завещание дяди отдать мне 800 рублей никто из его детей и не подумал исполнить. В Харбине, будучи в крайне трудном положении, я обратился к одному из его сыновей, Владимиру Александровичу Лебедеву, совладельцу банка в Белграде, с просьбой помочь с устройством в случае моего приезда в Сербию**. На мое письмо он сам не ответил, а поручил своей сестре:

— Передай Жене, что русских нищих и так много в Европе, а потому ему здесь делать нечего.

Начало военной службы

Весною следующего года я окончил корпус и решил не идти на военную службу. Осенью я держал экзамен по конкурсу в Электротехническое училище Почтово-телеграфного ведомства, вскоре переименованного в Электротехнический институт.

Однако мое пребывание в высшем учебном заведении было недолгим. Начались различного рода беспорядки среди студенческой молодежи, и мне стало ясно, что окончание института отдалается на неопределенное время. Материальное положение моей матери совершенно расстроилось. Я решил оставить институт и снова пойти на военную службу, чтобы как можно скорее начать помогать ей, хотя бы немного. В 1890 году я поступил в Московское военное училище***.

* Как и у многих, все эти средства пропали с приходом большевиков к власти.

** Денег у него я не просил.

*** Впоследствии — Алексеевское.

Московское военное училище славилось тем, что было одним из самых строгих. Незадолго до моего поступления в училище умер полковник Галахов, бывший долгое время начальником училища. Он был известен своим строгим, почти зверским характером. Первоначально он служил в одном из гвардейских полков в Петербурге и командовал ротой. Солдаты его не любили за жестокость и черствое отношение к ним. Как-то он пришел в свою роту на занятия, здоровается с солдатами, а вместо ответа — полное молчание. Тогда он выстраивает всю роту, берет из комнаты фельдфебеля револьвер, подходит к правофланговому гвардейцу и, обращаясь лично к нему, здоровается. Тот молчит. Галахов стреляет в него — солдат падает убитым. Угрожая револьвером, Галахов здоровается со следующим — солдат громко отвечает ему. Здоровается со всей ротой — дружный ответ:

— Здравия желаем вашему высокоблагородию!

Галахов командует:

— Направо! — и проводит роту по бьющемуся в предсмертных судорогах телу гвардейца.

На докладе об этом происшествии Александру II последний наложил резолюцию «Галахов по уставу прав, но убийцы в гвардии не служат». Галахова перевели в армию*, а впоследствии назначили начальником Московского военного училища. Надо признать, что назначение Галахова начальником военного училища было явлением удивительным: убийца в гвардии служить не мог, а воспитывать молодых людей для службы Родине и Царю мог...

Галахов был гигантского сложения темный брюнет с блестящими сверлящими глазами. Когда он бывал сердит, из глаз его сверкали искры, и нередко юнкер, на которого он кричал, падал в обморок. Хотя он и завел в училище порядки дисциплинарного батальона, но молодая кровь юнкеров давала иногда себя знать если не в училище, то на стороне.

Однажды в праздник группа юнкеров оказалась в одном из «веселых» домов в Соболевом переулке. В те времена две улицы — Соболев переулок и Драчевка были сплошь заняты этими заведениями, причем на первой находились более дорогие, а на второй — более дешевые, посещавшиеся рабочими и солдатами. В самых дешевых, «солдатских», были порядки, о которых стоит упомянуть. Посетитель подобного заведения входил в переднюю, где

* Как будто для армии убийцы хороши.

платил кассиру 25 копеек и получал взамен небольшую черствую сайку*, которую в общем зале посетитель предъявлял той девице, которая ему понравилась. Расходом на покупку сайки исчерпывались все расходы по посещению заведения.

В заведении, в которое пришли юнкера, оказалась большая группа студентов, которые начали выражать свое неудовольствие появлением юнкеров. Студентов оказалось значительное большинство, и юнкерам пришлось уступить. Они послали за помощью в училище, откуда пришло много юнкеров. Они снова вошли в оставленное ими заведение и вступили в драку со студентами. Студенты были побиты, но появилась полиция, с которой юнкера тоже вступили в драку. Полиции тоже пришлось отступить. Только вызванная воинская часть оказалась в состоянии успокоить расходившуюся молодежь.

В наказание за этот скандал все училище было лишено права ношения холодного оружия во время отпусков в город. Галахову был объявлен выговор, и он, вероятно с горя, вскоре умер.

Вместе с новым начальником училища Московское юнкерское училище было переименовано в Московское военное училище, и в него стали принимать только окончивших средние и высшие учебные заведения, причем последних брали на одногодичный курс.

Генерального штаба полковник Н.П. Шатилов был прекрасный начальник во всех отношениях. При нем дела в училище были поставлены на самый высокий уровень. Отношение его к юнкерам было полно внимания и доброжелательности. Я уверен, что никто из бывших юнкеров не помянет его лихом.

Перед окончанием училища в конце второго курса со мной случилась неприятность. Во время одного строевого учения в манеже я напутал. Курсовой офицер капитан Бакмансон видел, что тем виновником был я. Сделав вид, будто он не заметил, кто именно напутал, он закричал:

— Какой дурак там врет?

По окончании строевых занятий я доложил о происшедшем ротному командиру с просьбой довести до сведения начальника училища, причем сказал:

— Дисциплинарный устав точно указывает, какие полагается налагать на виновных взыскания. Но не оскорбления!

* Особый белый хлеб, спеченный на соломе.

На следующий день, когда вся наша рота была выстроена, в присутствии батальонного командира ко мне подошел капитан Бакмансон и сказал:

— Юнкер Никольский! Начальник училища приказал мне извиниться перед вами — я извиняюсь. Но, если вам моего извинения недостаточно, я по окончании вами училища буду в вашем распоряжении.

При разборе офицерских вакансий я взял вакансию в Свеаборгскую крепостную артиллерию* с прикомандированием к 12-му Саперному батальону, причем было заявлено, что через год я буду переведен в инженерные войска и командирован на электротехнические курсы в Петербург. Вскоре пришла телеграмма, что все юнкера, взявшие вакансию в артиллерию с прикомандированием к саперным батальонам, должны или отказаться от прикомандирования, или выбрать себе другую вакансию в какую-либо пехотную часть из числа свободных. Тогда мне пришлось взять вакансию в 6-й Стрелковый полк.

12-й Саперный батальон стоял в городе Одессе. На мое несчастье, я решил остаться в прикомандировании и переменял артиллерию на пехотную часть. Вообще, в специальных родах оружия, особенно в инженерных частях, находилось много поляков; так и в 12-м Саперном батальоне большинство офицеров были поляки. Командир полковник Сенницкий был заядлый поляк, который всеми возможными мерами старался подбирать офицерский состав из поляков. Из училища нас всего было прикомандировано трое, и все чисто русские; поэтому Сенницкий с первого нашего появления в батальоне стал относиться к нам недоброжелательно и через год дал нам неудовлетворительные аттестации, в которых написал, что мы, как окончившие пехотное военное училище, по своим знаниям не годимся для инженерных войск. После подобной аттестации все мы трое были откомандированы в свои полки, и я вместо Петербурга попал неожиданно в Польшу.

Губернский город Кельце, где стоял 6-й Стрелковый полк, был когда-то резиденцией примаса Польши. Примас жил в старинном дворце, окруженном большим тенистым парком. Все, приезжавшие к нему, не исключая царственных особ, должны были остав-

* Около города Гельсингфорс (ныне — Хельсинки. — *Ред.*)

лять своих коней около входа в парк, обыкновенно у отдельно стоявшей липы.

По преданию, Ян Собесский, идя в поход на защиту Вены от нашествия мусульман, привязал своего коня к этой липе, когда приехал в Кельце за благословением примаса. Дерево это существовало еще тогда, когда я прибыл в полк молодым офицером из Одессы. Все поляки весьма чтит историческую липу, и раз в год в день, когда, по преданию, Ян Собесский приезжал к примасу, из кафедрального католического собора к этой липе совершалась торжественная духовная процессия, и служилась панихида за примаса и Яна Собесского в присутствии огромного количества народа. Липа была окружена металлической решеткой, почиталась поляками как святыня и на ней была укреплена старинная икона Св. Яна. Липа росла в стороне от дороги и, казалось, никому не мешала. Недалеко от липы* были расположены баня и хлебопекарня нашего полка. Сама липа была основательно укреплена подпорками и железными лентами на винтах.

Однажды наш командир полка Генерального штаба полковник Н.Я. Жданович по неизвестно какой причине объявил, что спилит эту липу. Все польское общество было крайне возмущено, и посыпались протесты нашему правительству. Правительство потребовало от Ждановича объяснения его распоряжению. Он ответил, что считает необходимым спилить липу, так как она может по старости упасть и искалечить солдат, проходящих мимо липы. Несмотря на столь наивно-глупое объяснение Ждановича, липа была срублена.

По всей территории Польши было разбросано много монастырей различных католических орденов. После восстания поляков 1863 года наше правительство постановило большую часть монастырей закрыть, так как было обнаружено, что именно они были очагами пропаганды восстания. Некоторые монастыри, как более виновные, были закрыты немедленно и совершенно. Другие оставлены, но существованию их были поставлены пределы — они могли существовать только до тех пор, пока будет жив хотя бы один монашествующий из тех, которые населяли монастырь в 1863 году; новых монахов быть не могло.

В помещениях закрытых монастырей** очень часто были устроены войсковые казармы, интендантские склады и т.п.

* Шагах в 500–600.

** Не исключая и храмов.

Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками округа был известный генерал Гурко, который главенствовал над Польшею в продолжение с 1883 до 1894 года. При оставлении им поста генерал-губернатора он был возведен в чин генерал-фельдмаршала и в прощальном слове своем сказал следующее: «Забота об охране чести и неприкосновенности моей Родины составили единственную цель моей жизни. Стоя более одиннадцати лет во главе войск Варшавского военного округа, я по мере моего разума старался развить в них боевую готовность. Всю душу я вложил в дело боевого воспитания армии, посвятив на это все мои силы, стремясь создать из вверенного мне округа нерушимый оплот чести России».

Из приведенной выдержки из прощального слова генерал-фельдмаршала Гурко видна цель, которую он преследовал, будучи генерал-губернатором Царства Польского. Это не были пустые красивые слова. Всякому, хотя немного наблюдавшему и служившему во времена Гурко, ясно, что его управление целым европейским государством было проникнуто идеями неприкосновенности, величия и блага истинного России. Генерал Гурко был действительно государственный человек, движимый чувством долга и любовью к Родине.

Все мы военные, находившиеся в сотнях верст от столицы Польши Варшавы, в которой жил Гурко, всеми своими фибрами ощущали везде и всегда его волю и его заветы. Все войска Варшавского округа были как бы связаны невидимыми нитями с Варшавой. Мы все верили в своего командующего войсками и знали, что если настанет великое испытание, то он сумеет одолеть всякого врага своей Родины. Велика и непростительна ошибка нашего высшего правительства, что генерал Гурко, еще полный сил, был удален со своего поста.

Первоначально я жалел, что попал в Польшу, но скоро понял, что служба в Варшавском военном округе это прекрасная военная школа, хотя временами и тяжелая; понял также все значение власти талантливого высшего начальника.

Конечно, я не могу произвести какой-либо оценки фельдмаршалу Гурко, как администратору гражданской части управления Польшей, — я был молод и нисколько не соприкасался с гражданским управлением. Но волею судьбы почти через двадцать лет в той же Польше я стал гражданским чиновником, и мне пришлось убедиться, что в доброе старое время Гурко гражданское управление также было значительно лучше во всех отношениях.

В мероприятиях Гурко видна была разумная мера, целесообразность, все стремилось к единой цели: создать в Польше «не-сокрушимый оплот» как в гражданском, так и в военном отношении. Причем из армии создавалась действительно боеспособная сила, которую возможно было бы бросить в трехдневный срок на врага. Преследовалась* активная оборона границ России, в противоположность положению, сложившемуся в Варшавском округе позже, перед началом Великой войны**.

По плану войны с Германией, составленному Главным штабом в бытность его начальником генерала Обручева и при участии Гурко, в Варшавском округе было сосредоточено до 40 % боевых сил нашей армии мирного времени***. После ухода Гурко части войск стали постепенно уводиться далее от границ****, и, наконец, перед самой войной 1914 года Польша была обнажена от боевой наступательной силы и даже от оборонительной, так как крепости***** большей частью были уничтожены*****.

Имена генерал-губернаторов Польши графа Шувалова, генералов Черткова, Скалона, военных министров генералов Куропаткина, Сахарова, Редигера, Сухомлинова и начальника Генерального штаба Янушкевича должны быть записаны на черную доску, как вредителей нашей Родины.

Город Кельце — небольшой губернский городок, довольно чистый, старинной постройки. Жизнь в нем шла размеренным темпом. Все военные были поглощены службою; некоторое разнообразие вносили вечера в собрании и спектакли в местном небольшом театре. Польское общество чуждалось нас, русских, не только военных, но и гражданских чиновников. В общественном городском клубе никогда не было видно поляков, хотя немало их было записано членами. Поляки жили своею жизнью, мы, русские, — своею, совершенно не смешиваясь. Все попытки наших офицеров завести знакомства среди польского общества обыкновенно кон-

* Предпочиталась. — *Примеч. сост.*

** Первой мировой войны. — *Примеч. сост.*

*** В том числе всей нашей кавалерии, которая большей частью была расположена в самом близком расстоянии от границ с Германией и Австрией.

**** В угоду Германии.

***** Тоже в угоду немцам.

***** Этот вопрос, повлекший, несомненно, поражение России, рассмотрен более подробно в части IV настоящих записок.

чались неудачно. Не знаю, кто был виноват в этой взаимной отчужденности? Думается, что общее направление политики по отношению к полякам, проводимое самим правительством из Санкт-Петербурга еще со времени последнего восстания, давало себя знать.

Несомненно, все ограничения, которым подвергались поляки, притом больше всего у себя на родине, были главной причиной их неприязненного отношения к нам. Отчужденность особенно была заметна среди интеллигентного класса, причем заметно недружелюбны были женщины. Я никогда не был особенным приверженцем поляков, но меня всегда, даже молодого, поражала несообразность того, что русские чиновники служили в Польше, а поляки — в России. В некоторых отраслях управления империей поляки имели значительное влияние, как, например, на железных дорогах, в контроле, в инженерном ведомстве и других. Как непонятно и странно, что учащейся молодежи в стенах учебных заведений запрещалось на своей родине говорить между собою на своем родном языке; запрещалось иметь вывески на лавках по-польски и т.п.

Небольшой по значению, но характерный случай произошел однажды с оркестром нашего полка, игравшим летом 1895 года на курорте: в один из вечеров компания польской молодежи попросила капельмейстера сыграть известный польский марш «Еще Польша не сгинела». Капельмейстер исполнил эту просьбу. Местный жандарм немедленно донес по начальству в Варшаву, в результате капельмейстер был уволен, полковой адъютант посажен под арест.

Неужели подобными несообразностями наше правительство думало убить в поляках чувство ко всему своему и переделать их в истинно русских людей? Какое глубокое недомыслие!

А между тем, по моим наблюдениям и в молодости, и двадцать лет спустя, среди поляков было немало искренне желавших дружного и мирного сожительства с русскими, только стоило нашему правительству признать в них граждан их же собственного отечества, имевшего древнюю славную историю.

Жизнь в гарнизоне текла тихо, мирно, никаких эксцессов вроде «Дуэли» Куприна или «Истории маленького гарнизона» Бильзе не бывало. Полк усиленно обучался, тренировался в ежедневных военных прогулках, которые всегда соединялись с наступательными маневрами. Особенно было трудно зимою. С утра до вечера надо было пройти не менее тридцати верст в оба конца и в проме-

жутке — маневр на расстояние от шести до восьми верст. Придешь, бывало, домой не ранее семи часов вечера, от усталости без обеда ляжешь в постель и проспишь до следующего дня. И это каждую пятницу. В строевых учениях никогда не было ничего показного, не было того церемониального марша, которым нас мучили в военном училище, особенно перед майским царским парадом, когда мы, юнкера, имея сто рядов в роте, проходили мимо царя, не дрогнув ни одним штыком винтовки, как вытянутая струна. Но зато стрелки отличались быстротою переходов.

Так, например, в 1892 году были маневры в присутствии генерала Гурко: с одной стороны маневрировали пехотные дивизии, а с другой — стрелковые бригады. Из штаба командующего войсками было получено приказание нашей бригаде занять к определенному времени высоты, находившиеся от нашего расположения в двенадцати верстах. Одновременно, как мы потом узнали, такое же приказание было дано и пехотной дивизии, маневрировавшей против нас, — занять ту же позицию, но которая находилась от этой дивизии всего в восьми верстах. Мы, стрелки, успели занять на указанных высотах позицию ранее пехоты. Когда пехота подошла к высотам, их уже занимала вся наша бригада и открыла огонь по подходящему «противнику». 2-я Стрелковая бригада прошла, а вернее, пробежала двенадцать верст за один час сорок минут. Германская военная печать того времени описала тот наш маневр; причем он был отмечен как весьма редкий случай подобного марша, исполненного крупной военной единицею.

Надо заметить, что стрелковые части и некоторые пехотные дивизии содержались по штатам военного времени; из них все стрелковые бригады, за исключением 4-й, стоявшей в городе Одессе, были расположены вблизи границы. Также около границ квартировалось почти $\frac{3}{4}$ всей нашей кавалерии. Каждый кавалерийский полк имел особую «подрывную команду».

При мобилизации кавалерия немедленно двигалась к границам — она имела восьмичасовой срок для приведения в боевое положение. Вслед за нею выступали стрелковые части, которые имели трехдневную мобилизацию и назначение служить прикрытием для кавалерийских отрядов*. Подрывные отряды бросались энергично вперед. Главная их цель была по возможности разру-

* В случае их отступления принять на себя войска противника, теснящие наших кавалеристов.

шать узловые станции, находящиеся вблизи границы, прекратить водоснабжение, испортить стрелки и т.п., чем, понятно, нарушалась правильность и срочность мобилизации противника.

<По> плану Милютин-Обручева с первого дня объявления войны инициатива бралась в наши руки, и действия противника невольно подчинялись нашим наступательным действиям. Тем самым не давалась возможность германцам все свои главные силы направить на французскую границу. Это имело место в 1914 году, когда немцы, совершенно пренебрегая первое время нашим фронтом, бросили все, что могли, на Бельгию и Францию, оставив против России второочередные войска, а австрийцы, захватив инициативу в свои руки, перешли в энергичное наступление против нас. Полное пренебрежение талантливым планом, полное неумение, а может быть, просто нежелание нашего Генерального штаба заметить или переработать план согласно со временем обошлось России слишком дорого.

Каждое лето во времена Гурко после лагерей производились маневры в продолжение тридцати дней. В первый год моего пребывания в 6-м Стрелковом полку к нам в бригаду был назначен для руководства маневрами полковник Генерального штаба. В военном училище и в первое время моей бытности офицером я смотрел на офицеров Генерального штаба, как на лучших среди нас, действительно знающих военное дело во всех отношениях, стоящих несравненно выше армейских офицеров и составляющих «мозг армии». Но представьте себе мое разочарование, когда элгантный, блестящий полковник Генерального штаба, находясь во время маневра в авангарде нашего отряда, имея в руках топографическую карту достаточно крупного масштаба*, повел отряд в совершенно неправильном направлении. Вместо встречи с «противником» в назначенном по диспозиции пункте он завел в местность, отстоявшую более чем на десять верст в сторону от места предполагавшегося боя. В этот день мы прошли более пятидесяти верст, а «противник» прождал нас целый день и не дождался.

В следующем году после ухода фельдмаршала Гурко были большие маневры всего Варшавского округа под городом Пултуском. Все войска округа были разделены на две армии — Северную и Южную. В первую входили части войск, стоявшие в Варшаве и к северу от нее, во вторую — все, расположенные к югу от Варша-

* 3 версты в дюйме.

вы. Нашей стрелковой бригаде пришлось пройти более двухсот тридцати верст. Северная армия обороняла район Пултуска. Южная — неприятель, вторгнувшийся в пределы Польши, — должна была энергичным движением овладеть переправой через реку Нарев, которую защищали временные укрепления в районе Пултуска.

Я временно командовал ротой и был назначен прикрытием к артиллерии*. Следуя за батареями, я значительно удалился от своего полка. Во время боя батарея перешла на левый фланг нашего боевого расположения, внезапно для меня снялась с позиции и быстрым аллюром ушла. Я со своею ротой остался в одиночестве. Слева в небольшой роще я заметил скрытно расположенный полк нашей кавалерии. Присматриваясь, я заметил впереди себя на возвышенности небольшую цепь стрелков «противника»**. Не долго думая я отправился в рощу, нашел командира полка кавалерии и предложил ему произвести совместную атаку на небольшую цепь стрелков. Он согласился, но сказал, что проверит мое наблюдение и сообщит окончательное решение. Через короткое время ко мне подъехал офицер и передал, что командир полка просит меня вести роту в атаку и что он поддержит меня. Я пошел с ротой в атаку; продвигаясь быстро вперед, я вижу, как наш кавалерийский полк, в строю поэскадронно уступами, тоже пошел в атаку. Слышу сигнал «противника»:

— Открыть огонь!

Мы подошли к окопам «противника». Нас встречает ураганным огнем артиллерия и пехота — вместо небольшой стрелковой цепи перед нами из окопов встают стеною не менее двух пехотных полков. Огонь прекращается. Вперед выезжает генерал и объявляет командиру полка и мне, что мы взяты в плен.

Оказалось, что возвышенность была занята двумя полками пехоты с артиллерией, а окопы были прекрасно замаскированы. Против нас стояло 700–800 сабель драгун, 180 стрелков, более 6000 пехоты с артиллерией. С нашей стороны это было просто детское выступление, однако имевшее результатом поражение нашего «противника».

«Противник» обратил свое особенное внимание на фланги, предполагая, что южане произведут обход одного из флангов, потому главные резервы у них были расположены за флангами. Од-

* В Южной армии. — *Примеч. сост.*

** Северной армии. — *Примеч. сост.*

нако командующий нашей Южной армией решил произвести главный удар на центр северян, ближе к их правому флангу. Когда по ходу боя это выяснилось, резервы северян были двинуты к центру. Резерв правого фланга, спеша на помощь центру, во время моей атаки как раз проходил атакуемую нами возвышенность, и генерал, начальник резерва, очевидно вспомнив из военной истории о полезности «движения на выстрелы», вместо исполнения данного ему приказа решил проявить инициативу — свернул к возвышенности и пошел по направлению выстрелов. Пока ошибка разъяснилась, он, конечно, потерял время и опоздал оказать своему центру помощь, который и был разбит превосходящими силами южан.

Я невольно вспомнил эпизод из войны с Японией. В сражении под Мукденом для противодействия обходу нашего правого фланга Куропаткин выставил отдельный отряд на этом фланге, довольно далеко впереди справа; решение правильное. К сожалению, этот отряд был чрезвычайно слаб и по своей силе не соответствовал своему назначению.

Как известно, во время Мукденского боя японцы действительно послали сильную обходную колонну в обход нашего правого фланга. Наш слабый противообходный отряд расположился на возвышенности, и японцы, обходя нас, шли как раз мимо отряда и настолько близко, что наши, не сходя с места, поражали их огнем, вырывая массу жертв из строя японцев. Но японцы, пренебрегая гибелью своих, шли неуклонно на запад. Наш отряд не решился атаковать и думал задержать движение вражеского обхода сколь возможно усиленным огнем, рассчитывая, что японцы остановятся, чтобы вступить в бой. Но они оказались умнее: несмотря на многочисленные жертвы, не остановились, а продолжали исполнение данного им приказа и шли в обход нашего правого фланга. Только пройдя наш отряд, японцы оставили из арьергарда соответствующее количество войск и сильным ударом разбили и прогнали наш отряд. Их колонны, несмотря на большие жертвы, исполнили свое назначение, ни на минуту не замедлив движения, и в результате... поражение Куропаткина.

Какая противоположность мышлению нашего Генерального штаба!

«Всякое действие оценивается по результатам».

С уходом фельдмаршала Гурко очень скоро пошло новое веяние. Заместитель его граф Шувалов начал свое управление с того,

что, прежде всего, старался как можно ярче выражать свое благоволение ко всему немецкому. При Гурко было запрещено возводить постоянные каменные постройки вблизи границ с Германией. Разрешалось возводить подобные строения только на определенном расстоянии от границы. Цель такого распоряжения заключалась в том, чтобы в случае войны затруднить наступающим немцам создавать на нашей территории около границы ряд опорных пунктов.

Вскоре после вступления графа Шувалова в управление краем к нему поступило ходатайство миллионера немца Диттеля, владельца огромных фабрик, обрабатывающих хлопок, заводские здания которых находились около самой границы в Бендинском уезде Пётроковской губернии. Диттель просил разрешить ему воздвигать каменные постройки взамен деревянных и приглашал генерал-губернатора лично удостовериться, что предполагаемые к постройке каменные здания не будут и не могут в случае войны сослужить пользу немцам.

Как ни странно, но граф Шувалов, не имевший до этого возможности посетить ни один город Царства Польского, нашел, однако, время поехать с немалой свитой к немцу Диттелю, не говорившему даже по-русски.

Немец устроил графу Шувалову пышную встречу, истинно царскую. Был дан ряд банкетов. Оркестры всех стрелковых, пехотных, кавалерийских полков и артиллерийских бригад, стоявших в Келецкой и Петроковской губерниях, были вызваны во владения Диттеля и услаждали музыкой слух приглашенных на торжества, которые были даны в течение трех дней в честь Его Сиятельства графа Шувалова. На устройство этих торжеств Диттелем были израсходованы огромные суммы денег.

Вскоре после отъезда графа Шувалова Диттель получил телеграмму, разрешившую ему строить все, что он хотел и как он хотел.

Через двадцать лет я был комиссаром по крестьянским делам Бендинского уезда. Я бывал не раз по делам в районе фабрик Диттеля на границе с Германией и убедился, что все постройки, возведенные им, могли быть в самый кратчайший срок превращены в оборонительное или казарменное помещение, а некоторые из них — в самостоятельные небольшие опорные пункты.

После ухода Гурко постепенно изменились и порядок службы, и даже жизнь войск.

Интересно вспомнить вообще материальную сторону жизни воинских частей конца XIX столетия. Стрелки почему-то считались на правах так называемой «молодой гвардии», но отличались от обыкновенных пехотных войск только тем, что солдаты и офицеры получали незначительно большее жалованье, сравнительно с пехотными. Так, солдат получал больше на 3 или 4 копейки в четверть года, офицер на чин выше* получал больше на 1 рубль 25 копеек в месяц. Все получавшееся офицерами содержание складывалось из следующих частей: жалованья, столовых и квартирных. Кроме того, давалась небольшая сумма на освещение и отопление. Подпоручик получал жалованья — 26 рублей 25 копеек, столовых — 15 рублей, квартирных — 112 рублей в год и около 20 рублей на отопление и освещение. Жалованье и столовые выдавались ежемесячно, а квартирные деньги, на отопление и освещение — раз в три месяца. Всего в месяц — около 53 рублей.

Надо заметить, что были обязательные расходы: ежемесячно производились вычеты из содержания на офицерское собрание, библиотеку, в «заемный капитал», в обмундировальную артель, на устройство полкового праздника, на встречу Нового года, разговение в день Пасхи, разные вечера и встречи начальства и инспектировавших полк персон. Таким образом, младший офицер ежемесячно получал на руки при самой аккуратной жизни не более 30–35 рублей, из которых должен был уплатить за квартиру и в собрание за стол не менее 25–28 рублей. Что же оставалось на другие необходимые расходы, как, например, прачка, покупка нового белья?

Стрелок получал деньгами 54 копейки раз в три месяца. На продовольствие в распоряжение полка ему отпускалась стоимость $\frac{1}{2}$ фунта мяса с костями и салом, которого полагалось 6 золотников** в сутки и, кроме того, стоимость некоторого количества зелени — все по расчету на местные справочные цены продуктам. Вообще, весь отпуск на продовольствие солдата не превышал 7–9 копеек в сутки. Интендантство не в зачет отпускало ржаную муку и крупу гречневую и пшеничную по расчету 2,5 <золотника> муки и 32 золотника гречневых или ячневых круп на человека в сутки. Вот и все, что давало правительство солдату; не было отпуска ни чая, ни сахара, ни кофе, ни масла, ничего вообще более.

* Например, подпоручик.

** Старая русская мера веса, равная $\frac{1}{96}$ фунта, или 4,26 г. — *Примеч. сост.*

Встав утром, солдат пил, если имел свои деньги, собственный чай с небольшим кусочком своего сахара с черным казенным хлебом, которого ему отпускалось по расчету 3 фунта на человека. Если солдат денег не имел, то он пил одну горячую воду с хлебом зимой, когда была необходимость согреться хоть немного, встав с холодной постели. Но не во всех частях войск солдат получал свои 3 фунта хлеба на руки и мог его есть, когда хотел. В войсковых частях, в которых командиры соблюдали особенную экономию, применялось так называвшееся «довольствие с лотка». При этом способе солдатам отпускалось хлеба не по 3 фунта каждому в руки, а во время еды резали хлеб на куски. Солдаты брали из общей массы столько, сколько хотели. Редко кто из них при таком порядке был в состоянии съесть свои 3 фунта, часть хлеба не съедалась и получалась немалая экономия муки, за которую интендантство возвращало полку деньгами, поступавшими в полковые экономические суммы. Зато у солдата не оставалось хлеба для утра.

Нормально в армейских частях, расположенных в провинции, даже в специально построенных казармах не было отдельных помещений для столовых. Казармы строились и тем более нанимались у частных лиц возможно меньшего объема, причем преследовалась экономия в наемной плате, в отоплении и в освещении. Обыкновенно не было даже помещений для занятий словесными науками и обучения солдат грамоте, уставам. Занятия проводились прямо там, где они спали, солдаты при этом сидели группами на своих кроватях. Казарма состояла из одного большого помещения, в котором солдаты проводили все свое время занятий и отдыха, и двух отдельных комнат, из которых в одной помещался ротный цейхгауз, а в другой фельдфебель и ротная канцелярия. Иногда встречались небольшие комнаты для ротных мастерских.

В двенадцать часов дня был обед. Солдаты шли вразброд на кухню с котелками и получали щи или суп с крупой и зеленью, порцию вареного мяса, состоявшую из небольших кусочков, нанизанных на палочку*, и кашу с салом. Обед не был разнообразным. Супы — борщ, щи или картофельный, каши — гречневая или ячневая. Вот и все меню солдатского обеда. В посты Рождественский и Великий мяса не давалось, отпускалось на каждого для супа $\frac{1}{2}$ фунта рыбы сушеной или соленой. Обыкновенно вобла или судак. На ужин в

* Всего около 14–18 золотников каждая.

шесть часов солдаты получали остатки, если были, супа от обеда, и кашу. Вот и все, чем кормили нашу армию.

Гвардия имела большой денежный отпуск*, и части войск, стоявшие в селищах, имели свои участки земли, на которой разводили огороды, и потому на деньги, отпускаявшиеся на зелень, улучшали продовольствие.

Спали солдаты или на общих нарах, или, если полк имел достаточные экономические суммы, на отдельных койках. Отпуска от казны на койки не было, также как и на подушки, одеяла и постельное белье — это солдаты имели, если могли, собственное. Полки, если экономические суммы были достаточными, заводили одеяла.

Экономические суммы образовывались главным образом из сбережений остатков от продовольствия, отпускаявшегося непосредственно интендантством**, экономии на освещении казарм и их отоплении. Обыкновенно после занятий, т.е. в пять часов дня, в помещениях царил полумрак, так как горело самое ограниченное число ламп. Так же было и в холодное время года — печи топилась не все, а по очереди, а между тем отпуск денег на отопление производился по расчету всех печей и на все холодные дни.

Вообще, в старых полках быт солдата был обставлен гораздо лучше, нежели в полках новых формирований, каковых, однако, в последнее время было большинство.

К сожалению, экономические суммы расходовались главным образом не на улучшение быта солдат, а прежде всего на покупку лошадей и экипажа для командира полка и часто начальника дивизии, на вспомоществование офицерскому собранию, на устройство полкового праздника и многих других торжеств. Не знаю, как в других военных округах Европейской России, но в Варшавском после Гурко стремление к увеличению экономических сумм доходило до отвратительных мер. Так, например, в моем полку, да и в других, соседи завели при каждой роте ротные лавочки, где стрелки могли покупать, кроме всего им необходимого, в неограниченном количестве водку и пиво. Тот ротный командир, у которого выручка лавочки бывала более других, удаивался благодарности начальства и ставился в пример другим.

Стирку своего грязного белья солдаты производили в бане во время мытья. Посещали баню они раз в две недели, а между тем

* Довольствие. — *Примеч. сост.*

** Мука и крупа.

деньги войсковые части на мытье людей и их белья получали отдельно по расчету числа солдат и на каждую неделю.

Интересно отметить, что расчет отпуска денег на освещение и отопление производился по нормам и правилам, изданным в начале XIX столетия для войск Варшавского военного округа, в котором в мое время было сосредоточено большинство первоочередных частей армии. Расчет дров происходил на трехаршинные поленья твердой породы, освещение — на сальные свечи, каковых, конечно, нигде в продаже не бывало. Каждый три месяца полк запрашивал городское управление о стоимости фунта сальных свечей и дров твердой породы, и «город» каждый раз отвечал, что цен на сальные свечи и дрова твердой породы трехаршинной длины у них нет, а есть — на стеариновые свечи и дрова сосновые или березовые. А если полку необходимы цены на сальные свечи и дрова твердых пород, то городское управление может их сообщить только за давно прошедшее время. Руководствуясь древними данными, нам и отпускали деньги на освещение и отопление.

Квартирные деньги давали смотря по местности. Все населенные пункты были подведены под разряды. Варшава была в 1-м разряде, губернские города числились во 2, 3 и 4-м разрядах, уездные города, посады и пр. — в 5, 6 и 7-м разрядах. Первый разряд получал 15 рублей в месяц, остальные — меньше, а последний — 3 рубля 50 копеек. Понятно, что за эти деньги нигде нельзя было иметь сносную квартиру, особенно семейному, поэтому многие офицеры пользовались либо старинным законом — правом «отвода» квартиры, либо жили по несколько человек вместе. Право требовать квартиры «по отводу» относилось к тому же времени, что и сальные свечи и ложилось тяжелым бременем на домовладельцев, по закону обязанных по требованию городского управления отводить свои помещения офицерам за ничтожные квартирные деньги, которые в подобных случаях полк вносил в распоряжение города. При «отводе» квартир постоялец мог требовать установленную законом обстановку, в том числе, как курьез, щипцы для снятия нагара с сальных свечей.

Войск в городах и местечках всей Польши в мое время стояло очень много, а потому квартирная повинность была для населенных мест не шутка и составляла немалую статью в налоговом бремени. К тому же квартирные деньги войскам платило не интендантство, а «город», так как по старым законам, которыми руко-

водствовались, квартирное довольство войск ложилось на жителей местности, где располагались войска.

Естественно, что подобный порядок не мог способствовать добрым отношениям поляков к русским вообще, и потому по мере развития наших военных сил поляки все более и более смотрели на нас как на нежелательный элемент в их стране. Наше правительство просто не хотело понять, насколько подобный порядок ненормален и несправедлив, что он был постоянной причиной недовольства нами местных жителей и их враждебности к нам.

Правы были поляки или нет — предоставляю судить читателю. Многие поляки, очевидно руководствуясь жизненным правилом «плохой мир лучше доброй ссоры», относились к нам по виду хорошо, но можно принять за правило, что только помещики* были с нами в добрых отношениях. Из городских жителей мы не имели среди наших знакомых ни одного поляка. Среди помещиков были хорошие знакомые, но всегда чувствовалось, что дружба их не искренна.

Я и мой приятель С. Соболев были увлечены охотой и имели среди помещиков Келецкой губернии сравнительно немало знакомых, таких же охотников. Однажды мы получили приглашение на охоту с борзыми к одному нашему приятелю помещику; он был весьма состоятельный и большой любитель охоты, имевший прекрасную конюшню и много собак.

Пан Завадский встретил нас весьма радушно. Было собрано большое общество и охотников, и дам. На следующее утро началась охота с борзыми, которых у Завадского была не одна свора. На пригорке среди небольшой дикой рощи расположилось общество дам и «не охотников с борзыми» наблюдать за ходом охоты. Соболев и я участвовали в этой охоте, и нам были подведены прекрасные кони, как заявил хозяин, специально для борзых дрессированные. Мне был дан красавец вороной конь.

Мы вышли на поле, и скоро стали выскакивать зайцы; борзые были спущены со смывков и пошли ходом за ними. Моя лошадь с первым зайцем что-то очень заволновалась, и меня это удивило. Через короткое время, помимо моего желанья, она сама стала давать все больше ходу и вскоре понесла меня, причем было явно заметно, что она идет, как и борзая, за зайцем. Заяц пошел по встретившейся канаве — конь не отставал от него и иногда настигал,

* Но не все.

пытаясь ударить зайца копытом. Меня это удивило, и я решил держаться как можно крепче в седле. Но вот ровное поле пересекается забором — заяц прошел под ним по канаве, конь, как стрела, взял забор и летит дальше. Впереди — роща. Борзые забора не взяли и отстали. Заяц — в рощу, ища там спасения. Мой конь за ним! Не помню, как пролетел рощу. Удивляюсь, как я остался цел, — роща была довольно густая. Все мои мысли и силы были сосредоточены только на том, чтобы не осрамиться — не упасть! Опять забор, опять поле, еще забор...

И, наконец, на ровном поле конь настигает зайца, бьет его копытом передней ноги, на миг останавливается, весь дрожа, и делает свечку, желая меня сбросить! Я не растерялся и, сняв фуражку, закрыл ею глаза коня. Он встал. В этот момент ко мне подскакали два егеря. Один поднимает затоптанного зайца, другой предлагает мне своего коня, но я гордо отказываюсь. Мы втроем возвращаемся к началу охоты, где меня встречают аплодисментами. Пан Завадский подъезжает ко мне и торжественно говорит:

— Bravo, пан поручик, а я думал, что пан не справится с конем, и послал егерей его спасать. Этот конь был специально дрессирован бить зайцев — редко кто на нем может удержаться, а я совершенно забыл вас о том предупредить. Bravo, пан поручик. Bravo.

Опять аплодисменты всего общества.

Я на это ничего не ответил, только, не сходя с коня, дал ему резко шпоры, поднял его на дыбы и отдал честь, сделав общий поклон. И тут же решил, что это не сойдет пану Завадскому даром — мне стало ясно, что все было подстроено для того, чтобы сконфузить русского офицера в присутствии большого польского общества. Было заметно не только на самом хозяине, но и на гостях их разочарование, что я не оскандалился и не полетел с коня. Ведь конь был явно ненормален, страдал особого рода психозом, и на нем было опасно для жизни не только охотиться, но и просто ездить. Вот дружба поляка.

Мы в то время стояли лагерем около города Кельце. Возвратившись с охоты, мы рассказали про случай со мной всем офицерам и командиру полка, который сам предложил найти способ проучить Завадского.

У нас в полку была очень пугливая, но прекрасная породистая лошадь. Ее заносило, когда она пугалась. Если седок старался ее остановить, то она била обеими задними ногами и часто на них садилась. Не знавший этого ездок неминуемо слетал с нее. Собо-

лев и напомнил об этой лошади. Доложил командиру. Тот согласился устроить общий большой обед с дамами, пригласить Завадского и постараться заставить его проехать на нашей лошади, обставив поездку так, чтобы она испугалась.

Полковое собрание-палатка было расположено так, что свободное пространство было ограничено препятствиями — с одной стороны была передняя линейка, на которой стояли полковое знамя и денежный ящик с часовым, с другой стороны был крутой спуск, с третьей — свободное пространство, по краям которого стояли станки для стрельбы и прицеливания, а далее — довольно солидные окопы для учений. Конюх лошади был предупрежден, и ему было приказано возможно взволновать ее к определенному времени.

Пан Завадский с несколькими его друзьями принял наше приглашение. В одно из ближайших воскресений мы устроили обед в собрании. Пригласили также интересных дам. За обедом угостили на славу гостей. Пошел разговор о лошадях, о случае со мной на охоте у Завадского, который стал хвалиться, как то любят вообще все поляки, о том, что он не боится никакой лошади и всегда удержится в седле. Подводя искусно разговор, я предложил ему попробовать нашу лошадь. Ее привели. Он посмотрел, рассмеялся, говоря, что ребенок может усидеть на ней, и, ловко вскочив на седло, с места дал шпоры. Серый*, будучи ранее разгорячен, сразу дал ходу. Завадский, уже изрядно под хмельком, не успел его удержать, как Серый ударился грудью о прицельный станок, испугался, стал бить задними ногами, и ясновельможный пан Завадский кубарем через голову лошади полетел на землю, тяжело ударившись.

Когда мы к нему подбежали, он был без памяти. Доктор осмотрел, и его снесли ко мне в палатку; он сравнительно скоро пришел в себя, и оказалось, что, кроме небольших синяков, к счастью, с ним ничего не случилось.

Проспав до поздней ночи и придя окончательно в себя, Завадский, видимо, понял, что это была месть с моей стороны, но ничего прямо не сказал ни мне, ни кому другому. Но наша дружба с той поры прекратилась, и мы более не встречались никогда.

Для облегчения материальной стороны жизни офицера правительство предприняло некоторые меры, которые казались, на первый взгляд, как будто целесообразными, но ничего не стоившими

* Кличка лошади.

самому правительству. Так, при всех частях войск имелись «офицерские заемные капиталы», которые образовывались путем отпуска ежегодно от казны 200 рублей, а также обязательных вычетов из содержания офицеров и процентов, взимавшихся по ссудам. Независимо от того, пользовался ли офицер ссудой или нет, подпоручик и поручик обязаны были вносить ежемесячно по 2 рубля — так называвшийся «обязательный взнос». Размер ссуды для подпоручика и поручика был не более 200 рублей, для штабс-капитана и капитана — 350 рублей, для подполковника — 500 рублей и полковника — 700 рублей. На погашение ссуды взнос соответственно не менее 4, 7, 10 и 14 рублей в месяц и 6% роста в год. Обыкновенно все офицеры, за весьма малыми исключениями, всегда были должны в «заемный капитал». Потому нормальный вычет на уплату этого долга составлял около 7 рублей в месяц.

Получая скудное содержание, офицер не был в состоянии прилично одеваться, а потому в частях были образованы «капиталы обмундирования», которые составлялись по правилам «заемного капитала», но без всякого отпуска от казны. Полк входил в соглашение с частным портным, и из сумм «капитала обмундирования» ему уплачивалось за исполнение заказов офицеров. Обыкновенно вычет в этот «капитал» был одинаков с вычетом в «заемный капитал».

Офицерское собрание существовало частью на пособие от казны, частью из экономических сумм полка, но главным образом на вычетах из содержания офицеров, для чего был установлен обязательный вычет 2 рубля в месяц. На полковой праздник, который всегда почитался праздником из праздников, на проводы командира полка, товарищей, на обеды по случаю смотров высшими начальниками, встречи Нового года, на Св. Пасху и т.п. офицерам приходилось платить самое меньшее по 5 рублей в месяц, а часто и более. Всего же обязательных вычетов из содержания офицера было около 21 рубля ежемесячно. Совершенно не понятно, как наши молодые офицеры могли существовать на те гроши, которые они фактически получали на руки каждый месяц.

Только после первой революции* правительство спохватилось, и главнокомандующий Петербургским военным округом великий князь Николай Николаевич отдал приказ, в котором обещалось в самом непродолжительном времени увеличить содержание как офицерам, так и солдатам и улучшить их быт. Действительно, вско-

* Вернее, во время ее.

ре было прибавлено содержание офицерам: младшим — на 25 рублей в месяц, старшим — соответственно более. Солдатам было назначено следующее жалованье: рядовому — 50 копеек в месяц и унтер-офицеру — несколько больше. Быт солдата был значительно улучшен: установили чайное и постельное довольствие, увеличен был отпуск денег на продовольствие.

Но и эти меры не были достаточны, так как и денежное довольствие нашей армии, и продовольствие, и вообще содержание значительно отставали от расходов на довольствие армий иностранных государств.

Надо признать, что улучшение быта армии последовало исключительно под угрозой первой революции 1905 года. Армия, особенно солдаты прекрасно это поняли вследствие пропаганды агитаторов, которые неустанно им твердили, что только революционный путь может принести солдатской массе явное улучшение, и приводили в пример приказ Николая Николаевича 1905 года.

Несомненно, что запоздалое, несвоевременное улучшение солдатской жизни исключительно под напором революционного движения 1905 года было одной из многих причин успеха и «великой бескровной революции».

Доминирующее большинство офицеров поняли причину внезапной заботы о них правительства, но, верные данной ими присяге на верность службы Царю и Родине, не хотели и не делали соответствующих выводов.

Однажды во время маневров нашего полка против 5-го Стрелкового полка, стоявшего вместе с нами в городе Кельце, я временно командовал ротой и был назначен охранять фланг нашего расположения. Пройдя среди кустов вперед на горку, я заметил, что на другой стороне под горкой в ложине стоит взвод противника, охраняя полковое знамя 5-го полка. Я сказал об этом своей роте, приказал незаметно окружить этот взвод и взять его в плен. Мои стрелки почти ползком подошли к противнику, который из-за леса ничего не заметил. Я шел с одной половиной роты, в то время когда другая зашла с противоположной стороны и оказалась на более близком расстоянии от взвода со знаменем. Я крикнул «Ура», и мы бросились без выстрела в атаку. К сожалению, моя вторая полурота, как более близкая к противнику, первая оказалась в непосредственной близости от противника, стрелки бросились к знамени полка, желая его взять, произошла краткая борьба. Когда я

подбежал, стрелки моей роты и 5-го полка расступились — на земле оказалось знамя со сломанным древком. По окончании маневра я доложил о происшедшем командиру полка, полковнику Жданову, который, как мне показалось, остался доволен тем, что случилось. Он был в размолвке с полковником Волошиновым, командиром 5-го полка, который, как старший, был начальником гарнизона. Через два-три дня, гуляя в парке, я встретил Волошинова и уже поднимал руку для отдания ему чести, как полагалось, за четыре шага до встречи, как услышал его грубый окрик: «Подпоручик Никольский! Арестую вас за неотдание чести на трое суток!» Это была его месть за сломанное древко знамени. Отсидел трое суток на гауптвахте. В это время пришел приказ по 2-й Стрелковой бригаде об аресте меня властью начальника бригады тоже на трое суток за допущенный мною беспорядок во время маневра. Оказалось, что Волошинов нажаловался на меня начальнику бригады. Отсидел еще трое суток. Волошинов, видимо, неудовлетворенный мягкостью наложенного на меня взыскания, приехал к нашему командиру полка в канцелярию полка, о чем-то с ним поговорил при закрытых дверях, и я получил еще два дня ареста.

Этот сравнительно незначительный эпизод произвел на мою психику сильное впечатление, и я стал думать, как бы мне уйти куда-либо из 6-го полка.

Как раз в это время было получено распоряжение Главного штаба предложить желающим офицерам перевод на Дальний Восток на усиление находящихся там войск. Не долго думая я выразил свое желание, однако вскоре позабыл про него.

В это же время мне кончался обязательный трехлетний срок службы в строевой части, и я получал право держать экзамен в какую-либо военную академию. Выбрал Инженерную. На следующий год выдержал хорошо предварительный экзамен при штабе Варшавского округа и затем поехал в Санкт-Петербург держать экзамен в академию. Но, к моему великому несчастью, с приездом у меня началась странная болезнь — появились на теле нарывы, и после нескольких визитов к доктору последний мне заявил, что это у меня происходит от нервного состояния. С трудом пошел на первый экзамен, благополучно его сдал. Уже только с большим напряжением воли мог выдержать второй, так как чирьи покрыли мое тело во многих местах, температура поднялась высоко. Доктор категорически потребовал, чтобы я лег в госпиталь и забыл

бы про экзамены. Я принужден был исполнить требования врача, подал рапорт о прекращении держать экзамены по болезни и, пролежав три недели в военном госпитале, возвратился в 6-й Стрелковый полк.

Неудача с экзаменами в академию произвела на меня еще более сильное впечатление, нежели история со знаменем. Потому, когда была получена телеграмма из Главного штаба, в которой спрашивалось о подтверждении моего согласия быть переведенным в одну из частей Дальнего Востока, выраженного мною в прошлом году, то я согласился. Так я был переведен в 9-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, куда обязан был прибыть не позднее мая месяца 1897 года.

1 апреля на пароходе Добровольного флота «Киев» я вышел из Одессы во Владивосток.

На Дальнем Востоке

Сибирская железная дорога далеко еще не была окончена, а жизнь на Дальнем Востоке интенсивно развивалась и вызывала усиленный приток новых людей из метрополии. Поэтому все пароходы, отходившие из города Одессы, были переполнены пассажирами. Весь первый класс и улучшенный палубный* были полны сверх нормы. Ехали вновь назначенные на службу офицеры, чиновники разных ведомств, коммерсанты, артисты и вообще люди, надеявшиеся найти счастье в молодой многообещающей стране. Всех офицеров, переведенных на службу в войска Дальнего Востока, одновременно со мной было двенадцать человек.

Пароход «Киев» был по типу постройки преимущественно грузовой: имел водоизмещение 10 400 регистровых тонн, принимал свыше 6000 грузовых тонн, имел около 60 мест первого класса и столько же улучшенных палубного. Предельная скорость — 14 узлов в час; обыкновенно он шел экономическим ходом не свыше 10–11 узлов.

Сорокадвухдневный переход по морям и двум океанам прошел весьма быстро. Совершенно новые впечатления, сама жизнь на большом пароходе, при хорошей погоде остановки в портах, постоянная перемена климатических условий — все было полно ин-

* Второго класса не было.

тереса и не оставляло времени для скуки. Кормили на пароходе прекрасно, но как-то несообразно, совершенно не применяясь к климатическим условиям. Так, например, при проходе через Красное море, которое считается самым жарким местом чуть ли не в мире, на обед подавали тяжелые русские кушанья — жирный борщ и кашу с маслом.

Первая остановка, в Константинополе, была очень краткой, всего три-четыре часа, почему большинство пассажиров не рискнули даже сойти на берег.

Такая же остановка на рейде городка Галлиполи в Дарданеллах дала все-таки возможность осмотреть маленький городок, не рискуя заблудиться и пропустить отход «Киева». Это был очень небольшой, грязный, полный пыли город, не имевший ничего достойного особенного внимания. На одной из пыльных улиц я заметил вывеску на турецком и... русском языках «Табачная торговля». Хотя я и не курю, но заинтересовался и зашел. Владельцем оказался старый русский матрос, бежавший много лет тому назад с русского военного судна и живущий здесь более тридцати лет.

Перейдя Средиземное море — остановка в Порт-Саиде, небольшом портовом городе, откуда начинается Суэцкий канал. Этот город, кажется, весь состоял из множества магазинов, полных европейских и азиатских товаров. На маленькой площади города стоит памятник строителю Суэцкого канала знаменитому французу, инженеру Лессепсу. В то время в Порт-Саиде процветала рулетка. Я не воздержался, зашел туда и был наказан — проиграл половину имевшихся у меня денег. Офицеры с «Киева» потом мне сказали, что эта рулетка была явно мошенническая.

Остановка в Адене — английской угольной станции при входе в Аравийское море. Город Аден не имеет совершенно воды. Она собирается во время дождливого периода в огромные цистерны, постройка которых относится к временам римского владычества. Здесь «Киев» взял большой запас угля, так как он в Адене стоил дешевле, нежели в других портах*.

Далее Коломбо, главный порт острова Цейлон с его очаровательной природой и древними буддийскими храмами. Обошел богатую часть города, где любовался прекрасными по оригинальной архитектуре домами богатых жителей, утопающими в роскошных садах. Посетил ботанический сад, как говорили, один из пер-

* Даже, чем в Одессе.

вых во всем мире по разнообразию и богатству представителей растительного царства.

Гуляя по чудным аллеям сада, я заметил в кустах продолговатый ящик; из любопытства подошел к нему и увидел, что с одной, узкой, стороны он имеет отверстие, закрытое железной решеткой из редких прутьев. Я поинтересовался, что это такое, и, присев на корточки, заглянул внутрь ящика. Так как ничего не было видно, то я приблизил свое лицо почти вплотную к железным прутьям решетки. Вдруг раздалось громкое рычание, и я почувствовал на лице щекотанье от щетины и смрадное дыхание, исходящее из раскрытой пасти огромного тигра, заключенного в этом ящике. В испуге я поднялся и бросился было бежать, но сообразил, что нет ничего опасного. Я вернулся к ящику и внимательно рассмотрел редкий экземпляр великолепного бенгальского тигра.

Обедал на обширной веранде прекрасного отеля, расположенного на высокой скале у берега океана. Наблюдал, как подошли лодки рыбаков сингалезов, местных жителей. Здесь же на берегу стояла небольшая часовня. Из нее навстречу флотилии рыбаков вышел священнослужитель, который, когда прибывшие вышли на берег, отслужил что-то вроде нашего молебна и как бы благословил весь улов рыбы. Буддизм запрещает убивать все живое, а рыбу ловить приходится. Поэтому, когда рыба засыпает, монахи возносят молитвы о прощении рыбакам их преступления в том, что они наносят смерть живым существам. Без этого моления ни одна рыба не должна поступать в продажу.

Картина была весьма колоритная и просилась на полотно художника. Берег спокойного океана, угасающий день, яркий закат солнца, которое уже касается горизонта, умирающие лучи его вечером отражаются на зеркальной поверхности спокойного бесконечного океана. Само солнце кажется необыкновенно большим, а вокруг — скалы, огромные пальмы. Тут же лодки, полные рыбы, коленопреклоненная толпа обнаженных рыбаков и среди них в живописном наряде — весь белый, высокий, красивый старик, вдохновенно молящийся.

Сингалезы, обитатели острова Цейлона, вообще красивый народ, высокий и стройный. Прекрасно сложены как мужчины, так и женщины.

По возвращении на «Киев» я застал на нем индуса фокусника, который на палубе первого класса показывал различные фокусы при участии мальчика лет тринадцати-четырнадцати. Между про-

чими он показал два фокуса, неоднократно описанных путешественниками по Индии и, несомненно, основанных на массовом гипнозе всех присутствующих.

Вот первый: индус взял небольшой цветочный горшочек, наполненный землею, посадил в нее семена растения ману и закрыл на самое короткое время горшок куском материи. Когда он снял ее, то видно было, как появился небольшой отросток растения. Несколько раз он закрывал и открывал горшок и показывал, как на наших глазах растение все время росло, обратилось в небольшое деревце, на нем появились цветы, наконец, плоды. Весь процесс роста растения занял не более получаса времени.

Второй фокус состоял в том, что индус бросил высоко вверх веревку, сложенную кругами, которая, летя к небу, разматывалась. Нам показалось, что она свешивалась с неба, как будто за что-то там зацепилась. Индус дернул несколько раз веревку за свешивавшийся ее конец, и видно было, что веревка крепко держалась на чем-то в небе. Он что-то приказал мальчику, и тот, схвативши веревку за конец, быстро полез по ней вверх и скрылся в небе на наших глазах. После громкого окрика индуса мы увидели мальчика плавно спустившимся с неба по веревке вниз.

Вот и Сингапур. Мировой узел, через который проходят все суда, идущие из всех стран света. Огромный многоязычный порт, на улицах которого снуют толпы народа со всего мира.

Сингапур знаменит своим зоологическим музеем и... единственной, я думаю, в мире Малай-стрит. Это большая широкая улица* со сравнительно небольшими домами с балконами и верандами, ярко освещенными и наполненными куртизанками всех народов земли. Все они бесстыдно раздеты. Мимо них проходит сплошная бесконечная толпа мужчин, жадно рассматривающих продающихся женщин, которые с веранд призывают их к себе, часто хватая за одежды, открыто соблазняя своими прелестями. Картина яркая, сочная, но удивительно отвратительная. Идя медленно с толпой, я думал: как низко падает человек, и в то же время ловил самого себя: а ведь и сам пошел смотреть на это ужасное торжище! Зашел в краеведческий музей и в вестибюле увидел чучело огромного бенгальского тигра, совершенно такого же, как видел в ящике в Коломбо в ботаническом саду. На лбу у этого тигра была видна, как раз между глаз, отметина от пули меткого стрелка, его убившего.

* На которой нет ни одного магазина.

После Сингапура — продолжительный одиннадцатидневный переход, и мы в Нагасаки, в глубоком заливе, среди которого возвышается остров-скала; с этой скалы японцы сбросили в море первых католических миссионеров, прибывших в Японию проповедовать слово Божие. Недалеко от места стоянки нашего «Киева» стоял другой пароход Добровольного флота, «Екатеринославль», который пришел незадолго перед нами. Он около острова Формоза попал в сильный тайфун и ремонтировался. Даже издалека было видно, как он пострадал: были сбиты шлюпки, снесена одна мачта, во многих местах слезла краска, и вообще он имел печальный вид. Все пассажиры были с него сняты и на срочном японском пароходе отправлены во Владивосток на средства Добровольного флота.

Еще три дня — и 12 мая 1896 года в сумрачное, туманное, дождливое утро мы вошли в Золотой Рог, бухту крепости Владивосток.

Во всем Южно-Уссурийском крае почти весь май месяц обыкновенно идет дождь и температура воздуха довольно низкая. Особенно неприятная погода в этот период времени стоит во Владивостоке и его окрестностях.

Владивосток того времени был довольно грязный, без мостовых, небольшой город. Только одна Алеутская улица, идущая от вокзала еще неоконченной железной дороги на Хабаровск, была частью заощена булыжником. Постройки, за исключением нескольких домов, были все деревянные. Тротуаров не было, проложены были мостки из досок. В городе не было ничего интересного.

На следующей день отходил небольшой пароход «Новик»* в залив Посъет, около которого в двенадцати верстах было расположено урочище Новокиевское. Там квартировал 9-й Восточно-Сибирский батальон.

Дождь продолжал идти с раннего утра, и дул, казалось, небольшой ветер, но, когда «Новик» вскоре вышел в открытый океан, волнение, почти не оказывавшее никакого влияния на большой «Киев», качало маленький «Новик» преизрядно. Ни на палубе, ни в кают-компании нельзя было ни стоять, ни сидеть — можно было только лежать в каюте.

Залив Посъет находится в семидесяти милях от Владивостока, и пароход проходил это расстояние в семь-восемь часов. Сам за-

* 600 тонн.

лив представляет собой довольно обширную гавань, закрытую с трех сторон, а открытой частью обращенную на юго-восток; как раз посередине входа в бухту находится небольшой остров-скала, прикрывающий и с этой стороны вход. К северо-востоку расположена очень обширная бухта Новгородская, в которой мог бы располагиться большой флот. На горе, которая возвышается прямо против входа в бухту Посъет, по приближении к ней бросается в глаза двуглавый орел колоссального размера, сложенный из разноцветных камней трудами местного линейного батальона.

От Посъета надо было взять лошадей и под проливным дождем пробираться в урочище Новокиевское. Я не был подготовлен к подобному путешествию, да еще в открытой тележке. Ничего непромокаемого я не имел, был одет в легкое летнее пальто. Весь промок и продрог настолько, что решил остановиться у первого жилого дома и попросить приюта на ночь. К счастью, оказалось, что в первом доме жил офицер нашего батальона поручик Н.А. Юдицкий, тоже недавно прибывший. Он меня радушно принял.

Урочище Новокиевское расположено почти на берегу Тихого океана около небольшой речки Янчихэ, которая при приближении к океану протекает по большой долине между горами. Это было военное поселение — гражданского населения почти не было. Здесь были расквартированы три стрелковых батальона шестиротного состава и три батареи артиллерии. Из гражданских чиновников в Новокиевске находились: пограничный комиссар, мировой судья и пристав Посъетского участка. Частных жителей, кроме тех, что обслуживали несколько магазинов, почти не было.

Командиром батальона был полковник С.В. Заинчневский, старый человек, воспитанный в традициях прежнего времени, получившей отдельную часть после долгой службы.

Видимо, я произвел на него хорошее впечатление, так как не прошло и двух месяцев, как я был назначен на должность делопроизводителя батальонного суда, а вскоре адъютантом батальона.

В сорока верстах от Новокиевского урочища проходят границы Китая и Кореи. Климат весьма здоровый, питьевая вода — прекрасная. Температура воздуха как зимой, так и летом умеренная, без особо сильных колебаний. Неприятные явления: дожди весной и «норд-вест» поздней осенью, отчасти зимою. Этот холодный, все пронизывающий ветер всегда методически начинает дуть в одиннадцать часов утра и дует до шести вечера. Местные жители говорили, что «норд-вест» выдувает все болезни. В этой мест-

ности заболеваний вообще разными болезнями было очень мало, особенно эпидемическими. Достаточно сказать, что на шестиротный батальон военного состава больных стрелков бывало не более двенадцати-пятнадцати человек.

Как ни странно, но пребывание в за<хо>лустном урочище Новокиевское в продолжение более трех лет было самым счастливым временем всей моей последующей жизни. Не раз я думал: если кому-нибудь нужна рубашка счастливого человека, то пускай придут и возьмут у меня.

Первое время мне дали квартиру в компании с двумя другими офицерами — поручиками Галицким и Андреевским. Последний оказался и по характеру и по взглядам на жизнь во всем согласным со мной. Поэтому мы очень скоро подружились настоящею дружбою двух родных братьев, которая не нарушалась ни разу вплоть до трагической смерти Михаила Александровича Андреевского во время великого бедствия нашей Родины. Об этом я упомяну в надлежащем месте моего повествования.

Нам был дан крошечный домик из трех комнат с кухней. Две комнаты — небольшие и одна — очень малая, настолько, что в ней поместились только небольшой диванчик, шкафчик, столик и один стул. По жребию я получил эту комнатку.

Довольно скоро я купил у корейцев огромного медведя, которого стал держать на цепи при помощи особого приспособления, состоявшего из двух железных обручей, соединенных четырьмя ремнями. Один обруч был у медведя на шее, а другой — на животе. Они оба плотно прилегали к его телу. Медведь был привязан к столбу около окна моей комнаты, и я каждый день, отворив окно, давал ему сладости. Он очень скоро сделался совершенно ручным, и я постоянно играл с ним, давая ему один конец палки, сам держась за другой. Медведь тянул палку к себе, а я от него. Наша игра всегда заканчивалась тем, что он вырывал у меня палку и, видимо, бывал очень доволен своей победой.

Однажды рано утром, около четырех часов, я проснулся от шума открываемого окна и с удивлением увидел в окне морду моего Мишки. Не рискуя остаться наедине с медведем, я соскочил с дивана и в чем был, раздетый, выскочил из своей комнаты. Наблюдая в щель двери, я увидел, что Мишка влез в комнату и начал хозяйничать...

Еще в Финляндии в ранней молодости я любил ловить разных пресмыкающихся, как то: змей, ящериц, тритонов, лягушек и пр.

Для террариумов я использовал большие стеклянные банки. В Новокиевске, как и во всем Уссурийском крае, водилось много разных змей. Я наловил интересных змей и поместил их, как и всегда, в большие банки. Мой Мишка, попав в комнату, заинтересовался банками со змеями. Он брал их поочередно и бросал на пол. Банки разбились, а змеи расползлись по комнате. Пол имел большие щели, и змеи очень скоро ушли в них.

Заметив движение медведя к двери, я быстро закрыл дверь на ключ.

В полку, в 1-й роте, был стрелок Корниенко, необыкновенный силач. Я послал за ним денщика с предложением — не может ли он справиться с медведем. Корниенко тотчас явился и принес с собой старый тулуп, который одел в рукава спиной вперед. Я и трое денщиков встали около двери, а Корниенко открыл дверь. Медведь появился сразу, идя на задних лапах. Наш Геркулес схватился с ним грудь грудью. В несколько мгновений Мишка оказался на полу. Мы все набросились на него, связали веревками, исправили его обручи и водворили на место. Оказалось, что он, просунув передние лапы под второй обруч, как-то изловчился и снял с себя ошейник.

Прошло несколько месяцев. Темной ночью в сильный мороз в дверь квартиры капитана Солярского кто-то постучал. На стук отворила дверь жена капитана, ожидавшая супруга; она была в интересном положении. Представьте ее ужас — перед нею на задних лапах стоит огромный медведь. Она с криком сильнейшего испуга упала в глубокий обморок, а медведь от ее крика испугался и убежал. Дали знать мне, и опять при помощи Корниенко нашли и поймали Мишку.

На следующий день капитан Солярский пожаловался на меня начальству. Оказалось, что его жена в ту же ночь разрешилась преждевременно от бремени. Мне было приказано ликвидировать медведя. Убивать Мишку у меня не хватило силы воли, и потому я разыграл его в бесплатную лотерею. Выиграл владелец одного из магазинов Новокиевска. Через короткое время медведь у него ушел с цепи, залез по лестнице на чердак, где хранились запасы посуды в ящиках. Мишке пришла фантазия брать в лапы эти ящики и из чердачного окна бросать их во двор. Владельцу магазина ничего не вставало сделать, как взять винтовку и при появлении медведя в окне застрелить его. Пуля, видимо, попала ему в сердце; медведь во время выстрела стоял на задних лапах в прорези окна. Когда раздался

выстрел, то он приложил правую лапу к сердцу и упал мертвым. Мне сердечно было жаль моего Мишку, но что же я мог сделать?

Через три-четыре месяца после моего прибытия в батальон приехал генерал-майор Н.П. Линевиц, командующей войсками Южно-Уссурийского отдела. Он на правах начальника дивизии командовал двумя стрелковыми бригадами*, одной линейной бригадой**, двумя артиллерийскими бригадами и Приморским драгунским полком.

Линевиц был по виду в то время еще бравым генералом или, вернее, старался более или менее удачно быть таковым. Я был уже адъютантом батальона и потому должен был присутствовать с командиром на смотрах. Генерал лично проверял умение почти каждого стрелка прицеливаться и, вообще, обращаться с винтовкой. При этой проверке произошел следующий комический случай, характеризующий генерала Линевица.

Стрелки стояли в одну шеренгу, и в некотором расстоянии также в одну линию были расставлены различные мишени и зеркала. Линевиц требует офицера, заведующего оружием в полку, и приказывает ему что-то переставить. Между шеренгой стрелков и мишенями была лужа воды. Поручик Андреевский, мой приятель, пошел к мишеням по луже.

Вдруг возглас Линевица:

— Поручик, неужели вы не могли обойти лужу? Разве не видите, как грязь запачкала ваши сапоги? Вы, как офицер, должны показывать стрелкам пример чистоплотности!

Смотр продолжается, и через короткое время Линевиц опять призывает что-то изменить. Новая лужа, и Андреевский, помня замечание, ее осторожно обошел.

— Поручик, какой же вы стрелок, если боитесь пройти по мелкой луже. Стыдитесь! Ведь перед вами стоят стрелки! Какой вы им показываете пример?

Бедный Андреевский с трепетом ожидал третьей лужи, не зная, что же ему делать: идти по луже или ее обойти? На счастье, более луж не встретилось.

На следующий день был смотр всем трем стрелковым батальонам на площади урочища. Смотр прошел блестяще, и генерал Линевиц, выражая благодарность батальонам, воскликнул:

* 10 батальонов.

** 5 батальонов.

— С тремя такими батальонами я весь Китай завоюю!

Восточно-сибирские стрелковые батальоны были действительно хороши во всех отношениях и не уступали ни в чем гвардии*. Сибирские стрелки комплектовались из южных сибирских губерний, все были как на подбор рослые, здоровые, румяные красавцы — один другого лучше. Вообще, в воинские части на Дальний Восток присылалось лучшее комплектование во всех отношениях, так как не было смысла возить почти вокруг света на пароходах слабых новобранцев. Сибиряки южной части Сибири отличались, кроме внешнего вида, своим природным умом и смекалкой. Потому несложную военную науку они очень легко и скоро воспринимали, и из них получались прекрасные солдаты.

Японская и Великая войны показали, как были хороши сибирские стрелки первоначального состава.

В марте месяце 1898 года стрелковые и линейные батальоны были развернуты в двухбатальонные стрелковые полки восьмипротного состава. Из них были сформированы стрелковые бригады, которые содержались по штатам военного времени и, согласно мобилизационному плану, должны были быть готовыми к выступлению через три часа после получения соответствующего распоряжения. Поэтому в стрелковых частях все повозки обоза были всегда уложены, все было готово, кроме скоропортящихся продуктов, которые укладывались в последний момент. Содержание стрелковых частей в постоянной боевой готовности объяснялось возможностью внезапной высадки японцев на побережье Тихого океана.

Офицерский состав был, безусловно, лучше армейских пехотных полков Европейской России. Офицеры переводились на Дальний Восток только отлично аттестованные. Поэтому среди нас было очень мало офицеров, любивших спиртные напитки, и вообще беспутных офицеров. Когда я ехал на Дальний Восток, то был уверен, что попаду в пьяную, беспутную среду. И был весьма поражен, когда оказалось, что, кроме двух-трех, не было в полку офицеров, любивших выпить. Даже на пирушках редко можно было видеть напившихся до полного опьянения.

Более была развита среди офицеров игра в карты. Играли обыкновенно или в винт по довольно крупной ставке, или в азартную

* А вероятно, и лучше гвардии, особенно в боевом отношении.

игру «штосс». Я, должен признаться, пристрастился играть и в то, и в другое, причем мне вообще обыкновенно везло. Думаю, что постоянная удача, которая сопутствовала моей игре, и была причиною, почему я полюбил карты. Но несколько примеров, бывших на моих глазах в бытность мою в 6-м Стрелковом полку в городе Кельце, когда семейные офицеры, играя неудачно в карты, проигрывали все деньги, ставя свою семью в крайне тяжелое положение, заставили меня прийти к решению, что играть в азартные игры с семейными не следует. Этот принцип я старался по возможности исполнять.

Сравнительно не так давно было время, когда личный состав воинских частей на Дальнем Востоке комплектовался под влиянием совершенно противоположных оснований. Считалось, что на далекую окраину должно посылать только нежелательный элемент офицеров, особенно в нравственном отношении, как то: пьяниц, растратчиков и тому подобных.

Южно-Уссурийский край присоединен к России в 1868 году. В то время Япония была крайне слаба, не представляла никакой военной силы, в таком же состоянии был и Китай. Поэтому Россия содержала на Дальнем Востоке соответственно небольшое количество войска, которое состояло всего из немногих линейных батальонов, расквартированных малыми отрядами по всему обширному краю.

«До Бога высоко, до Царя далеко», — говорит старая поговорка, которая действительно была вполне применима к строю военного управления Дальневосточной окраиной. Не знаю точно, как было в гражданском управлении краем, но в военной службе, со слов старых офицеров, прослуживших долгое время в Южно-Уссурийском крае, было ясно, что вообще царствовало вотчинное право. Каждый, даже высший начальник или командир поисковой единицы, как бы мала она ни была, смотрел на подчиненную ему часть, как на источник личного дохода. Военному обучению отдавалось самое короткое время. Большую его часть солдаты проводили в хозяйственных работах, строили различные постройки для офицеров и себя, охотились, ловили рыбу, рубили лес, который очень часто находился на большом расстоянии от места стоянки части. Этот лес приходилось зимой рубить, а весной сплавлять по горным рекам к местам, удобным для погрузки на повозки, чтобы доставить к месту назначения. Многие офицеры обращались в подрядчиков разных материалов, пользуясь трудами солдат, которые также добывали

припасы продовольствия и для себя. Интендантство отпускало на довольствие войск все, что полагалось, и платило деньгами частям войск за невзятые ими от него предметы довольствия. Эти деньги обыкновенно шли в карманы начальников.

Состав офицеров прежнего времени, которых в мою бытность оставались только единицы, был невысокого качества, и про быт этих офицеров рассказывалось немало даже анекдотического. Так, например, во Владивостоке существовало общество «Ланцепупов», в состав которого принимались исключительно заядливые пьяницы, которые могли проглотить не менее определенного, большого количества спиртных напитков. Эти пьяницы пили водку аршинами: на стол ставились в ряд рюмки строго определенного размера одна к другой на длину аршина, и пьющие выпивали по несколько аршинов. Часто устраивались состязания на денежные призы по подписке всех участников — кто более аршин выпьет? Так же, как то бывало в старое время и в Туркестане, «нагрузившись» через меру, играли в «Кукушку», для чего запирались в большую пустую комнату, тушили свет и, вооруженные револьверами, громко кричали «Ку-ку». По направлению этого крика стреляли; кричавший быстро перебежал на новое место.

Семейные отношения не отличались чистотою нравов. На мой вопрос по этому поводу один старый офицер линейного батальона мне ответил:

— Наши дамы всегда старались не допускать в гарнизоне появления женщин легкого поведения.

У нас в батальоне были два офицера старого времени — капитаны Гомзяков и Москвин. Первый из них рассказал мне несколько интересных эпизодов из времен жизни военных в восьмидесятые годы.

Урочище Новокиевское отстоит от Владивостока в двухстах двадцати верстах по сухому пути; дорога пролегает вдоль берега Тихого океана, проходя через два урочища — Барабаш и Славянка, в которых стояли войска. Недалеко от Барабаша, ближе к Новокиевскому, была почтовая станция Рязаново, расположенная на самом берегу океана около протекающей небольшой речки Адэми. На этом месте в восьмидесятых годах стоял линейный батальон, в который вышел из юнкерского училища молодой Гомзяков.

Пароход из Владивостока приходил туда раз в неделю; почта приходила два раза в неделю. Кроме двадцати пяти офицеров и батальона солдат, здесь никто не жил из частных лиц, даже не было

никакой торговли. Из офицеров больше половины были холостые. Хотя окружающая природа и была прекрасна, но не все же могут наслаждаться постоянно одной природой. Несомненно, сильна в нас потребность общества; особенно у молодых людей, более или менее интеллигентных. Им нужны и развлечения.

Маленький гарнизон на реке Адэми был всего этого лишен. Всегда одни и те же лица, одни и те же интересы. Никого и ничего нового. Вечная водка, игра в карты. Скука, грусть, тоска — не только у офицеров, но и у солдат. Взаимное, постоянное раздражение, временами ненависть. Особенно влиял на психику постоянный, несмолкавший сильный прибой открытого океана — казармы были расположены на самом близком расстоянии от берега. Вероятно, под влиянием общей безотрадной гнетущей обстановки, как-то вдруг в батальоне вспыхнула эпидемия самоубийств, как между офицерами, так и между солдатами. Началось с первых. В продолжение менее четырех месяцев покончило самоубийством семь молодых офицеров и за ними несколько солдат. Восьмым был рассказывавший мне Гомзяков, который совершенно случайно остался в живых.

Офицер, застрелившийся перед ним, выстрелил в себя неудачно и скончался в сильных мучениях, почему Гомзяков решил обставить обстановку самоубийства таким образом, чтобы быть уверенным, что умрет быстро и без страданий. Он взобрался на огромную скалу, которая находится на берегу океана, далеко в него вдаваясь. Высшая ее точка была совершенно отвесна к воде, так как волны, вечно подмывая скалу, образовали у подножья большую пещеру.

Он встал на самый край скалы спиной к воде, выстрелил в сердце и, конечно, полетел вниз. Было раннее утро, и солнце только что всходило; начался прилив воды, которая быстрыми волнами затопила уже все бывшие под скалой камни, упав на которые Гомзяков рассчитывал разбиться. Океан сильно волновался, и волна подхватила его и вынесла на край пещеры, где он остался лежать, обмываемый прохладной, чистой морской водою, под влиянием которой кровотечение быстро остановилось. Гомзяков остался жив, так как пуля прошла около самого сердца, но не повредила его. Денщик Гомзякова очень скоро обнаружил уход своего офицера и пошел спрашивать, не видел ли кто-нибудь, куда он пошел. Часовой у цейхгауза сказал, что видел, как Гомзяков пошел ранним утром к скале. Его скоро нашли лежащим без сознания, но живым у входа в пещеру.

Очень скоро после этого случая батальон был переведен в Славянку, казармы все разобраны, и когда я, посетив это место, взобрался на скалу, то нельзя было заметить никаких признаков, что здесь было когда-нибудь жилье. Но только вблизи берега подымались одиноко семь белых больших крестов, поставленных на одиноких могилах самоубийц-офицеров.

Я спустился со скалы, подошел к могилам, помолился и с глубоким волнением подумал о молодых людях, неизвестно для чего погубивших свои жизни в далеком краю на берегу безбрежного Тихого океана. Вечно бьется океанская волна, напевая громкую, тоскливую мелодию семи самоубийцам, имена которых я не мог прочесть — они стерлись с могильных крестов, обвеваемых постоянно морским ветром. Я был здесь через пятнадцать лет после погребения несчастных жертв русской окраинной жизни.

Тот же Гомзяков рассказал, что после его попытки самоубийства он был переведен в батальон, стоявший в урочище Барабаш, ближе к Владивостоку и к границе с Китаем. Здесь он увлекся охотой. Однажды, идя по горной тропинке, он удалился далеко от урочища и приблизился к границе Китая. Выйдя на поляну среди леса, увидел следующую картину: на противоположном краю поляны на земле лежал кореец, а около него стоял на коленях солдат с винтовкой в руках. Гомзяков, пораженный этой картиной, воскликнул:

— Что ты делаешь?!

На этот окрик солдат быстро вскочил, взял винтовку на прицел, стал медленно подходить к Гомзякову и, целясь в него, сказал:

— Если вы, ваше благородие, шевельнетесь*, то я вас тотчас убью.

Когда солдат достаточно приблизился к Гомзякову, то велел ему бросить возможно дальше от себя ружье и сказал:

— Встаньте на колена, снимите фуражку и поклянитесь Господом Богом, что никому не скажете про встречу со мной, и, если меня когда-либо увидите или узнаете, то сделаете вид, что меня не узнали.

Гомзяков был принужден исполнить все, как потребовал солдат. На счастье, он никогда того солдата не встречал.

В пояснение этого эпизода надо сказать, что из Кореи и Китая, границы которых были сравнительно недалеко от Новокиевска и

* У Гомзякова было охотничье ружье.

Барабаша, вели проселочные дороги, на которых были пропускные посты. На этих постах всем проходившим выдавались пропуска, которые при обратном проходе отбирались. За них взимались небольшие платежи — насколько помню, по 30 копеек. Корейцы и китайцы по окончании полевых работ у себя дома шли на заработки в Россию и очень часто, избегая платить за пропуск, проходили небольшими лесными тропами по лесам и горам, которые были им хорошо известны.

Наши солдаты линейных батальонов* находили эти тропы и в укромных местах ожидали возвращавшихся по окончании работ в России корейцев и китайцев, их убивали и грабили. Это называлось «охотой на белых лебедей» — корейцы носили одежды, сшитые из белой бумажной материи.

Следующий рассказ Гомзякова характеризует, как в давние времена обыкновенно одевали солдат на далекой окраине.

Только он получил в командование роту в урочище Славянка, как его предупредили из Владивостока, что к нему придет французская эскадра, и начальство предписало ему встретить ее как можно лучше, выставив почетный караул.

Урочище Славянка было расположено на берегу океана в глубине небольшого залива, крайне живописного. Особенно красивы были его окрестности. Французская эскадра из восьми кораблей совершала кругосветное путешествие и зашла во Владивосток. Там французскому адмиралу наговорили чудес про Славянку. Он решил зайти полюбоваться и заодно поохотиться в ее окрестностях на фазанов и коз, которых в той местности в те времена было действительно изобилие.

У Гомзякова не было достаточно хороших мундиров для солдат, чтобы всех одеть к приходу французов. Поэтому он распорядился, когда придут французские суда, части его солдат спрятать в старом сарае, находившемся около самых казарм.

Французы пришли. Гомзяков торжественно встретил адмирала, отапортовал ему и отдал честь во главе почетного караула. Адмирал поинтересовался жизнью солдат и офицеров, обошел казармы, где все было в полном порядке и везде блистала чистота. Выйдя из казарм, французам пришлось пройти около старого сарая. Как только адмирал и его свита поравнялись с воротами сарая, как ворота с шумом отворились, и на пороге их появилась

* В те времена стрелковых частей еще не было.

беспорядочная толпа каких-то грязных, одетых в лохмотья людей. Причем ворота сарая настолько стремительно распахнулись, что впереди стоявшие попадали на землю, и как раз к ногам адмирала. Французы, пораженные видом этих людей, остановились, и адмирал спросил:

— Кто это?

— Вымирающее племя ланцепупов, которые обитали здесь до нашего завладения краем, ваше превосходительство, — ответил Гомзяков.

Сам он, правда, не был уверен в том, что французы ему поверили. Поняли ли они, что в действительности это были солдаты российской императорской армии, одетые в одежды, в которых они всегда ходили.

Впоследствии выяснилось, что солдаты, запертые в сарае, из любопытства сгруппировались около плохо запиравшихся ворот и, напирая друг на друга, желая посмотреть в щель на диковинных гостей, настолько надавили на ворота, что запор не выдержал. Ворота распахнулись совершенно неожиданно, солдаты целой толпой невольно выскочили из сарая и передние под напором сзади стоявших попадали как раз перед адмиралом.

Другой из старослуживших, капитан И.А. Москвин, был порядочный пьяница и не пользовался симпатиями офицеров. За полтора года до моего прибытия в Новокиевское в батальон явился молодой офицер, подпоручик Горохов, только что выпущенный из Павловского военного училища в Санкт-Петербурге. Ему было всего девятнадцать лет. Он, видимо, был сыном состоятельных родителей, так как часто получал от них по несколько сот рублей, и был хорошо воспитанным молодым человеком. Он говорил, что поехал на Дальний Восток из любопытства, желая узнать далекую окраину.

То, что описываю про драматический эпизод с Гороховым, я слышал от других офицеров, не доверяя рассказам которых у меня нет никаких оснований. Только его завершение произошло при мне.

Как только Москвин узнал, что Горохов получает из дому много денег, то стал приглашать его переехать к нему жить, так как у Москвина имелась свободная комната. Он заверял, что с Горохова возьмет недорого и что его жена будет смотреть за ним как за сыном. После нескольких повторных предложений Горохов согласился и переехал жить к Москвину.

Надо сказать, у Москвина была довольно интересная жена, лет сорока, и дочь пятнадцати лет. С первых дней появления Горохова

в семье Москвина офицеры стали замечать, что его жена на вечерах, в обществе и на прогулках старается держаться поблизости Горохова, в то время как тот удаляется от нее, не обращая внимания на ее кокетство с ним. Через некоторое время заметили, что отношение Горохова к ней постепенно стало изменяться. После поездок во Владивосток он делал ей подарки драгоценными вещами и, наконец, подарил лисью ротонду стоимостью несколько сот рублей.

Конечно, Москвин не мог не видеть всего происходившего в его семье, так как многочисленные подарки Горохова никак нельзя было скрыть. Жена Москвина это и не скрывала, являясь везде в драгоценностях Горохова и в его ротонде. Командир батальона полковник С.В. Заинчневский первоначально не придавал значения роману, но, наконец, должен был отреагировать.

Чтобы прекратить сплетни, он приказал Горохову переехать на другую квартиру, а вскоре отправил его начальником пограничного пропускного поста, куда по очереди командировались младшие офицеры, оставаясь там по три месяца.

Пограничный пост Красное Село находился в семидесяти пяти верстах от Новокиевского и был расположен на высоком хребте гор. У их подножья в океан впадала река Тумен-Ула, образуя большую дельту, которая вытекает из пределов Кореи. Двадцать солдат с офицером занимали небольшой домик, состоявший из большой комнаты для солдат, кухни и тут же небольшой комнатки офицера. С одной стороны дома — океан, с другой — простор большой реки с ее бесчисленными рукавами дельты Тумен-Улы. Ни одного жилища нигде поблизости.

Проезжей дороги к посту не было, а вела к нему выючная тропа. Путь пролегал частью по самому берегу океана, частью по мало проходимым горам, причем приходилось переваливать через два больших хребта. Дорога вообще была очень тяжелая.

Недели через две совершенно неожиданно к Горохову явилась Москвина и осталась у него до конца его командировки, несмотря на крайне неудобные условия. Сам Москвин делал вид, что ничего не знает, и вообще никак не реагировал на бегство жены на пост. За неделю до возвращения Горохова с поста Москвина возвратилась в Новокиевское и тотчас уехала во Владивосток, где устроилась в ожидании появления ребенка у какой-то акушерки.

По возвращении с поста Горохов поселился на отдельной квартире. Когда я прибыл в батальон, то заметил, как дружески отно-

сился Москвин к нему, но общество офицеров относилось к Москвину холодно — многие сторонились его.

Через некоторое время стало известно, что Москвина неблагополучно разрешилась от бремени и умерла от родильной горячки. Сам Москвин был в то время во Владивостоке. Возвратившись после похорон жены в Новокиевское, он через несколько дней, напившись допьяна вечером в собрании, пошел к Горохову. Войдя к нему в комнату, он быстро подошел почти вплотную и со словами: «Я пришел с вами рассчитаться!» — выстрелил из револьвера Горохову в живот в упор. Горохов на следующий день скончался в страшных мучениях.

Москвин был предан военному суду. Суд над ним происходил при закрытых дверях, поэтому точно подробности, что произошло на суде, были неизвестны. Некоторые наши офицеры, вызванные в суд как свидетели, рассказывали, что Москвин показал, что его жена перед смертью рассказала ему, как Горохов не только соблазнил ее саму, но также развратил и их дочь. Они говорили также, что на суде Москвин показал, что до рассказа жены он даже не подозревал про отношения Горохова к ней и к дочери.

По возвращении в Новокиевское после смерти жены он спросил дочь: соблазнил ли и ее Горохов? Она призналась, что после настойчивого ухаживания последнего действительно отдалась ему. Тотчас после признания дочери Москвин, возмущенный поступками Горохова, пошел в собрание, напился, под влиянием опьянения отправился к Горохову и застрелил его.

Дочь Москвиных, однако, на суд не была вызвана и не допрашивалась, несмотря на показания ее отца. Военный суд признал капитана Москвина виновным в убийстве подпоручика Горохова в запальчивости, но заслуживающим снисхождения, потому постановил, как ни казалось бы странным, ходатайствовать перед государем о полном помиловании убийцы. Капитан Москвин был помилован.

Охота в Уссурийском крае

В Уссурийском крае на всем его пространстве и по берегам Тихого океана в бытность мою была прекрасная охота как на пернатых, так и на всякого рода зверей. Поручик Андреевский и я находили наслаждение проводить все наше свободное время на

охоте и рыбной ловле в горах края и по берегу океана. Командир батальона относился очень хорошо к нам обоим и разрешал всегда в свободное время уезжать в горы на сколько было возможно.

Мы брали повозку, денщика, собак, сухие продовольственные припасы, две-три бутылки вина, намечали по карте направление поездки и углублялись в горы.

Обыкновенно выезжали с рассветом и только к вечеру останавливались на ночлег около какого-либо озера или реки. На следующий день вставали с рассветом и начинали охоту, уходя в горы. Денщик был с нами до первых выстрелов, после чего, захватив первую дичь, обыкновенно фазанов, возвращался и готовил обед, оставаясь все время на биваке. Часам к двенадцати, нагруженные дичью, мы возвращались на бивак. Хорошо пообедав и отдохнув, отправлялись в другую сторону от бивака и охотились до заката солнца. Иногда охота была очень прибыльна, но случалось — неудачная настолько, что мы убивали достаточно только для прокормления.

Когда было возможно по времени, мы уезжали сравнительно далеко. Так несколько раз бывали на охоте в окрестностях озера Ханка, в урочище Анучино и других местностях. Около озера Ханка нам удалось взять большого изюбра, имевшего огромные рога. В Анучино ходили вместе с профессиональными охотниками, которые в нашем присутствии убили тигра.

В окрестностях Анучино водились тигры редкого типа по своим размерам и яркости окраски их шерсти. Местные охотники нередко получали заказы от иностранных зоологических садов и музеев добыть тигровых щенят или шкуры тигров. Анучинские тигры по размерам и красоте лучше индийских, в чем я убедился, будучи в Сингапурском зоологическом саду, где можно видеть и тех и других и их сравнить. Вообще Анучинский район был полон разных диких зверей, охота на которых полна опасности.

К сожалению, в Анучино нам удалось побывать только однажды и участвовать раз в охоте на тигра, которая продолжалась четыре дня и была неудачна для меня и Андреевского — удалось взять только по одной козе. Но в нашем присутствии охотники убили прекрасного тигра, шкуру которого я приобрел.

В нашем Посьетском районе, где находилось урочище Новокиевское, также водились тигры. Но они были другого типа — меньшего размера и не так часто встречались. Чаше можно было встретить барса, но надо заметить, что охота как на того, так и на другого всегда сопряжена с опасностью для жизни.

Во время моего пребывания в крае в охоте на тигра или барса участвовало не менее десяти человек, обыкновенно два-три офицера и несколько стрелков — любителей охоты. Все охотники, найдя сами или по указаниям местных жителей признаки близкого присутствия дикого зверя, располагались длинною цепью — шагов около двухсот один от другого, стараясь охватить возможно большее пространство. Эта цепь двигалась вперед, следуя за зверем, который медленно отступал. Он скрывался, пользуясь пересеченностью местности, настолько умело, что часто цепь охотников его пропускала. Зверь оказывался за ними. Иногда он совершенно уходил, и охота кончалась полной неудачей.

Обыкновенно на третий или четвертый день охоты картина менялась — охотники должны были всегда иметь это в виду. Зверю, видимо, надоедало, что его долгое время преследуют, и он сам переходил в наступление. Он нередко нападал на зазевавшегося охотника. Он прятался за куст или камень, в складки местности, маскируя свое присутствие, выжидал время, когда охотники, окончив день охоты, возвращались на бивак, и неожиданно нападал на проходившего мимо него охотника, не подозревавшего о непосредственной близости грозного зверя.

Во время моих с Андреевским охот произошли следующие два случая.

Наступал вечер, мы кончили идти цепью и возвращались на бивак, как вдруг, недалеко от Андреевского, раздался крик стрелка-охотника:

— Ко мне!

Андреевский и ближайшие стрелки бросились к нему*. Оказалось, что стрелок не заметил спрятавшегося за небольшим кустом барса и пошел прямо на него, ничего не подозревая. Барс бросился из-за куста прямо на охотника, который, однако, успел взять винтовку на изготовку**. Зверь напоролся на штык, который попал ему под челюсть, выйдя в открытую пасть. Стрелок от толчка, конечно, упал, а барс настолько сильно сжал свою пасть, что почти перекусил штык, который впоследствии отломали при сравнительно легком давлении. Но зверю не удалось уйти, так как стрелок винтовки из рук не выпустил. Ближайшие охотники немедленно

* Я был сравнительно далеко и первого крика не слышал.

** На охотах на диких зверей все мы всегда имели винтовки с примкнутыми штыками.

ленно прибежали и dokonчили барса. Этот штык был помещен в музей полка, как редкое доказательство крепости зубов барса и его силы. Андреевский первый подбежал к месту происшествия и штыком заколол зверя.

Другой раз при подобных же условиях один из стрелков спукался с горы и не заметил около себя барса, приняв его при наступавших сумерках за камень. Барс дал охотнику пройти мимо себя и бросился сзади на него. Но зверь не рассчитал крутизны ската горы, и потому стрелок оказался несколько ниже барса. Зверь частью своего тела пролетел над головой охотника, но успел зацепиться когтями за его плечи, причем пасть барса оказалась около нижней части живота охотника. Тот не растерялся и быстрым движением сунул ему руку в разинутую пасть, спасая ценою руки свою жизнь — в следующий момент барс, несомненно, вцепился бы в живот стрелка. Только присутствие духа спасло охотника, но руку барс отгрыз. Прибравшие соседи закололи зверя.

Верстах в шестидесяти южнее Владивостока находится полуостров Янковский площадью около семи тысяч десятин. Он был арендован у казны бывшим политическим ссыльным поляком Янковским с платой по 5 копеек с десятины в год. На этом полуострове в огороженном пространстве Янковский развел пятнистых оленей — особую породу, встречающуюся исключительно в Южно-Уссурийском крае, да и то только в районе Посьетского участка. Нигде в мире этой породы оленей более не существует. Янковский их развел для продажи в зоологические сады всех стран. Спрос на этих редких оленей был постоянным и давал ему доход, оправдывавший с избытком все расходы по владению полуостровом.

В одну из суровых зим на полуострове появилась стая, неизвестно откуда взявшихся небывалых волков. Почти красного цвета, они не упоминались ни в одном из описаний животных, даже у Брема первых изданий.

Янковскому с сыновьями* удалось убить за одну охоту десять волков из той стаи. Их шкуры он разослал в девять зоологических музеев различных стран. Я видел чучело этого красного волка в Санкт-Петербургском зоологическом музее, что на Васильевском острове.

В ту же зиму у Янковского появился тигр, задравший несколько пятнистых оленей. Сыновья его и один рабочий предприняли

* У него было три сына.

охоту верхом на этого тигра. Несколько дней подряд они безуспешно охотились. Помня, что тигр обыкновенно и сам охотится за людьми, они возвращались каждый день домой, чередуясь, кому ехать последним в их колонне. Узкая тропинка на довольно большом пространстве шла густым, никогда не рубленным лесом. Потому нельзя было ехать всем четверым в одну линию. Настала очередь ехать последним рабочему. Уже недалеко от дома на него и на круп лошади сзади набросился тигр и смертельно ранил его в голову ударом лапы. Сам тигр моментально и безнаказанно скрылся в густом лесу, и более никогда Янковские тигров около своих владений не замечали.

Особенно удивительно прекрасна была охота на болотную дичь в устье реки Тумен-Ула, недалеко от нашего пропускного поста у самой границы Китая и Кореи. Река Тумен-Ула при впадении ее в Тихий океан образует большую дельту с массой различных самостоятельных озер и заливов, соединенных между собой отдельными речками и протоками. Это реки небольшой глубины, с илистым дном, поросшие тростниками. Всевозможная болотная дичь заполняла все эти огромные пространства, иногда плотными массами.

Ни китайцы, ни корейцы вообще не охотились. За три года, как мы сюда ездили, из русских, тут тоже никого, кроме меня и Андреевского, не бывало. Я это знаю достоверно: местные жители, китайцы и корейцы, жившие в нескольких небольших деревушках, каждый раз, как мы приезжали на охоту, нам это подтверждали.

Вообще поездка в эту местность была сопряжена с большими трудностями. От Новокиевска до устья реки Тумен-Ула более восьмидесяти верст по карте, а на самом деле значительно больше, так как проложенной дороги не было. Ехать надо было верхами, придерживаясь берега моря, причем лошади годились только корейские. Они выносливы, крепки, хотя и малорослы, легко влезали на самые крутые горы, которые приходилось переваливать по пути к местам охоты. Дорога, пригодная для движения повозок, пролежала, значительно отходя от берега. Ехать, пользуясь ею, было намного дальше, притом было очень легко заблудиться и не достичь мест хорошей охоты.

Условия жизни для пернатых в этом районе были исключительно хороши — многочисленные огромные водные пространства, разграниченные отмелями; небольшая глубина, очень илистое дно, масса разной зелени и камышей, много мелкой рыбы, полное отсутствие человека. Все это способствовало свободной,

полной довольства жизни огромного числа пернатых, самых разнообразных пород и видов. Человеку, никогда в этих краях не бывавшему, трудно себе представить, какое же несметное и разнообразное количество водяных птиц здесь обитало! Лебеди, гуси, утки, от необыкновенно малых до очень крупных, вальдшнепы, кроншнепы, бекасы, турухтаны, разнообразные кулики, как огромные, так и малые, — все они поражают охотника не только своим количеством, но также различием пород и бесконечным числом видов. Стоя на перелетах по вечерам и на рассвете, нам приходилось стрелять не в одиночных птиц, а в толщу пролетавших сплошных масс дичи. Причем если в это время солнце бывало близко к горизонту, то временами тучи пернатых заслоняли и солнце.

От выстрелов сразу из двух стволов не целясь, падали каждый раз по несколько птиц, неизвестно каких и сколько. Из десятков упавших птиц собака доставала и приносила не более двух-трех. Остальных она не в состоянии была найти из-за густых зарослей камыша.

К сожалению, всегда приходилось ограничивать свой охотничий пыл, так как некуда было девать то количество дичи, которое мы имели возможность набить. Везти дичь домой было далеко — она портилась, съедать на месте было некому.

В редких случаях, когда мне и Андреевскому удавалось бывать на реке Тумен-Ула, я наслаждался не столько охотой, сколько бесконечно приятным чувством видеть и ощущать всем своим существом присутствие и кипучую жизнь бесконечного мира живых существ. Каждое из них, видимо, также по-своему наслаждалось на наших глазах жизнью, Господом ему данной, ее прелестями. Иногда мы оба, как замороженные, прекращали охоту и стояли долгое время, наблюдая за жизнью птиц, обмениваясь редкими замечаниями. Наши собаки с недоумением смотрели на нас и, наконец, начинали лаять, ясно выражая свое нетерпение. Они бросались на птиц с ожесточением, понуждая нас их убивать.

— Вот настоящая жизнь животных, не знающих взаимной пощады, — говорили мы, — так же и люди бросаются друг на друга и воюют из-за низких жизненных интересов.

Однажды заведовать пограничным пропускным постом у реки Тумен-Ула был назначен молодой офицер Н.Н. Пель-Горский. Око-

ло поста находился колодец. Часто к нему за водой приходила из близлежащей корейской деревни красивая молодая кореянка, дочь старшины. Среди корейцев, как среди женщин, так и среди мужчин, нередко встречаются своеобразно красивые, стройные, прекрасно сложенные и рослые.

Молодой офицер, наблюдая из окна своей избы за грациозными телодвижениями красавицы, заинтересовался ею, и ему не составило больших усилий свести с ней знакомство. Первое время девушка дичилась офицера, но он каждый день радушно угощал ее сладостями, которые выписал при первом же случае из Новокиевска. Кореянка очень скоро привыкла к симпатичному молодому человеку. В конце концов начался серьезный роман. Красавица полюбила русского. Но любовь продолжалась недолго. Родители кореянки скоро узнали про отношения их дочери с офицером и тотчас ее отправили в глубь страны. Как передали Пель-Горскому жители деревни, когда он пошел узнать про девушку, долго к нему не приходившую, она была задушена после решительного отказа выйти замуж за старого корейца. Пель-Горский искренне полюбил девушку и впоследствии всю свою жизнь не мог ее забыть*.

Командующий войсками Южно-Уссурийского отдела генерал-майор Н.П. Линевиц был вдов. С ним в селеении Никольском** жили две его дочери. Он обратился к нашему начальнику 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майору князю Кильдешеву с просьбой устроить поездку его дочерей в ближайший китайский город Хунчун. Кильдешев передал это письмо нашему командиру батальона полковнику С.В. Заинчевскому, который поручил организовать поездку заведовавшему хозяйством подполковнику В.И. Сейфулину и мне.

Город Хунчун находился верстах в пятидесяти пяти от Новокиевского. К нему вела чрезвычайно плохая дорога. Большая часть пути состояла из подъема на высокий перевал, на вершине которого был расположен наш пограничный пост. Далее была десятиверстная нейтральная полоса и довольно крутой спуск в долину реки Хунчун. На границе нейтральной полосы с Китаем, на возвышенности, находился китайский пограничный пропускной пост.

* Погиб в 1924 году в городе Киеве от рук большевиков.

** Впоследствии получившем название город Никольск-Уссурийский.

Наше общество в составе двенадцати офицеров и двух дочерей Линевиича выехало рано утром из Новокиевского — все офицеры верхом, дамы в простом рессорном экипаже, несколько повозок с припасами продовольствия.

Перед нами были типичные для Уссурийского края возвышенности, которыми изборождена вся местность, особенно ее южная часть. Дорога шла поднимаясь, придерживаясь текущих речек, которыми изобилуют долины и овраги.

Местность, через которую мы проходили, была совершенно пустынна, только в двух местах вдаль виднелись небольшие китайские деревушки из двух-трех домиков. Растительности не встречалось почти никакой, только в узких лощинах попадались лесные заросли. Горы, подверженные действию холодного ветра «норд-вест», везде были совершенно голы. На противоположных сторонах гор и в их складках, закрытых от ветра, была богатая растительность — многочисленные цветущие растения самых разнообразных видов придавали живописный вид этим участкам.

Медленный, утомительный путь с остановками. Только к вечеру мы поднялись на перевал, где и остались ночевать на нашем посту.

Со стороны, не подверженной «норд-весту», к посту подходил прекрасный лес. До наступления темноты было еще время. Я не сдержался и, взяв винтовку, пошел в лощину. Через не более полуверсты передо мной выскочили несколько козлов настолько неожиданно, что я не успел снять с плеча винтовку, как они скрылись в густых зарослях леса. Пошел дальше уже готовый стрелять. Через несколько сотен шагов — вновь козлы!

Мне удалось сделать удачный выстрел, и великолепный старый козел стал моей добычей. Он был настолько велик, что я сам никак не мог его взять, даже взвалив на спину. Потому я поспешил на пост и, взяв с собой четырех стрелков, торжественно принес трофей своей молниеносной охоты. Бывший с нами повар из собрания немедленно освежевал козла. Через три часа все наше общество с аппетитом молодости и под влиянием чудного горного воздуха подкрепляло свои силы козлиными окороками и вырезками.

С первым признаком начинающегося рассвета я встал, поднялся на большую возвышенность, лежавшую около самого поста, и сел на большой отдельный камень, с которого долго любовался необыкновенным видом, открывшимся передо мной. Далеко вдаль медленно, как живой, поднимался огромный солнечный диск

желто-оранжевого цвета. Под возвышенностью, на которой я находился и спускавшейся по направлению к солнцу, был лес. Над лесом дымилась чуть заметно, как легкое облако, утренняя роса. Лес, под влиянием легкого ветра, колыхался, производя глухой шум. Пахло свежестью раннего утреннего рассвета, где-то далеко слышны были первые крики многочисленных птиц, как будто переговаривающихся друг с другом. Впечатление создавалось незабываемое. Мне думается, что никакое описание не может дать ясное понятие о том, что такое рассвет в ненаселенной местности среди гор и леса, как велика его прелесть и как великолепна вообще вся природа — создание Господа Бога.

Когда я вернулся с прогулки, все общество уже встало, и мы вскоре тронулись в путь. К семи часам утра мы оказались у китайского пограничного пропускного поста, где остановились немного отдохнуть. Меня удивила разница пограничных столбов — нашего и китайского.

Русский столб был небольшой, деревянный, даже некрашенный. Китайский же — большой, массивный, медный, с украшениями. На нашем прибиты две небольшие дощечки с надписями на обеих сторонах по-русски, на одной «Россия», на другой «Китай». На китайском столбе две металлические доски, на которых с нашей стороны — надпись по-русски и по-китайски: «Россия», а на противоположной только по-китайски: «Китай».

На посту мы застали начальника поста лежащим на камне и увлеченным курением опиума, а его шестерых солдат крепко спавшими. С нами был переводчик-китаец, и я при его помощи вступил в разговор с китайским офицером, который, когда узнал, кто мы и куда направляемся, то как мог быстро вскочил и принялся будить своих солдат. С большим трудом ему удалось поднять их и заставить двоих отправиться верхом на мулах, возможно поспешно, в Хунчун дать знать о нашем приближении.

Выйдя из поста, мы скоро спустились в долину и заметили недалеко от дороги одиноко стоявшее огромное дерево. Кто-то из нас предложил немного отдохнуть от палящего солнца. Нам показалось, что под сенью его ветвей все наше общество с повозками могло бы свободно разместиться.

Когда мы стали приближаться к этому дереву, то заметили, что на одной из нижних его ветвей качается что-то вроде небольшой клетки для птиц. Я дал шпоры коню, выскочил вперед, приблизился к дереву. Это действительно была клетка из четырех столби-

ков, соединенных двумя деревянными кругами с отверстиями, между которыми была помещена голова китайца, привязанная за его косу к ветке дерева. Вокруг клетки летало множество мух — вся голова была ими облеплена. К клетке была прибита дощечка с надписью.

Конечно, все наше общество отказалось от отдыха под этим деревом. Я вызвал нашего переводчика и попросил его перевести надпись. Он мне объяснил, что это голова китайца «хунхуза»*, казненного в Хунчуне, которая повешена около проезжей дороги в назидание другим разбойникам, что в надписи указано его имя и место рождения.

Зрелище было отвратительное.

Версты через три-четыре так же на отдельном дереве у перекрестка дорог висела подобная клетка с головой.

Уездный город Хунчун Гиринской провинции расположен на правом берегу реки того же названия и окружен со всех сторон старинной крепостной стеной, отчасти бастионного фронта. Стены города местами подходят почти к самой реке. В нескольких местах над воротами возвышаются высокие башни с амбразурами. Весь город был невелик и представлял собой типичный старинный китайский укрепленный пункт, куда в прежние времена в случае опасности укрывалось окрестное население.

С появлением поблизости русских оборонительные средства города были усилены постройкой двух сомкнутых укреплений, вынесенных за реку, ее левый берег, на расстояние не более двух верст. На этих фортах гордо развевались императорские флаги с драконами.

Перейдя по легкому мосту реку, мы через две сотни шагов оказались в главных воротах и вступили в город. Он оказался чистеньким, застроенным отдельными усадьбами — одноэтажными домами, окруженными высокими деревянными заборами с воротами, затейливо украшенными. Торговая улица, по которой мы проходили, была довольно узка и увешана массой флагов и большими фонарями, украшенными богатой золоченой резьбой с висящими низко цветными лентами. Карнизы лавок были украшены золочеными драконами, чудовищными зверями и уродливыми масками. Вывески лавок огромных размеров, начертанные на золоченых, красных, черных досках, свободно висели на цвет-

* Бандита.

ных деревянных выступах и от ветра постоянно болтались. Вдоль улицы сновали китайцы, в большинстве мужчины. Только редко проходили колеблющейся походкой китайки, придерживаясь стен и с трудом передвигаясь на уродливо маленьких ножках, и природные маньчжурки, довольно рослые, не уродовавшие своих ног.

Проехав немного по торговой улице, мы были встречены несколькими китайцами-чиновниками, которые были посланы фудутуну* нам навстречу. Они провели нас в большой дом, видимо, богатого китайца, где отвели отдельное помещение для наших дам и для мужчин, объяснили, что мы можем отдохнуть и что фудутун приглашает все общество посетить его через час.

После небольшого отдыха нас повели к фудутуну, который жил в одном из домов, занятых уездным управлением. Уездное управление занимало ряд дворов, имевших по сторонам одноэтажные здания, где были размещены различные части канцелярии управления. В конце последнего, самого большого двора, находился дом фудутуна, который встретил нас, стоя у входа в окружении своих чиновников. Все они были одеты в шелковые платья и шапочки с разноцветными стеклянными шариками, украшенными бронзой. Сам фудутун имел на своей шапочке павлинье перо с одним глазком. Это означало, что он имеет звание мандарина младшего класса. Цветные шарики у чиновников указывали на их чины.

Сказав нам несколько приветственных фраз, переведенных переводчиком, фудутун пригласил нас в покой, где на небольших квадратных столиках было расставлено различное китайское угощение, разложенное на тарелочки и блюда небольшого размера. Вместо ножей и вилок лежали палочки черного и красного дерева, длиной до десяти дюймов. На тарелках лежали различные сладости. Фудутун объяснил, что он знает про наш европейский обычай подавать в начале еды соленые закуски, по китайскому же обычаю, перед едой должны подаваться сладости, чтобы возбудить аппетит. Нам подали довольно много различных обыкновенных китайских кушаний, как из зелени, так и мясных. Но все это было приготовлено на бобовом масле невысокого качества, которое издавало особый запах, не возбуждавший наш аппетит.

* Уездным начальником.

Сам фудутун был немолодой китаец высокого роста, стройный, худощавый, с бледным лицом, которое заставляло предположить, что он подвержен курению опия. Вообще он производил впечатление вполне интеллигентного человека с хорошими манерами, но, видимо, стеснялся, что из-за нашего неожиданного приезда не смог нас принять более гостеприимно. Несколько раз он извинялся, что не смог нас встретить и, вообще, принять так, как бы он того желал.

Мы попросили его показать нам его учреждения, суд и тюрьму, но он очень тактично отклонил нашу просьбу, сказав, что не может этого сделать, так как в данное время нигде никого нет — время отдыха. В тюрьме же настолько грязно и плохо, что не стоит ее и смотреть.

Вскоре мы откланялись и отправились в обратный путь, завершив его так же — ночлегом на нашем пропускном посту. Выставленных голов на деревьях мы более не заметили. Очевидно, фудутун приказал их снять пока мы были в Хунчуне. Под вечер я опять пошел в лес, надеясь встретить какого-либо зверя, но, к сожалению, моя охота на этот раз была неудачна.

В июне месяце 1899 года во Владивосток прибыла небольшая германская эскадра из двух крейсеров, «Дейчланд» и «Гефион», под флагом генерал-адмирала принца Генриха Прусского, брата императора Вильгельма II.

Придя во Владивосток, принц Генрих прежде всего, как ни странно, сделал визит к доверенному немецкой торговой фирмы — Даттену. После него он поехал к губернатору Приморской области, дом которого находился наискосок от дома Даттена — на главной, Светланской улице. Принц Генрих с небольшой свитой проехал в Хабаровск к генерал-губернатору Н.И. Гродекову, где провел несколько дней. За время его отсутствия желающие лица допускалась к осмотру немецких военных судов.

Я и Андреевский случайно оказались в это время во Владивостоке. Мы посетили сначала стоявший в Золотом Роге флагманский корабль, крейсер «Россия», а затем «Дейчланд» и «Гефион».

Броненосный крейсер 1-го ранга «Россия» был спущен на воду только в 1898 году и недавно пришел из Кронштадта во Владивосток на усиление нашей Тихоокеанской эскадры. Это был действительно великолепный корабль того времени — один из лучших броненосных крейсеров всего мира и лучшее судно нашего флота.

В то время, то есть в 1899 году, наш флот по силе и количеству судов был вторым после флота Великобритании. Японский флот в конце XIX века был слабее нашей Тихоокеанской эскадры.

Крейсер «Россия», выйдя из Кронштадта, зашел в германский военный порт Киль. Там ему произвел инспекторский смотр сам германский император Вильгельм II, как генерал-адмирал Российского флота. Он получил это звание от нашего Государя незадолго до этого в знак их взаимной дружбы. Вильгельм II, конечно, воспользовался своим званием генерал-адмирала русского флота, дабы воспользоваться правом подробнейшего ознакомления с новейшим военным кораблем чужой страны.

После смотра он подарил кают-компания «России» подлинник картины, написанной им лично тушью. Картина изображала выступающую в океан скалу, на которой стоит Германия и показывает протянутой рукой на Восток, а в тумане из волн поднимается огромный Дракон, угрожающий Западу. Положив руку на правое плечо Германии, за ней стоит Россия и далее остальные народы Европы. Все народы смотрят на Дракона, но во взорах их не заметно страха, а только любопытство. Под картиной подпись рукою Вильгельма «Народы Европы — берегитесь Востока».

Это нам рассказал один из офицеров, бывших на смотре в Киле, который, показывая картину, со смехом сказал:

— Совсем не остроумен Василий Федорович!* Кого бояться — мертвого Китая или Японии с ее игрушечными японками, которые с радостью нам отдаются?

Последовавшие вскоре события по отношению к России показали, насколько глубоко был прав император Вильгельм, предостерегая о появлении новой грозной силы. На это, быть может, в то время и искреннее, дружеское предостережение наше правительство не обратило никакого внимания. И отнеслось к нему как и тот морской офицер, который рассказал нам об этой исторической картине императора Вильгельма. Он, очевидно, подарил эту картину кают-компания крейсера с глубоким смыслом, которого, к сожалению, никто, кому это следовало, не понял. Или, может быть, просто не хотел понять.

Германские корабли, крейсера «Дейчланд» и «Гефион», которые мы посетили после «России», оказались по сравнению с на-

* Так называл себя Вильгельм по-русски.

шим крейсером-богатырем игрушечными, слабо вооруженными. И, что странно*, содержались они несравненно грязнее нашей «России». Во время посещения военных судов я и Андреевский были в белых перчатках. После осмотра «России» наши перчатки остались совершенно чистыми. Когда мы отходили на шлюпке от «Гефиона», то оба обратили внимание на то, что наши перчатки стали грязными.

Офицеры немецких кораблей были крайне приветливы и подробно ознакомили нас со всеми деталями своих крейсеров. На «Гефионе» артиллерийский офицер захотел показать нам действие новейшей скорострельной пушки. Приказал всей ее команде встать на свои места, зарядить пушку холостыми унитарными патронами и произвести стрельбу, чтобы наглядно показать, насколько быстро следуют выстрел за выстрелом. К великому конфузу офицера и всей команды, после второго выстрела с затвором что-то случилось и он отказался действовать. Как ни старались немцы исправить, ничего не вышло. Обильным угощением в кают-компании немецкие офицеры постарались сгладить неловкость, происшедшую с показом орудия.

Вскоре князь Кильдешев получил от приморского губернатора телеграмму, что эскадра принца Генриха зайдет в залив Посьет и что он сам с небольшой свитой посетит наш Новокиевск, в окрестностях которого просил устроить ему охоту на фазанов.

На совещание старших начальников по поводу этой телеграммы, к сожалению, не были приглашены офицеры — настоящие охотники, к которым одними из первых принадлежали Андреевский и я. Было совершенно неудачно выбрано само место охоты, которое определяли главным образом по удобству сообщения с Новокиевском и по возможно меньшей пересеченности местности.

Сопровождать самого принца Генриха назначили двух офицеров, хорошо знавших немецкий язык, но никогда не бывавших на охоте и даже не имевших своих охотничьих ружей. К лицам, сопровождавшим принца, приставили таких же спутников. В самый последний момент отправления на охоту кто-то сказал князю Кильдешеву, что необходимо придать к сопровождающим офицерам действительных охотников. Ко мне явился посыльный, который объявил, что командир полка приказал мне

* Я думаю, многие читатели, может быть, и не поверят.

и Андреевскому немедленно присоединиться к отправляющимся на охоту.

Принц Генрих весьма любезно нас встретил, старался показать, что немного понимает русский язык и знает несколько простых, обыкновенных фраз.

Охота была назначена по дороге к нашему посту у реки Тумен-Ула недалеко от Новокиевска, у берега океана, в местности, в которой из-за холодного ветра с океана обычно никогда не бывало фазанов достаточно для охоты. Сопровождавшие гостей офицеры сами никогда не охотились, а потому не имели понятия о жизни и привычках фазанов, которые по ночам и утрам проводят время на возвышенностях, а в течение дня спускаются с гор вниз, в долины к ручьям, спасаясь в кустах около воды от палящих лучей солнца. Поэтому часов до девяти утра фазанов надо искать на возвышенностях, а в течение дня в долинах, около речек.

С места остановки все охотники разошлись. Хотя было только шесть часов утра, спутники повели принца вдоль речки, которая впадала в океан вблизи остановки. Андреевский предупредил их, как надо водить принца, но они перепутали этот совет и поступили наоборот, нежели следовало. Результат оказался самым плачевным — принц Генрих не произвел ни одного выстрела.

Другие наши офицеры хотя и последовали совету, но не отошли достаточно далеко от берега, и немцам удалось убить только по одному-двум фазанам. Андреевский и я пошли вместе, постарались отойти возможно дальше от океана и, на наше счастье, попали на стадо фазанов. Так как мы стреляли по очереди, то и убили одинаковое число фазанов — по восьми. Могли бы убить еще более, но нести их было тяжело. Уссурийские фазаны весят от восьми до девяти фунтов, а мы зашли далеко от берега. По возвращении на бивак была предложена обильная закуска. Принц прежде всего пожелал выяснить, кто больше всех убил фазанов. Оказалось, что это Андреевский и я.

— По обычаю охотников, — сказал принц, — мы должны признать власть короля охоты, который должен быть нашим законодателем во время завтрака. Король — тот, кто больше всех убил дичи. Счастливыми оказались двое, но двух королей не бывает одновременно. Поэтому надо бросить жребий.

Принц вынул золотую монету и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваш — орел, — и бросил монету.

Оказалась решетка и Андреевский принцем Генрихом был объявлен королем охоты.

Завтрак прошел весьма оживленно. Принц вел себя как юноша, был бесконечно весел и показывал, что он несколько не огорчен своей неудачной охотой. С большим аппетитом все ел и обильно запивал водкой и винами.

Подали шампанское. Как и всем остальным, ему подали бокал, но он заявил:

— Кто же на охоте пьет шипучее вино небольшими бокалами? Давайте стаканы!

ЧАСТЬ II Назначение в Главный штаб

Особое делопроизводство Главного штаба

30 марта 1903 года совершенно неожиданно для меня я был прикомандирован к Главному штабу «для испытания и перевода впоследствии» — так было сказано в приказе по Главному штабу.

Сдал командование ротой и отправился в Санкт-Петербург. По прибытии немедленно явился в канцелярию штаба, где представился правителю канцелярии. Во время моего разговора с правителем в кабинет вошел какой-то генерал, прервал наш разговор и сказал:

— Скоро должен прибыть прикомандированный к штабу штабс-капитан Никольский. Когда он явится, пошлите его ко мне. Начальник штаба разрешил мне взять его.

Услышав свою фамилию, я тотчас представился генералу, который взял меня под руку и повел к себе. Это оказался начальник военно-статистического управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майор Виталий Платонович Целебровский, очень милый, воспитанный, крайне деликатный офицер Генерального штаба.

Как оказалось, генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский, 2-й генерал-квартирмейстер, только что просил генерала Целебровского, которому нужен был офицер, взять меня к себе.

Прикомандирование меня к Главному штабу произошло для меня совершенно неожиданно и вот при каких обстоятельствах.

Как-то по прибытии моем в отпуск из Пекина в Петербург, я остановился у своей дальней родственницы Пелагеи Егоровны Казаковой, которая, будучи акушеркой, заведовала хозяйством гинекологической клиники Военно-медицинской академии. Во время моего пребывания у Казаковой она часто говорила, что было бы хорошо, если

бы мне удалось устроиться в Санкт-Петербург, и что она постарается это сделать. Я не придавал значения этим разговорам и скоро позабыл о них. А Казакова не забыла. Позже она мне рассказала, как ей удалось найти способ для моего перевода в Санкт-Петербург.

Во второй половине семидесятых годов прошлого столетия она состояла акушеркой при лейб-медике профессоре Красовском, который имел практику среди богатой аристократии и даже принимал <роды> у второй супруги императора Александра II княгини Долгоруковой. Красовский всегда работал с Казаковой*. Пелагея Егоровна сумела создать среди своих пациентов положение. Многие относились к ней с большим уважением и на всю жизнь сохранили с ней прекрасные отношения. Среди них оказалась семья генерал-лейтенанта Я.Г. Жилинского.

Уже после моего отъезда из Санкт-Петербурга Пелагея Егоровна получила от супруги Я.Г. Жилинского приглашение на семейный обед. Во время обеда она рассказала обо мне, аттестуя меня с личной стороны.

— Перевод вашего племянника в Главный штаб я могу очень скоро устроить. Дайте мне только о нем письменную справку, — сказал ей генерал Жилинский.

Вскоре я был вызван в штаб...

Пелагея Егоровна ничего не написала мне о своих удачных хлопотах, желая сделать мне сюрприз.

Она рассказывала мне некоторые эпизоды из своей жизни. Между ними интересен случай ее практики у княгини Долгоруковой**. Будучи на последнем месяце беременности, княгиня поздно вечером находилась в кабинете, когда почувствовала боли. Государь немедленно послал за П.Е. Казаковой коляску. Как только Казакова прибыла, у княгини начались роды. Император спросил мнение Казаковой, есть ли необходимость присутствия Красовского, или она справится одна. Та ответила, что не первые роды проходят легко и она уверена, что ничего не случится.

— Я очень рад, — сказал Государь, — что можно не посылать за Красовским, так как не хочу, чтоб кто-нибудь знал, что моя жена родила у меня в кабинете. Постарайтесь обойтись только моею помощью — я буду все делать, что вы скажете.

* Конечно, вся работа оплачивалась очень хорошо.

** Юрьевской.

И действительно, он ей энергично помогал: достал необходимое белье, все приносил и уносил, как она говорила ему. Так они вдвоем проработали около трех часов. Наконец, уложили княгиню, обмыли ребенка и вообще сделали все, что было необходимо.

Уже после трех часов ночи, когда все было кончено, Государь обратился к Казаковой:

— Егоровна, мы добросовестно поработали — надо что-нибудь поесть!

Он пошел и принес молоко, бутылку вина, фарфоровый горшок с гречневой кашей и несколько закусок. Утолив аппетит, Государь попросил Казакову остаться с княгиней и ребенком до утра, когда придет смена. Уходя из кабинета, он остановился и сказал:

— Что мог бы сделать вам приятного в память того, что я был вашим покорным помощником?

— Ваше Величество! — ответила та, — разрешите только взять на память о нашей совместной работе этот горшок, из которого мы оба одновременно ели гречневую кашу, и носовой платок, которым вы вытирали пот с лица, помогая мне.

Столь скромная просьба, видимо, ему понравилась, и он, вынув платок из кармана, отдал его Пелагее Егоровне.

После окончательного выздоровления княгини Казакова получила подарки — прекрасные драгоценные вещи (по-царски щедрое вознаграждение), а также две фотографические карточки княгини и императора с надписью его рукою «На память о совместной работе от благодарного Александра».

Незадолго до своей кончины Пелагея Егоровна передала мне карточки, горшок и платок, которые я свято хранил. Убегая от большевиков, я мог взять с собой только самое необходимое. Остальное оставил у своего друга в Царском Селе. В том числе и эти реликвии...

В то время Главный штаб, помещавшийся на Дворцовой площади против Зимнего дворца, состоял из:

- управления дежурного генерала,
- управления 1-го генерал-квартирмейстера,
- управления 2-го генерал-квартирмейстера.

В ведении последнего находились:

- военно-статистический отдел,
- оперативный отдел.

В состав военно-статистического отдела входили:

— 6-е отделение Главного штаба, занимавшееся <военной?> географией и военной статистикой России,

— 7-е отделение, занимавшееся иностранной статистикой и составлением военных и других сведений обо всех государствах,

— военно-учетный архив с библиотекой Главного штаба.

2-м генерал-квартирмейстером был генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский, который устроил мое прикомандирование к Главному штабу и передал меня генерал-майору В.П. Целебровскому, начальнику военно-статистического отдела.

При отделах генерала Целебровского находилось нештатное особое делопроизводство, в круг ведения которого входило заведование личным составом наших военных агентов за границей и вообще все, что касалось, так или иначе, заграницы. При этом отделе состояло также контрразведывательное отделение, которое было организовано перед моим поступлением. Оно занималось главным образом негласным, тайным наблюдением за германскими, австрийскими, японскими и итальянскими военными агентами у нас в Санкт-Петербурге.

Особое делопроизводство также ведало выдачей субсидий по разным военно-научным трудам, организацией ученых экспедиций (не только посылаемых военным ведомством, но и другими учреждениями, например Императорским Географическим обществом <экспедиция капитана И.К. ...лова?>*). По особому делопроизводству проходили также некоторые секретные расходы: деньги эти ассигновывались по параграфу шестому сметы Военного министерства, который назывался «На известное Его Императорскому Величеству употребление». Приходилось иногда вести дела случайного характера, как, например, по просьбе болгарского посланника помогать устройству в Болгарии музея-памятника «Царю Освободителю Александру II» и многое другое.

Личный состав особого делопроизводства состоял всего из Генерального штаба полковника В.Н. Минута и чиновника А.А. Голонбиевского. Так как они были чрезвычайно обременены работой, то меня и назначили к ним в помощь. К сожалению, очень скоро чиновник Голонбиевский бы назначен секретарем военного агента в Берлине Генерального штаба полковника В.Н. Шебеко, и я остался вдвоем с полковником Минутом, очень скромным, край-

* Экспедиция в Абиссинию.

не работоспособным и милым. Работа была, как видно из краткого перечня, мною приведенного, крайне разнообразная. И интересная настолько, что иногда она меня прямо захватывала и я без всякого принуждения почти всегда оставался в штабе часов до пяти-шести, а очень часто и позднее. Нормальное время работы было в штабе от десяти часов утра до трех дня. Как видно, рабочий день был не велик — всего пять часов.

В других гражданских министерствах и главных управлениях рабочий день был еще короче. Служащие собирались в разное время: мелкие чиновники (журналисты, писари и др.) приходили к началу двенадцатого часа, помощники столоначальников, столоначальники и начальники отделений приходили к двенадцати часам и позднее, а высшие, как, например, вице-директора и директора департаментов, приходили между часом дня и тремя. Занятия кончались ровно в пять часов.

Во всех учреждениях были буфеты, и большинство чиновников, зайдя на минуту в свое отделение, направлялись в буфет, где завтракали обыкновенно около часу. Таким образом, даже исправные чиновники начинали нормальную работу не раньше часу дня. Весь рабочий день был не более четырех часов, из которых надо вычесть время неизбежных между собою разговоров, прием посетителей, частные разговоры с семьей и со знакомыми по телефону и т.п. Времени на деловую работу оставалось не более трех часов.

Немудрено, что при затрате минимума времени на работу дела в наших министерствах проходили бесконечно долго и всегда образовывались огромные залежи <деловых бумаг>.

Первое время мне приходилось очень трудно, так как работа была, как я уже отметил, крайне разнообразна. Приходилось почти по каждому делу искать справки, как оно разрешалось и проводилось раньше. Я не решался отрывать В.Н. Минута от работы своими вопросами — он тоже был занят «по горло». Однако понемногу я ознакомился со всеми делами. К концу 1903 года мне стало гораздо легче.

К сожалению, В.П. Целебровский заметил, что бумаги у нас проходят, совершенно не задерживаясь. И он стал стараться брать в свое ведение дела, совершенно к нам не относящиеся. Получалось, что ему просто хотелось выслужиться перед начальством, показать свою работоспособность. Так, например, несмотря на то, что при штабе было особое отделение — наградное, мы взяли на себя дела по награждению иностранцев орденами.

При всех его хороших, даже отличных качествах человека в частной жизни, в деле генерал В.П. Целебровский был человеком без всякой инициативы, недалекого ума, можно сказать, крайне легкомысленным. Я никогда не видел, чтобы он критически отнесся к решению какого-либо вопроса, решенного В.Н. Минутом или мною. Он был всегда согласен. Конечно, с таким начальником было очень приятно работать, но вместо порядочных помощников к нему могли попасть другие; что могло бы быть тогда? А вот и ответ — незадолго до моего назначения на моем месте был другой офицер, который и показал себя.

В ведении особого делопроизводства находились остатки сумм по исполнению сметы Главного штаба. По окончании каждого года составлялся доклад на Высочайшее Имя, в коем испрашивалось разрешение о переводе всех денежных остатков за прошлый год по смете Главного штаба в распоряжение начальника штаба для использования их на расходы, не предусмотренные специальным назначением. Таких сумм обыкновенно было около 100–125 тысяч рублей ежегодно. Так как по смете никаких ассигнований на негласные расходы не было, то из этих денег оплачивались с разрешения начальника штаба все расходы по вознаграждению иностранных шпионов и, вообще, по производству нашей негласной разведки в иностранных государствах. Так поступать вынуждало полное отсутствие какого-либо ассигнования денег по смете на расходы, связанные с военным шпионажем. Должен удостоверить, что эти деньги, по крайней мере за мою бытность в штабе, расходовались только по своему прямому назначению. Деньги хранились наличными в денежном шкафу казначея штаба, и он их выдавал по запискам, подписанным генералом Целебровским. Мой предшественник, пользуясь личным докладом у Целебровского, подсунул ему подписать требование к казначею в размере почти всех денег, находившихся на счету особого делопроизводства. Получив эти деньги, он подал в отставку.

По истечении некоторого времени понадобились на что-то эти деньги, и когда обратились к казначею, то тот крайне удивился, так как у него хранилась очень небольшая сумма.

По существовавшему закону все остатки по всем ведомствам по исполнению сметы должны были сдаваться в Главное казначейство, но отнюдь не оставляться в распоряжении ведомства. Потому действия Главного штаба, хотя и с Высочайшего разрешения, были незаконны. Военный министр, подписывая доклад о перечислении сметных остатков в распоряжение начальника Главного

штаба, обходил закон, вовлекая своего Государя в нарушение им самим установленного закона. Действие, явно неблагоприятное для постороннего зрителя. Поэтому, когда офицер украл около 100 тысяч рублей, решено было на этом поставить крест, так как предавать его суду, то есть открывать действия военного ведомства, не представлялось желательным.

С первых дней моего пребывания в штабе я начал присматриваться не только ко всему окружающему меня, но и к начальству, особенно высшему.

В комнатах, соседних с особым делопроизводством, помещалось оперативное отделение, ведавшее подготовкою планов на случай военных действий и их составлением. Начальником этого отделения был Генерального штаба полковник М.В. Алексеев, впоследствии начальник штаба Верховного главнокомандующего. Полковника Алексеева, как ближайшего моего соседа по комнате, я встречал ежедневно; иногда он мне оставлял свои бумаги для передачи их генералу.

Стараясь относиться ко всему меня окружающему возможно сознательнее, я пришел к заключению, что оперативное отделение в штабе каждого государства является одним из самых важных. От того, как составлен заблаговременный план войны с возможным противником, зависит и успешное ее ведение. Потому весь личный состав Генерального штаба должен комплектоваться из лучших представителей, из людей, полных инициативы и знаний, прекрасно изучивших наших возможных противников во всех отношениях, а не только в военно-научном плане. Было ли это так на самом деле? Я не мог, конечно, дать себе ответа на этот вопрос, не пробыв на службе в штабе достаточно времени.

В мое время наши военные агенты находились в следующих государствах: во Франции (полковник Лазарев), в Германии (полковник Шебеко В.Н.), в Италии (полковник Миллер Е.К.), в Англии (генерал-майор Ермолов Н.С.), в Австрии (полковник В.Х. Рооп), в Греции (полковник Хольмсен), в Швейцарии (генерал-майор Розен), в Сербии (полковник Леонтьев), в Черногории (подполковник Потапов), в Болгарии, Турции (один и тот же), в Бельгии и Голландии (один и тот же), в Дании и Швеции (один и тот же, полковник Алексеев), в Китае (генерал-майор Воган), в Японии (полковник Самойлов), в Северо-Американских Соединенных Штатах (полковник Распопов). Фамилии некоторых военных агентов я, за давностью времени, забыл.

Все сношения с военными агентами шли **исключительно** через особое делопроизводство, которое само посылало и получало всю корреспонденцию с границей только через курьеров, посылавшихся регулярно Министерством иностранных дел. Согласно существовавшим международным соглашениям, вся почта с курьерами не подлежала никаким осмотрам и задержкам.

Некоторые военные агенты были весьма деятельными, прилагавшими все свои усилия и возможности, чтобы сообщать штабу больше верных сведений о состоянии в военном и других отношениях той страны, где они находились. Но были и такие, которые, видимо, не особенно интересовались делами своего государства, а если и доносили что-либо штабу, то только отвечая на наши запросы, — сами же не проявляли никакой инициативы.

Понятно, что сведения наши о странах поэтому были различны.

В оправдание наших военных агентов надо, однако, отметить, что по смете им не отпускалось ни одной копейки на расходы по собиранию сведений осведомительного и негласного характера. Какие же действительно серьезные секретные сведения можно добыть без расхода денег?

Содержание военных агентов также совершенно не соответствовало занимаемой ими должности представителей императорской Российской армии. Так, в Париже, Берлине, Лондоне и Вене военный агент получал 750 рублей в месяц. В других странах — меньше. В исключительных случаях, когда военному агенту представлялась возможность добыть какое-либо ценное сведение, он должен был донести об этом в штаб, и мы ему ассигновывали деньги. Но обыкновенно предварительно торговались, уговаривая военного агента израсходовать наименьшую сумму. Весьма часто случалось, что предлагающий сведения отказывался продать свою родину за небольшие деньги либо он за время переговоров находил другого, более тороватого покупателя, и мы не получали интересных и часто нужных нам сведений.

Если сколько-нибудь здраво вникнуть в дело разведки в иностранном государстве, то представится ясным, что без постоянного, обеспеченного расхода денег невозможно систематически собирать нужные секретные сведения.

Система, практиковавшаяся в нашем штабе, понятно, не давала нам никаких приличных данных об иностранных государствах. И потому наши сведения о них базировались преимущественно на гласных данных, черпаемых из официальных источников.

Однако должен засвидетельствовать, что полковник Самойлов (Япония) доставлял очень ценные сведения о японской армии. Он постоянно доносил, что японская армия сильна, хорошо снабжена. Он приводил совершенно правильные количественные сведения от блестящих, даровитых начальников, которые вполне оправдались впоследствии, во время войны.

В своих донесениях перед началом войны в конце декабря он говорил о полной готовности японской армии к началу военных действий. Наконец, в одном из последних донесений в подтверждение правильности своих выводов сообщил, что в санитарные повозки полковых обозов уложены все медикаменты и хирургические инструменты. Из последнего он сделал заключение, что в скором времени японцы начнут войну.

Все донесения полковника Самойлова всегда в подлинниках представлялись военному министру Куропаткину, который на полях донесений против особенно сильно предупреждающих мест всегда ставил или вопросительный знак или писал: «Полковник Самойлов ошибается!»

Я свидетельствую, что **ни одно донесение полковника Самойлова не было в подлиннике представлено на благовоззрение Государя**, а всегда возвращалось делопроизводителю, ведавшему делами Японии, который подшивал его к делу.

Я утверждаю, что Главный штаб имел своевременные, вполне верные данные о японской армии и знал о намерении Японии в самое непродолжительное время начать с нами войну и что Куропаткин делал вид, что не верит этим сведениям, и не доводил их до сведения своего Государя.

Полковник Лазарев (Париж) также часто доставлял интересные сведения. Однажды в середине 1903 года он представил нам секретную аттестацию наших главных начальников, составленную французским генеральным штабом. Полковнику Лазареву, как он сам написал об этом, эту аттестацию дал под секретом один из офицеров генерального штаба Франции, с которым он был в дружеских отношениях. Надо думать, что французский офицер дал русскому военному агенту такой секретный документ не по своей инициативе. Скорее всего, она исходила от высшего начальства союзной нам армии, которая имела право желать, чтобы во главе Российской армии стояли способные, даровитые начальники. Французы предполагали, что их аттес-

тация дойдет до сведения Государя. Иначе какой же смысл был давать ее Лазареву?

В этой аттестации давалась убийственно отрицательная оценка как военачальников, так и всех наших высших генералов, за исключением одного, Драгомирова, который признавался выдающимся. Особенно доставалось военному министру Куропаткину, который оценивался как бездарный, мелочный, совершенно не способный быть полководцем. Так же оценивался и великий князь Николай Николаевич.

К великому несчастью нашей Родины, все последующие события — Японская война, Великая война, революция — в полной мере подтвердили это мнение французов.

Большинство других военных агентов обыкновенно сообщало очень мало, не выходя из рамок официальных данных или из местной специальной литературы. Некоторые, как, например, полковник Миллер (Рим), заметнее прилагали усилия сделать невозможное, но недостаток денежных средств останавливал их старания.

Как известно, Швейцария, совершенно неинтересная в военном отношении, давала всегда приют некоторым политическим и другим деятелям, которые не были в согласии с законами своих стран, а потому Швейцария была центром не только политического, но и военного шпионажа. Из-за последнего была признана необходимость иметь нашего военного агента в Берне, в предположении, что он будет иметь возможность сообщать штабу о деятельности иностранных военных шпионов.

В Швейцарии нашим военным агентом был генерал-майор барон Розен, который в продолжение всего моего пребывания в особом делопроизводстве не представил ни одного донесения, кроме официальных данных о швейцарской армии и вопросов, связанных с получением им денежного довольствия.

На высказанное мною однажды В.П. Целебровскому удивление по поводу полной бездеятельности Розена и на мое предложение потребовать от него некоторые интересующие нас сведения, Целебровский мне ответил:

— Оставь Розена в покое, у него за спиной очень сильная протекция, почему опасно его трогать.

Почти весь 1903 год прошел для меня в ознакомлении с делопроизводством и с окружающей обстановкой. Очень часто в мои руки попадали записочки на небольших кусочках бумаги от воен-

ного министра А.Н. Куропаткина с требованием справок из Военно-ученого архива по самым разнообразным вопросам. Содержание этих записок часто поражало своей оригинальностью. Обыкновенно Куропаткин требовал дать ему справку, как поступил какой-либо великий человек в указанных случаях. Когда я передавал записку офицерам архива, то они, смеясь, говорили:

— Опять справка, что сделал Александр Македонский, когда с...?

Меня поражала мелочность и мелкое честолюбие Куропаткина. Так, например, в ведении нашем находились деньги «На выдачу пособий на издание военно-ученых трудов» (всегда в размере 6500 рублей). Куропаткин приказал подписаться в Бюро газетных вырезок в Париже, чтобы в штаб посылали вырезки из всех газет и журналов всего мира, в которых так или иначе упоминалось его имя. Ему доложили, что по справке, сделанной военным агентом, это удовольствие будет стоить до 4000 рублей в год и что штаб не имеет на это денег. Тогда он приказал дать ему смету штаба, и сам лично указал, что этот расход надо отнести на параграф «На выдачу пособий на издание военно-ученых трудов».

Расход оказался несколько менее, в среднем около 3200 рублей в год. Вырезки получались еженедельно. Офицеры Генерального штаба 7-го отделения, знающие соответствующие языки, переводили их, и переводы посылались Куропаткину. А на издание полезных книг оставалось только 3300 рублей.

Летом 1903 года Куропаткин совершил поездку в Японию. По возвращении его в штаб передавались разговоры, что он нашел Японию очень слабой в военном отношении, и что если придется с ней воевать, то это будет война вроде Туркестанской. Я заметил, что обыкновенно все разговоры, ведшиеся между офицерами штаба, имели более или менее верное основание, а потому поверил этой сплетне.

Несомненно, Куропаткин доложил и Государю то, что говорил другим.

Мнение, вынесенное лично им о японской военной мощи очевидно легло в основание оперативного плана нашей возможной войны с Японией и было одной из главных причин нашего поражения.

Однажды на моем столе среди бумаг, оставлявшихся начальником оперативного отделения полковником М.В. Алексеевым, оказался план войны с Японией. Рассматривая его, я обратил внима-

ние, что на усиление местных войск Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири в первую очередь предполагалось мобилизовать полки второй очереди Казанского и Московского военных округов. Эти полки держались в значительно уменьшенном составе и потому пополнялись почти на две трети за счет мобилизации солдат и офицеров запаса из других частей войск. Так же предполагалось формирование новых частей в районе Сибири.

У меня составилось определенное впечатление даже от мимолетного просмотра оперативного плана, что Япония в представлении оперативного отделения была совершенно несерьезным противником, недостойным, чтобы против него выставлялись хорошие войска и достаточное количество артиллерийского и технического снаряжения.

Очевидно, что в оперативном отделении придерживались мнения Куропаткина. Между тем в отделениях, соседних с оперативным, бытовало совершенно противоположное мнение. Из донесений нашего военного агента и штаба Приамурского военного округа знали, что Япония сильна, что она — «вторая Германия на Востоке», что ее генералы способны и талантливы.

По моим наблюдениям, не было никакой связи между соседними отделениями штаба. Никто не интересовался делами другого. Оперативное отделение полковника М.В. Алексеева нисколько не изучало в деталях противника (в данном случае Японию). Куропаткин поверил японцам, несомненно умышленно продемонстрировавшим свою слабость, необученность и неустройство. Японцы провели его совершенно так же, как и в 1901 году в Пекине, когда они убедили нас, что не могут толково провести самый простой маневр.

Конечно, все начальники (Целебровский, Жилинский и др.) не могли не знать истинного положения дел. Все они были люди «двадцатого» числа* — без чувства долга, без мужества. Все боялись лишиться своих насиженных мест, зная, что всякое, даже самое легкое, противоречие начальству** лишит их должности. Несомненно, что и М.В. Алексеев боялся противоречить указаниям Куропаткина, составляя оперативный план войны с Японией.

В штабе была получена от Главного морского штаба составленная последним секретная аттестация главнейших адмиралов япон-

* День уплаты жалованья. Ироническая характеристика думающих не о работе, а о зарплате. — *Примеч. сост.*

** В данном случае Куропаткину.

ского флота, в которой все адмиралы поименно аттестовывались как малоопытные и неспособные флотоводцы для широких морских операций. Так, например, адмирал Того оценивался как тупоумный, крайне медлительный и неудачный командующий флотом...

Перед моими глазами развертывалась картина чрезвычайно удручающая. С сентября мне и многим другим офицерам Главного штаба было ясно, что наше правительство умышленно (иначе не могу сказать) ведет к войне с Японией.

Я думал — что же за темные силы руководят моим императором и его правительством? И пылкий ум со дня моего ознакомления с некоторыми обстоятельствами начал искать причины удручающего состояния военного ведомства.

Впоследствии, выйдя в отставку, перейдя на службу по гражданскому ведомству и состоя короткое время по Министерству иностранных дел, я убедился, что военное ведомство не составляет исключения и что все управление России находится в совершенно одинаковом состоянии с ним.

В ведении особого делопроизводства находилось контрразведывательное отделение, которым ведал жандармский полковник В.Н. Лавров. Это отделение было организовано за несколько месяцев до моего прибытия в штаб. Это было вызвано выяснившейся необходимостью. Оказалось, что некоторые иностранные военные агенты весьма активно развивают у нас разведку по сбору нужных их правительствам сведений.

Ранее все противодействие иностранной разведке в России находилось в обязанности Департамента полиции. Но практика показала, что необходимо создать совершенно независимый орган, который бы вел постоянно наблюдение за деятельностью и жизнью хотя бы некоторых иностранных военных агентов. Департамент же полиции почти всецело был занят делами политического характера и поэтому не мог уделять достаточного внимания борьбе с иностранной разведкой в России.

Толчком к образованию специального контрразведывательного отделения послужило нечаянно открытое в 1902 году шпионство в пользу Германии и Австрии старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа подполковника Гримма.

Наш военный агент в Вене полковник В.Х. Рооп сообщил, что видел несколько раз в Вене подполковника Гримма, лично ему известного, не только в общественных местах, но и в австрийском

главном штабе. Последнее ему показалось подозрительным. За Гриммом было установлено негласное наблюдение, и очень скоро выяснилось, что он ведет свободный образ жизни — имеет любовницу, дорого оплачиваемую, очень часто ездит в Санкт-Петербург, Берлин, Вену. Более подробное расследование, а также давление, оказанное на его любовницу, вскоре помогли раскрыть его деятельность. Оказалось, что во время поездок в Санкт-Петербург он часто встречался как с германским, так и австрийским военными агентами. Были собраны достаточные улики, и Гримм был арестован.

Следствие показало, что он продавал военные секреты германскому и австрийскому штабам. Между прочим, оказалось, что он продал им наше мобилизационное расписание* и многое другое. Выяснилось, что он, пользуясь полным доверием начальства штаба Варшавского военного округа, воровал из столов и из шкафов требуемые австрийцами и германцами документы, снимал с них копии и отвозил лично в Берлин и Вену. По снятии копий с документов он возвращал их на места. Так как совершать частые поездки за границу представляло затруднение, то в праздники он ездил в Санкт-Петербург, где встречался с военными агентами Австрии и Германии. Иногда документы отвозил не он, а любовница, которая имела родных, кажется, в Харькове и обыкновенно ехала из Варшавы в Харьков, а уже оттуда — в Петербург...

Гримм состоял агентом Берлина долгое время, даже был принимаем императором Вильгельмом, который лично вел направление германской военной разведки. Вознаграждения Гримм получал от немцев до 40 000 рублей в год, да еще неизвестно сколько от Австрии.

Гримм был предан военному суду, осужден за измену Родине на восемь лет каторжных работ.

В 1902 году по отношению к изменникам действовал старый закон, по которому максимумом наказания были каторжные работы на восемь лет. А после этого случая было признано необходимым установить за измену как высшую меру наказания — смертную казнь.

Хотя, казалось, закон был милостив для Гримма, но само Провидение отнеслось к нему сурово: он был выброшен на полном ходу из вагона арестантами во время следования поезда через Урал

* Если не ошибаюсь, № 17.

к месту каторжных работ. Тело его было найдено совершенно разбитым о камни.

На суде председатель спросил Гримма:

— Как вы, русский офицер, могли изменить своему отечеству?

Гримм ответил:

— Я служил своему природному государю, императору Вильгельму!

Случайное открытие шпионства Гримма, его связь с германским военным агентом вызвали необходимость как-нибудь более серьезно ограничить разведывательную деятельность иностранных военных агентов и их шпионов. Поэтому и было образовано специальное контрразведывательное отделение, состоявшее в ведении Главного штаба.

На содержание этого отделения всего отпускалось в год 27 600 рублей. При таком ограниченном отпуске денег невозможно было вести контрразведку, то есть препятствовать шпионажу иностранцев на одной шестой части света. Пришлось удовольствоваться только наблюдением за деятельностью военных агентов Тройственного соглашения (Германии, Австрии, Италии) и Японии, как могущих быть в недалеком будущем нашими противниками.

Существование отделения скрывалось, его начальник Лавров никогда не показывался в штабе. Сношения с ним производились через меня, и я ездил к нему на частную квартиру, где находилась только его канцелярия.

Наблюдение за германскими, австрийскими и итальянскими военными агентами не давало никаких результатов. Видимо, после дела Гримма они перестали входить в непосредственные сношения со шпионами и перенесли их на каких-то других лиц. Конечно, установить и разъяснить последнее было бы нетрудно, но на это нужны были деньги, которых нам не давали. На 27 600 рублей можно было методически наблюдать не более чем за четырьмя военными агентами, и оставалась небольшая сумма на расходы на отдельные случаи, которые постоянно бывали.

Само образование контрразведывательного отделения не прошло незамеченным для военных агентов Тройственного соглашения, а также и установленное наблюдение за ними.

Но, как ни странно, это событие, видимо, ускользнуло от внимания японцев.

Наблюдение велось внутреннее и наружное. Первое состояло в том, что наши люди были введены в виде прислуги и швейцаров,

которые доносили Лаврову обо всем происходящем. Они также наблюдали, по возможности, за корреспонденцией военных агентов, внимательно рассматривали все оставляемые ими бумаги и если замечали что-нибудь подозрительное, то тотчас или снимали копии, или в подлиннике доставляли Лаврову.

Внешнее наблюдение заключалось в постоянном, непрерывном надзоре за каждым военным агентом. Никто из них не мог выйти на улицу, чтобы за ним не следили наши два сыщика. Практика показала, что для действительности наблюдения необходимо, чтобы за наблюдаемыми всегда следовали два человека. При посещениях ими общественных мест наши люди всегда следовали за ними, без наблюдения военные агенты были только при посещении ими частных квартир. Для внедрения в частные квартиры требовались особые сыщики, хорошо оплачиваемые, на содержание которых у нас не было денег.

Внутреннее наблюдение за японским военным агентом Акаши дало блестящие результаты. В ноябре месяце 1903 года Акаши оставил в кармане своих панталон полученное им письмо, в котором ему назначалось свидание на следующий день на Дворцовой набережной около дворца великого князя Владимира Александровича. Горничная, взявшая чистить платье, осматривая, как всегда, карманы, нашла это письмо. Немедленно ночью же она отвезла его Лаврову, который тотчас снял с письма фотографию и отдал подлинник горничной, которая положила его опять в тот же карман.

На другой день Акаши действительно встретил офицера в форме Главного интендантского управления, что-то с ним переговорил, получил пакет, и они расстались. Выяснилось, что этот офицер, ротмистр Ивков, состоял при Главном интенданте для особых поручений. Как впоследствии оказалось, это было первое личное свидание на улице Акаши и Ивкова. Ранее они встречались несколько раз в каком-то частном доме, где именно — установить не удалось.

После недолгого наблюдения решено было Ивкова арестовать и предъявить ему обвинение в измене. Хотя определенных доказательств к предъявлению подобного обвинения еще не было, но царившее в штабе опасение скорой войны с Японией заставило прибегнуть к пресечению дальнейшей работы Ивкова из-за боязни, что он может за время, потребное для точного установления его виновности, выдать какие-либо сведения, нужные японцам.

Ивков имел семью, состоявшую из жены и двоих малолетних детей. Было решено произвести арест, не внося смутнения и неприятности в его семью. Он довольно часто посещал ресторан «Малоярославец», что на Большой Морской недалеко от арки Главного штаба. Довольно поздно, около часа ночи, когда Ивков в отдельном кабинете пировал с друзьями, в этом ресторане появился Лавров с полицейскими в штатском платье, которых оставил в коридоре, а сам вошел в кабинет и предъявил Ивкову предписание об его аресте. Тот нисколько не растерялся и сильно повышенным голосом заявил, что это какая-то ошибка и что нет никакого основания его арестовывать. Лавров молча вынул из кармана фотографию его письма к Акаши и показал Ивкову. Ивков побледнел и медленно опустился в кресло, лишившись чувств. Придя в себя, он, не говоря ни слова, пошел за Лавровым.

На первом допросе Ивков ни в чем не сознался, и уже возникло опасение, что предъявленное к нему обвинение повиснет в воздухе. Основываясь только на его письме к Акаши и встрече с ним на улице, нельзя было строить обвинение, тем более что Ивков сумел довольно правдоподобно объяснить и то, и другое.

Ивков был заключен в каземат Петропавловской крепости. Через два дня он потребовал к себе коменданта крепости, попросил его дать ему чистый лист бумаги, чернила и перо и в его присутствии твердой рукой написал прошение на Высочайшее имя, дословно следующего содержания: «Всепокорнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что я сознаюсь, что изменял своей Родине, продавая иностранцам военные секреты. Ротмистр Ивков».

Как только комендант ушел, Ивков заранее отточенным куском стального каркаса из своей фуражки, случайно оставленной смотрителем в каземате, прорезал себе кровеносный сосуд на левой руке. Через короткое время проходила смена караула. Новый караульный начальник, посмотрев внимательно в оконце двери, заметил что-то неладное, вызванный доктор остановил кровотечение и спас его от смерти.

Но Ивков проявил необычайную силу воли: на следующее утро его нашли мертвым — он снял наложенные на руку бинты и при помощи их задушил себя способом, требовавшим присутствия чрезвычайной силы воли. В его камере не было ничего, к чему можно было бы прикрепить бинт, из которого он свил веревку. Там находились: небольшой стол, табурет и железная кровать, прикреп-

ленная к полу. Кровать не имела возвышающихся боковин — на четырех ножках, соединенных железной рамой, лежал сенной матрац. Хотя ножки кровати были очень низкие, Ивкову удалось подлезть под кровать. Бинт он привязал к перекладине рамы, сделал петлю, просунул в нее голову и, упершись ногами в противоположные ножки кровати, задавился.

Свою одежду и одеяло он положил на кровати так, что можно было принять за лежащего человека, поэтому стража, наблюдавшая за ним через окошечко двери, не смогла ничего заметить. Ивков настолько плотно втиснулся под кровать, что когда его вытаскивали, то на его теле оказались в нескольких местах большие ссадины.

Вследствие скорой смерти Ивкова не удалось установить подробнее, в чем именно заключалось его предательство и был ли он на службе у одного только японца. Некоторые косвенные данные указывали, что и германский военный агент пользовался его услугами.

Майору Акаши было предложено немедленно оставить свой пост.

Произведенное следствие смогло только точно установить, что Ивков продал Акаши карту Маньчжурии, выполненную нашими топографами. Он ее достал следующим образом.

На бланке Главного интендантского управления Ивков написал требование от имени Главного интенданта о выдаче экземпляра карты Северной и Южной Маньчжурии самого крупного масштаба, якобы необходимой интенданту для нанесения наших интендантских складов. Подпись Главного интенданта он подделал, сам эту бумагу скрепил, пошел в Главное военно-топографическое управление и там получил карту, которую впоследствии передал Акаши.

В первых же боях у убитых японцев были найдены карты Маньчжурии, представлявшие собой фотографические копии нашей карты, проданной Ивковым майору Акаши. На этой карте под русскими названиями местности от руки были написаны японские.

Непреложное, явное доказательство того, что у японцев не было соответствующей карты Маньчжурии.

Можно предположить, что если бы майор Акаши не получил от Ивкова этой карты, то начало военных действий было бы отложено на другое время.

Контрразведывательное отделение, ведя наблюдение за иностранными военными агентами, невольно узнавало многое из их

частной и интимной жизни. Так, например, один из них, проживший долгое время в Петербурге, женился на русской и был одновременно в близких отношениях с ее сестрой.

Во время войны ходили в обществе разговоры, что наша армия не имеет хороших карт Маньчжурии и что наши войска часто блуждают. Почему-то правительство не считало нужным опровергать эти нелепые слухи, которые, к сожалению, повторялись и в печати. Даже, казалось бы, серьезная газета «Новое время» поместила однажды заметку, что наша трехлинейная винтовка, несомненно, хуже японской, которая не только легче нашей, но и бьет на значительно большее расстояние. При этом в заметке приводилось сравнение с тем, что было в Русско-турецкую войну, когда у нас на вооружении армии была винтовка Крынка с откидным затвором, а у турок — винтовка Пибеди* со скользящим затвором, то есть несравненно более скорострельная, чем винтовка Крынка. Правительство не считало нужным опровергать этот ложный слух.

Так как никто на клеветническую заметку в печати не реагировал, то я написал в редакцию газеты «Новое время» довольно резкое письмо с моей подписью и с указанием адреса. В письме я опроверг заметку, приводя данные в двух параллельных таблицах о нашей и японской винтовках. Данные были взяты из русского и японского «Наставления о стрельбе», из которого было видно, что наша винтовка была на несколько золотников легче и дальность по прицелу у нее была на 150 шагов больше. При этом я выразил удивление, что серьезная газета помещает непроверенные факты и что находятся люди, распространяющие заведомо ложные сведения о состоянии отечественной армии. Редакция поместила мое письмо, однако вычеркнула из него все, что не касалось прямо винтовки.

После Русско-турецкой войны 1877 года один из офицеров генерального штаба турецкой армии** написал весьма интересную книгу под заглавием «Пропущенные благоприятные случаи в войне 1877 года».

В этой книге были приведены многочисленные случаи, когда и высшее командование, и штабы, и многие отдельные военачальники турецкой армии пропускали возможность воспользоваться благоприятными событиями и случаями, славившимися в пользу

* Устаревшие модели винтовок. — *Примеч. сост.*

** Если не ошибаюсь, начальник штаба Осман-паши.

турок во время военных действий. Автор доказывал, что если бы турки воспользовались только пятьюдесятью процентами этих возможностей, то исход войны был бы в пользу Турции.

Я знаком с литературой о войне 1904–1905 годов, но мне не попадалось подобного исследования военных действий с нашей стороны. Между тем было бы, несомненно, очень поучительно не только с исторической стороны, но и для ведения будущих войн знакомство с неиспользованными выгодными для нас событиями.

По моей службе в военно-статистическом отделе мне известны две обидно для нас неиспользованные возможности усилить боеспособность нашего флота и уменьшить активную силу японской армии, к изложению которых я и приступаю.

В октябре месяце 1903 года наш военный агент в Риме полковник Е.К. Миллер сообщил, что итальянский судостроительный завод предлагает нашему морскому ведомству приобрести только что построенные два броненосных крейсера по 8000 тонн каждый. Эти два крейсера были заказаны республикой Аргентина, которая не могла их выкупить вследствие экономического кризиса. Желаемая цена за них была заявлена в 30 млн итальянских лир*. В назначенную стоимость входили все боевое снаряжение и все запасы, поэтому эта цена была чрезвычайно низка — итальянский завод скинул с ее стоимости задаток, данный Аргентиной. Полковник Миллер прислал нам самое подробное описание крейсеров и их детальные чертежи.

Хотя крейсера относились ко 2-му рангу, но по покрытию брони, по силе артиллерийского вооружения и вообще по боевым качествам и скорости хода эти крейсера должны были считаться выше 2-го ранга. Оба крейсера были построены во всем согласно последним требованиям того времени, и, надо думать, наш флот не обладал ни одним военным кораблем соответствующего ранга подобных качеств. Они были в полной боевой готовности, снабжены всем до последней мелочи, имели значительно увеличенный комплект боевых припасов. Недоставало только одной команды.

Вообще, наш боевой флот к 1904 году, считая его по боевым элементам, был немного сильнее японского. Приобретение двух новейших броненосных крейсеров дало бы нашему флоту значительное преимущество перед японским и позволило бы предполагать, что нам удастся завладеть господством на водах Тихого океана.

* 11 млн рублей.

По отношению к нашему и японскому флоту того времени предложенные крейсера по их качествам можно приравнять лишь к недавно построенному в Германии «Карманному крейсеру». Имея всего 10 тысяч тонн водоизмещение, он превосходит в боевом отношении многие броненосцы 1-го ранга. Во всяком случае, в японском флоте не было ни одного крейсера 2-го ранга, который мог бы вступить в единоборство с итальянским, рассчитывая на успех. Для успешного исхода японцам пришлось бы послать в бой с каждым подобным итальянским крейсером судно 1-го ранга. Это значило, что во время генерального сражения наш флот встретил бы против себя кораблей 1-го ранга на две единицы меньше, что, несомненно, могло иметь для боя решающее значение в нашу пользу.

Свое предложение итальянцы сделали полковнику Миллеру за неимением в Италии нашего морского агента. Если бы последний был, то этот эпизод вряд ли бы стал известен.

Начальник Главного штаба генерал-лейтенант Сахаров приказал немедленно написать от имени военного министра письмо морскому министру о предложении итальянского завода и осторожно высказать мнение Куропаткина, что он со своей стороны считает покупку крейсеров весьма желательной и полезной, как значительно усиливающих боевую силу нашего флота.

Письмо было поручено составить мне. Куропаткин его подписал. Долгое время на письмо не было ответа. Тогда я по своей инициативе пошел в Морской штаб справиться, было ли наше письмо получено.

Оказалось, что оно было получено в день отправления, но резолюции морского министра еще нет. Я набрался храбрости и пошел к начальнику Главного морского штаба и доложил ему, что от полковника Миллера получено донесение, что итальянский завод просит поспешить с ответом*.

Через два дня после моего визита в Морской штаб пришло письмо от полковника Миллера с просьбой поспешить с ответом, так как итальянцы получили предложение от Японии передать ей крейсера, но что они из симпатии к России хотели бы, чтобы корабли были куплены нами. С этим письмом я вторично пошел к начальнику Морского штаба, который обещал немедленно доложить морскому министру и прислать ответ.

Действительно, дня через три было получено письмо дословно следующего содержания: «В ответ на ваше письмо о предложении

* Я умышленно допустил эту ложь «для пользы дела».

итальянского завода приобрести два броненосных крейсера имею честь сообщить, что морское ведомство не предполагает усиливать отечественный боевой флот покупкой иностранных военных судов».

С великой болью в сердце я прочел это письмо, когда оно дошло до меня. На нем не было никакой резолюции военного министра, только буква «К» с росчерком указывала на то, что он его прочел. Сама судьба посылала нам благоприятный случай, и мы его упустили.

«Неужели так будет всегда?» — думал я, погруженный в раздумье о том, что готовит судьба моей родине.

Вскоре полковник Миллер уведомил меня, что японцы купили оба крейсера, заплатив за них 40 млн итальянских лир*, назвали их «Ниссен» и «Кассуга» и, посадив временно нанятую команду, немедленно пошли в Японию.

Придя в Порт-Саид, «Ниссен» и «Кассуга» в ожидании прохода через Суэцкий канал бросили якорь в непосредственной близости с нашей эскадрой, вышедшей в начале января 1904 года на усиление нашей Тихоокеанской эскадры. Насколько помню, японские крейсера встали около крейсера «Петр Великий». Наши офицеры любовались прекрасными боевыми кораблями, не зная, что они так легко могли бы стать нашими.

Уже в Красном море «Ниссен» и «Кассуга» обошли нашу эскадру. В Сингапуре они приняли японскую команду и вышли на соединение со своей эскадрой. Они соединились со своей эскадрой около 23 января, и уже в ночь на 25 января японцы внезапно атаковали наши суда, стоявшие в Порт-Артуре. Невольно создается впечатление, что японцы только и ждали прихода «Ниссена» и «Кассуги», чтобы начать военные действия.

Наша вспомогательная эскадра, которую обошли японские крейсера, вернулась обратно, если не ошибаюсь, не дойдя до Сингапура. Она шла все время малым ходом, поскольку имела в своем составе такие старые военные суда, как «Петр Великий», «Владимир Мономах» и другие. Они не позволяли остальным кораблям идти с большой скоростью.

Как известно, в сражении в Печилийском заливе** 28 июля 1904 года именно «Ниссен» и «Кассуга» решили бой и заставили нашего адмирала поднять сигнал «Отступать по способности!».

* Напомню, что нам предлагали за 30 млн.

** Печилийский залив — Бохайвань, залив Желтого моря у берегов Китая. — *Примеч. сост.*

В первой половине 1904 года в штабе было получено письмо из Германии, в котором анонимный автор предлагал свои негласные услуги по доставлению подробных сведений о военных заказах японского правительства заводом Круппа в Эссене. Вознаграждение он просил весьма скромное — 500 германских марок* в месяц. Немедленно мною был составлен Всеподданнейший доклад о желательности принятия предлагаемых услуг. Государь выразил свое согласие.

Из последовавшей затем переписки выяснилось, что автор живет в Эссене и имеет возможность получать на заводах Круппа самые подробные и точные сведения о всех заказах Японии на артиллерийское боевое снаряжение, о времени погрузки его на пароходы и о времени выхода из Гамбурга. Причем он обещал своевременно описать внешний вид пароходов, писал, что постарается прислать фотографические снимки последних, дабы мы могли установить наблюдение за пароходами, преследовать их и затем в открытом море потопить.

Для большей скрытности вся переписка по нашему непосредственному сношению с нашими негласными агентами вообще велась на мое имя и в мой частный адрес. Так же и агенты получали все руководящие письма от меня, как от частного лица.

В скором времени наш эссенский агент прислал все, что обещал. Оказалось, что японцы заказали крупновским заводам более восьмисот артиллерийских орудий с огромным запасом снарядов, как для легких орудий, так и для орудий крупных калибров. Из восьмисот заказанных артиллерийских орудий более четырехсот были орудиями крупных калибров, сто — батареи легких пушек с увеличенным против обыкновенного количества комплектом зарядных ящиков и конского снаряжения.

Весь заказ предполагалось отправить на двух больших транспортах, один за другим через некоторый промежуток. Вообще, эссенский агент оказался весьма добросовестным — что обещал, то исполнил. Он своевременно прислал и фотографические снимки обоих пароходов.

Все сведения, получаемые из Эссена, немедленно передавались в Главный морской штаб, будучи адресованы на имя начальника штаба. Мы предполагали, что вопрос об уничтожении пароходов с японской артиллерией является вопросом чрезвычайной госу-

* Меньше 250 рублей.

дарственной важности. Ведь было же нами получено сообщение о том, что Государь соизволил выразить свое согласие на все наши действия.

Однако на наше сообщение начальнику Главного морского штаба мы ни разу не получили никакого ответа. Создавалось впечатление, что моряков совершенно не интересует вопрос о возможности потопления японской артиллерии.

Так оно и оказалось.

Вскоре агент предупредил нас, что заказ заводами будет скоро исполнен и что через столько-то времени будет направлен в Гамбург для погрузки на суда. Получив эти сведения, я, с разрешения генерала Целебровского, отправился в Морской штаб и лично представил их начальнику штаба. Он меня уверил, что через самое короткое время будут приняты решительные меры к поимке или уничтожению судов.

Действительно, через два дня мы получили столь долго ожидаемый ответ, в котором сообщалось следующее: «В ответ на переписку о захвате транспорта с японской артиллерией имею честь сообщить, что крейсеру «Азия», находящемуся у берегов Западной Африки, дано распоряжение возвратиться в европейские воды и принять меры к захвату или потоплению указанных вами пароходов».

По карте я убедился, что вряд ли крейсер «Азия», обладающий тихим ходом как судно старой постройки, сможет успешно захватить японский транспорт из Гамбурга. К тому же для опознания пароходов недостаточно было тех сведений, которые могли быть сообщены в телеграмме. Выйдя в море, пароходы легко могли изменить свои названия, заменив лишь надпись на носу и корме, а для «Азии» было бы затруднительно останавливать судно другого названия. Для безошибочного установления парохода, на котором отправлялась японская артиллерия, необходимо было начать наблюдение с самой гавани Гамбурга. Следовало послать особых агентов, которые следили бы в Гамбурге за погрузкой транспорта, и потому могли бы безошибочно указать в море капитану нашего судна на тот пароход, который следует остановить.

Надо отметить, что эссенский агент в последний момент подробно сообщил, какие именно отметки будут иметь ящики с частями орудий и всего остального имущества, что в трюмах поверх военного груза будут уложены мешки с овсом и пшеницей и что в судовых журналах будет указано, что пароходы идут с грузом овса и пшеницы в Японию.

Когда у нас в штабе было получено первое письмо из Эссена с предложением негласных услуг, то еще тогда я удивился тому, как подобное письмо могло свободно прийти из Германии, не будучи перлюстрировано или задержано.

Мне было известно, как строго немцы следили за всей корреспонденцией, идущей за границу, особенно из таких мест, как Эссен, центр германской военной промышленности, да еще в адрес Главного штаба. Обыкновенно подобные письма посылались из глухих местностей. Часто лица, предлагавшие нам негласные услуги, отправляли свое первое письмо в штаб с нашей ближайшей к границе станции.

Первоначально я объяснял это случайностью или думал, что германские власти хотят дать более развиться переписке и тем самым иметь возможность точно установить, кто же именно изменяет своей родине в пользу России. Но сколь бы внимательно, даже через сильную лупу, ни рассматривал я конверт как первого письма из Эссена, так и последующих, никак не мог заметить ни малейших следов перлюстрации. Переписка свободно развивалась, никем не задерживаемая.

Это обстоятельство меня крайне смущало, и я даже иногда думал, не есть ли это игра какого-нибудь мошенника, желавшего легко заработать деньги. Однако скромная плата в 500 марок в месяц как будто указывала на противоположное. Наша практика показала, что мошенники обыкновенно требуют единовременное вознаграждение, и притом запрашивают солидную сумму. Серьезность и тон писем из Эссена, казалось, опровергали мои подозрения в пользу отсутствия в данном случае обмана. Впоследствии обстоятельство, меня смущавшее, совершенно неожиданно получило разъяснение.

Утвердившись, что морское ведомство не желает принять серьезных мер к захвату японских грузов, я доложил свое мнение генералу Целебровскому и убедил его просить высшее начальство взять все это дело в руки военного ведомства, так как времени еще оставалось достаточно.

Целебровский немедленно пошел к генералу А.А. Поливанову, заменившему Жилинского, который тоже согласился, что это дело следует немедленно взять в наше ведение. Он тотчас доложил об этом начальнику Главного штаба генералу Фролову — генерал Сахаров был тогда уже военным министром.

Не знаю, как и что произошло, но только через два дня Целебровский, весьма расстроенный, сказал мне, что из нашей затеи ничего не вышло.

На другой день я подал официальный рапорт Целебровскому с ходатайством о представлении его военному министру. В этом рапорте я просил разрешить мне самому, под мою личную ответственность, без всякого вознаграждения организовать захват японских транспортов. Но так как у меня не было достаточно средств на покупку необходимого судна, то я просил немедленно поручить нашему военному агенту в Бельгии приобрести небольшой пароход с ходом не менее 18 узлов в час и погрузить на него вместо груза каменный уголь в таком количестве, которое он сможет принять. Это было необходимо для возможно продолжительного пребывания в открытом море — как раз в это время военный агент в Бельгии передал нам несколько предложений о приобретении подобных пароходов. Организацию личного состава предприятия я принимал на себя. Просил только командировать в мое распоряжение двух опытных сыщиков полковника Лаврова, которых предполагал немедленно послать в Гамбург для наблюдения за погрузкой пароходов.

У меня был приятель, мой родственник, шкипер дальнего плавания, с которым я говорил о возможности подобного предприятия. Он был довольно известный, опытный моряк, человек весьма энергичный, решительный и смелого характера. Он сразу согласился принять команду над судном и обещал в течение пяти суток собрать необходимую команду из смелых моряков, ему хорошо известных. Он поставил условие, чтобы и я отправился с ним вместе для общего руководства предприятием и чтобы вся ответственность за последствия падала бы на меня. Конечно, я на все согласился. Мой рапорт генерал Целебровский встретил очень сочувственно и сам лично тотчас же понес его в доклад.

Через день я получил его обратно безо всякой резолюции, что обыкновенно бывало, когда начальство не хотело, чтобы в делах учреждения оставались какие-либо следы по щекотливым делам. На словах генералу Целебровскому было приказано передать мне выговор за возбуждение неуместного ходатайства о представлении моего рапорта военному министру. Я просил Целебровского постараться узнать истинную причину упорного отказа двух ведомств от возможности уничтожить восемьсот неприятельских орудий. Через некоторое время он мне сказал, что Морское министерство входило в сношения с Министерством иностранных дел, и министр граф Ламздорф решительно восстал против затеянного, испугавшись возможных дипломатических осложнений с иностранными державами, особенно с Германией.

Последнее, что нам сообщил эссенский агент, было указание точного времени отхода транспорта из Гамбурга под германским флагом. Они благополучно вышли из гавани, прошли Суэцкий канал и исправно доставили более восьмисот орудий Японии. Эти самые пушки крупного и мелкого калибров осыпали в сражении под Мукденом нашу армию и в значительной степени способствовали нашему поражению и торжеству Страны восходящего солнца.

Прошло немного более месяца, и наш военный агент в Берлине полковник В.Н. Шебеко в секретном письме уведомил, что он был на приеме в Потсдамском дворце и что император Вильгельм, заговорив с ним, отвел его в сторону к окну и спросил:

— Почему ваше Военное министерство не воспользовалось возможностью уничтожить более восьмисот артиллерийских орудий, изготовленных в Эссене для Японии? Сведения, которые общались вашему Главному штабу, посылались с моего ведома.

Полковник Шебеко был крайне смущен вопросом Вильгельма, так как ничего об этом не знал, и поэтому вынужден был оставить вопрос без ответа.

«Вот и ответ на смущавший меня вопрос о правдивости эссенского агента», — подумал я, читая письмо Шебеко.

Несомненно, что Крупп получил полный расчет за японский заказ при сдаче его на транспорты и ничего не терял, если бы мы захватили их, а, напротив, только выгадывал, так как ясно, что японцы, нуждаясь в усилении своей артиллерии, немедленно бы заказали Круппу все снова.

Напрасна была заячья трусость наших министров! А может быть, что-либо другое руководило ими? Кто это точно знает? Только не я, маленький человек!

К неиспользованным благоприятным случаям можно было бы отнести и встречу в Порт-Саиде «Ниссена» и «Кассуги», бывших итальянских крейсеров под японским флагом, с нашей вспомогательной эскадрой, отправленной перед началом войны на Дальний Восток на усиление тихоокеанских морских сил. Наши моряки имели возможность таранить как бы случайно «Ниссен» и «Кассуги» и тем самым если не потопить, то вывести надолго их из строя.

Конечно, чтобы решиться на такой поступок, надо обладать мужеством, большой любовью к Родине, сильно развитым чувством долга по отношению к своему Отечеству и ставить свои лич-

ные интересы ниже общих. К сожалению, ни сама система воспитания, в рамках которой говорилось обо всем, кроме гражданской доблести, ни пример старших, особенно стоящих у кормила власти нашего государства, не способны были воспитывать в людях пренебрежение собственными интересами в пользу государства.

Еще со времени царствования императора Александра III наше правительство оказывало денежную помощь Черногории. По смете военного ведомства ежегодно ассигновывалась 331 тысяча рублей, как вспомоществование на содержание черногорской армии. Эти деньги выплачивались Черногории каждые четыре месяца равными суммами по 110 333 рубля. Забота о своевременности высылки пособия лежала на мне. Я должен был писать в Особенную канцелярию по кредитной части просьбу изготовить и прислать штабу чек на означенную сумму, взамен которого возвращалась наша ассигновка на Главное казначейство. Чек посылался нашему военному агенту в Черногорию, который передавал его черногорскому князю.

Сумма 331 тысяча рублей сложилась из расчета расхода на содержание постоянных кадров для мобилизации одного корпуса войск*, который Черногория обязывалась выставить во время войны по требованию русского правительства.

Кроме денег, Россия снабжала Черногорию нужным количеством вооружения и боевыми припасами, как для пехоты, так и для артиллерии и кавалерии.

Не только военное ведомство оказывало материальную помощь Черногории. От Министерства иностранных дел, Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и от Министерства Двора также посылались ей значительные суммы денег.

Наш военный агент, на которого было возложено наблюдение за правильным расходом пособия, доносил не раз, что черногорский князь расходует даваемые ему деньги не по прямому назначению, а на свои личные нужды. Наше правительство не обращало на последнее никакого внимания, находя, очевидно, это в порядке вещей.

Насколько я знаю, вся помощь, оказываемая Россией Черногории, доходила до **650 тысяч рублей ежегодно** и производилась в продолжение более тридцати лет. Таким образом, черногорцы по-

* Около 40 тысяч единиц.

лучили от нас за это время одними деньгами более **20 млн рублей**. Было бы интересно узнать, в какой мере Черногория выполнила свои обязательства перед Россией во время Великой войны?

В ведении особого делопроизводства находились дела Военно-исторической комиссии по составлению истории Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Комиссия работала еще до времени моей бытности в штабе в продолжение двадцати шести лет. Составление материалов заключалось в подборе всех письменных документов об этой войне, какие только можно было бы собрать. Для этого архивы главных управлений, штабов и войсковых частей, касающиеся Русско-турецкой войны, были переданы в комиссию. Та должна была их только разобрать и напечатать в известном порядке — работа, не требующая особого труда. После напечатания всех материалов предполагалось составить «Историю Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.».

Однако за двадцать шесть лет комиссия не только не составила истории, но даже еще и не собрала все материалы об этой войне, по которым было бы возможно написать ее историю. Не знаю, увидела ли свет эта история, но за мою бытность в штабе было издано сорок томов — всего предполагалось собрать их около семидесяти. При таких темпах можно было ожидать появления в свет истории через шестьдесят — семьдесят лет.

Комиссия состояла из семи офицеров Генерального штаба. В большинстве это были почетные генералы, которые, находясь в комиссии, получали своевременно ордена, чины и, помимо своего основного содержания, еще и суточные деньги.

Интересно привести следующую параллель. Тотчас по окончании Русско-японской войны была образована такая же комиссия по составлению истории этой войны. Председателем ее был назначен генерал Гурко, сын знаменитого фельдмаршала.

Когда генерал Гурко вскоре после его назначения зашел в особое делопроизводство, то я, шутя, спросил его:

— Разрешите, ваше превосходительство, спросить: ваша комиссия составит историю войны быстрее турецкой комиссии или нет?

Энергичный Гурко, видимо оскорбленный моим вопросом, резко ответил:

— При представлении Государю, на его вопрос — когда я предполагаю закончить историю — я ответил его величеству — через три года. Я свое обещание выполню.

Действительно, генерал Гурко свое обещание исполнил. Через три года история Русско-японской войны 1904–1905 годов увидела свет. Это было многотомное (более двадцати книг) издание, прекрасно составленное, великолепно напечатанное, снабженное большим количеством планов, карт и других приложений. Истинно капитальный труд, подобного русская официальная военная литература еще не знала.

Когда я в первый раз увидел эту историю, то невольно провел сравнение между генералом Гурко и другим председателем подобной комиссии.

Перед Рождеством 1903 года наместник Квантунской области, адмирал Алексеев, обратился одновременно к военному министру и министру иностранных дел: не имеется ли с их стороны препятствий к отъезду его в отпуск?

Министр иностранных дел сообщил нам свое мнение, что в настоящее тревожное время присутствие Алексеева в Порт-Артуре является необходимым, а поэтому отъезд его в отпуск нежелателен.

Военный министр с этим согласился, и была послана телеграмма, мною составленная, которая была передана министру иностранных дел для согласования. В ней ясно указывалось на возможность скорой войны с Японией и сообщалось о нежелательности того, чтобы Алексеев оставлял свой пост.

В ответ была получена новая телеграмма Алексеева, содержание которой, как всем показалось, было более чем странным. Алексеев указывал, что Япония еще недостаточно подготовлена, чтобы в скором времени начать военные действия, и что вообще Алексеев не думает, чтобы в его отсутствие японцы на это решились, а поэтому он вновь просит согласия на отпуск.

Телеграмма была так отредактирована, что при чтении создавалось впечатление, как будто японцы находились под властью Алексеева и от него зависело — разрешить им начать войну или нет. Вся переписка была представлена на благовоззрение Государя. Он согласился с мнением министров, и Алексеев в отпуск не поехал.

Время проходило очень быстро, прошли рождественские праздники, которые петербургское общество провело весело, как всегда. В Зимнем дворце тоже не скучали — были назначены балы и дневные приемы.

Японский посланник уже второй месяц настойчиво добивался ответа на предложение своего правительства — урегулировать

вопрос о Корее и заключить соглашение о разделении сфер влияния: Маньчжурия — для России, Корея — для Японии. Посланник выражал также желание о личном свидании с Государем. На все свои представления он получал от графа Ламздорфа или уклончивые ответы, или ему говорили, что император очень занят, то общались, что он отправился на охоту, то — что ему нездоровится, и все время просили подождать. Вообще, все действия нашего правительства выражали явное пренебрежение к представителям Страны восходящего солнца.

Около 20 января японский посланник явился к графу Ламздорфу и решительно заявил, что его правительство просит дать ответ по существу японских предложений не далее, как в самые ближайшие дни, иначе он не может отвечать за последствия.

В это время крейсера «Ниссан» и «Кассуга» уже прошли Суэцкий канал и уже опередили нашу вспомогательную эскадру, шедшую в Тихий океан.

У нас в военно-статистическом отделе* неведомыми путями очень быстро узнавалось, что творилось по ту сторону арки**, соединявшей здание Главного штаба со зданием Министерства иностранных дел. Когда в штабе стало известно заявление японского посланника, нам стало ясно, что это не что иное, как преддверие начала войны. Но в высших сферах, видимо, мыслили иначе.

На 27 января 1904 года в Зимнем дворце был назначен большой бал, который, однако, не состоялся. В ночь на 25 января японцы неожиданно для наместника Дальнего Востока адмирала Алексеева атаковали наши боевые корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура.

Началась Русско-японская война, окончившаяся поражением России.

28 января был назначен в Зимнем дворце особо большой и парадный Высочайший выход, на который я получил пригласительный билет. В залах дворца везде были заметны следы приготовления к имевшему быть 27 января большому балу: вдоль стен стояли разные тропические и цветущие растения, придвинутые столы и стулья, приготовленные для ужина, и прочее.

* Но не в остальных отделах штаба.

** Арка через проезд с Дворцовой площади на Большую Морскую.

Все приглашенные на Высочайший выход были распределены церемониймейстерами по классам должностей и по чинам. Мне, конечно, приходилось стоять среди самых младших, что я решил исправить. Задними рядами через несколько залов пробрался я к закрытым дверям, из которых должны были выйти Высочайшие особы.

Около дверей был выстроен почетный караул — взвод от Кавалергардского Ее Величества полка. Как только раздался стук жезла обер-церемониймейстера, предупреждавший о начале Высочайшего выхода, то я быстро пробрался к самому почетному караулу. Церемониймейстер заметил мой маневр и хотел меня остановить, но в этот момент двери бесшумно раскрылись, и я остался там, где встал, и потому мне удалось видеть все шествие очень близко.

Впереди медленным размеренным шагом следовал Государь император под руку с вдовствующей императрицей-матерью, за ними великий князь Михаил Александрович с Государыней императрицей, затем великий князь Владимир Александрович с супругой, далее все великие князья и княгини по старшинству, а за ними — все министры.

Шествие медленно прошло через все залы в Тронный зал. И оказалось, что я, пожалуй, более проиграл, чем выиграл. Находясь в самом отдаленном помещении от Тронного зала, я уже при всем своем старании не смог в него попасть. Потому не увидел самого интересного — чтения в торжественной обстановке Манифеста об объявлении войны Японии.

Война началась.

Куропаткин был назначен командующим действующей армией и поехал по всей России собирать иконы. Адмирала Макарова после некоторого раздумья назначили командующим флотом вместо адмирала Алексева, который более месяца еще оставался на своем месте. По прибытии его в Петербург ему и его штабу отвели обширное роскошное помещение в Европейской гостинице с отдельным входом с платою от казны 6000 рублей в месяц.

Энергичный Макаров, будучи назначен в последних числах февраля, уже 15 марта был в Порт-Артуре, а Куропаткин все еще собирался и писал заблаговременно свои директивы.

Начальником штаба действующей армии был назначен генерал Жилинский. Я подал рапорт генералу Целебровскому о переводе меня в один из полков, отправлявшихся в действующую армию.

На следующий день меня потребовал генерал Жилинский и, возвращая мне рапорт, сказал:

— Я думаю, что вы будете более полезны здесь, в штабе, нежели на театре военных действий, а потому прошу вас оставаться на месте.

Таким образом, мне пришлось остаться в Петербурге и продолжать службу в Главном штабе.

Приблизительно через полгода генерал Жилинский получил другое назначение и возвратился в Петербург. Зашел к нам в штаб и посетил генерала Целебровского в его кабинете. Через некоторое время Целебровский вышел из своего кабинета и позвал меня к себе. Находившийся там генерал Жилинский встал, сделал несколько шагов мне навстречу и, протягивая руку, сказал:

— Я очень рад, что просил вас не ехать на войну, а оставаться в штабе. Генерал Целебровский только что мне свидетельствовал, что вы, работая в штабе, приносите действительно большую пользу. От лица службы благодарю вас.

Постепенно офицеры Генерального штаба начали устраиваться на разные должности в действующей армии. Очень скоро после объявления войны уехал и полковник Минут. Вместо него был назначен офицер из Генерального штаба. Затем третий. Каждый из них очень скоро уезжал, и, в конце концов, я остался один самостоятельно заведовать особым делопроизводством.

С началом войны работы значительно прибавилось. Мне приходилось уже поневоле засиживаться в штабе до семи-восьми часов вечера. Особенно долго оставался я в дни прихода курьерской почты от военных агентов.

Все наиболее интересные донесения из-за границы надо было отправить в особом портфеле военному министру и затем ждать возвращения посланных бумаг в том же портфеле. Ключ от портфеля был у меня, а другой — у секретаря военного министра. Подобный порядок был установлен только после начала войны, так как новый военный министр, генерал Сахаров, очень интересовался донесениями военных агентов и потому приказал, чтобы курьерская почта доставлялась ему немедленно.

Сахаров сам говорил про себя, что он ленив и потому старается не задерживать служебных бумаг, дабы они не накапливались. Но иногда и он задерживал посланные ему заграничные донесения до позднего вечера. Тогда мне приходилось сидеть в штабе особенно долго.

У нас вообще не было за границей постоянных негласных агентов, которые сообщали бы методически о том, что происходит в военном отношении в интересующих нас странах. Иначе и не могло быть — не было отпуска денег на эти расходы. Видимо, в сознании высших военных властей не было ясного представления о необходимости знать возможно больше о том, что делается у наших соседей. Мы всецело полагались и были вполне удовлетворены теми сведениями, которые могли собрать наши официальные военные агенты за границей. Но они, как я уже говорил, были поставлены в рамки почти полной невозможности организовать систематический сбор необходимых сведений.

Только в двух местах — в турецкой Малой Азии и в Бомбее (Индия) были наши постоянные военные наблюдатели под видом гражданских чиновников русских консульств. К сожалению, они получали весьма ограниченное содержание, которого им хватало только на самую скромную жизнь. На негласные расходы им ничего не отпускалось. Поэтому и они не могли развить никакой деятельности, как военные разведчики, и их пребывание за границей было излишним.

В таком же положении была наша разведка и в Японии. С объявлением войны агент полковник Самойлов должен был немедленно уехать, и единственная ниточка, по которой штаб получал кое-какие сведения военного характера, оборвалась. Мы оказались без всякой обратной связи со страной противника.

С самого начала военных действий штаб много раз пытался организовать негласную разведку как в самой Японии, так и в действующей японской армии, но совершенно безуспешно. Несомненно, что причиной этого явления было полное отсутствие заранее подготовленных людей, способных и желающих заняться опасной деятельностью военного разведчика. Понятно, что посылать к японцам русского было невозможно, а среди иностранцев не было кого-либо готового.

Я не знаю, удалось ли штабу Куропаткина организовать серьезную разведку в японской армии. И по ходу военных действий, им руководимых, и по слухам, поступавшим в штаб, не было заметно, чтобы Куропаткин своевременно получал нужные ему негласные сведения о действиях японцев.

Куропаткин прислал нам телеграмму с просьбой командировать в его распоряжение для организации и заведывания негласной разведкой одного из наших военных агентов за границей, ко-

торый случайно приобрел славу человека, хорошо знающего разведывательное дело.

Этот военный агент был вызван в штаб. Причина его вызова не пришлась ему по душе. Он тотчас пошел к генералу Целебровскому, долго с ним говорил и, выйдя от него, обратился ко мне:

— Генерал сказал, чтобы вы составили Всеподданнейший доклад о нежелательности моего командирования в распоряжение генерала Куропаткина, так как он* находит, что я могу быть более полезным на своем месте, нежели на войне.

— Господин полковник, — ответил я ему, — прошу вас, не откажите сами написать соответствующий черновик, ибо вы лучше меня сумеете изложить те причины, которые вынуждают вас отказаться от предложения командующего действующей армией.

Полковник сел за мой стол и написал сущность доклада, который я тотчас составил, руководствуясь его данными. Он прочитал его внимательно несколько раз, кое-что исправил, а написанный его рукою черновик спрятал себе в карман. Доклад пошел к военному министру,

Государь начертал на докладе «СЪ». Этот знак означал «Согласен».

Вообще император никогда не возвращал наших докладов, не согласившись с ними. Исключение было только один раз. Однажды генерал-лейтенант Ф.А. Шостак ходатайствовал о командировании в состав офицеров-реорганизаторов турецкой жандармерии в Македонии шестого стрелкового полка капитана Иванова. На докладе об этом Государь написал:

«Знает ли капитан Иванов, что его полк скоро пойдет на войну?»

Конечно, извещенный о такой Высочайшей резолюции, капитан Иванов отказался от Македонии.

Из-за отсутствия наших разведчиков среди японской армии нам приходилось хвататься за каждую возможность организовать какую-либо разведку, а потому приходилось принимать всякое предложение негласных услуг.

Однажды в штаб явился очень плохо одетый субъект, лет около тридцати — тридцати пяти. Представляясь, он назвал себя графом Менжинским и предложил свои услуги как военный разведчик. Он просил назначить его в какой-либо полк боевой линии, чтобы

* Генерал Целебровский. — *Примеч. сост.*

он мог при первом столкновении перейти в плен к японцам на службу, и пообещал, если мы укажем ему путь сношения с нами, что будет сообщать сведения о японской армии.

Менжинский попросил дать ему сравнительно очень небольшое вознаграждение и купить билет до штаба действующей армии. Предложение Менжинского было принято. Я сам купил для него билет 2-го класса на курьерский поезд и лично проводил на вокзал, удостоверившись, что он действительно выехал.

Через несколько дней была получена телеграмма из Омска, в которой сообщалось, что при проходе поезда через мост реки Иртыш, был задержан граф Менжинский, который, вопреки запрещению пассажирам, вышел на площадку вагона и сделал какие-то зашифрованные записи в записной книжке. Его арестовали, заперев в нем японского шпиона.

При аресте Менжинский предъявил наше отношение к штабу Куропаткина, почему Омск и спрашивал нас, что с ним делать. Мы указали, что Менжинского следует передать в распоряжение штаба действующей армии, предварительно произведя возможно подробное расследование по его поступку.

Следствие показало, что Менжинский у себя в записной книжке имел сведения обо всех вообще больших мостах Сибирской железной дороги, а также и моста через реку Волгу. Дать достаточных ясных объяснений своим действиям он не мог, а потому был предан военно-полевому суду, который приговорил его к каторжным работам на довольно продолжительное время.

Как известно, после Дзержинского главою ГПУ был назначен Менжинский. Как-то однажды мне попался номер газеты, в которой был напечатан портрет теперешнего владыки ГПУ, и он мне показался замечательно похожим на графа Менжинского. Может быть, это и есть одно и то же лицо?

С началом войны с Японией на наше особое делопроизводство была возложена обязанность решать вопросы по отправлению наших и иностранных военных корреспондентов, а также любых других лиц, желающих выехать на театр военных действий.

Первым явился к нам наш известный художник В.В. Верещагин, который передал нам письмо от А.Н. Куропаткина к генералу Я.Г. Жилинскому о выдаче ему разрешения немедленно выехать в Порт-Артур.

Это было первое разрешение, написанное мною.

Разговаривая с Василием Васильевичем, я высказал мое удивление, что он выезжает так рано, когда, собственно говоря, военные действия еще не начинались, и сообщил, что назначенный командующим армией генерал Куропаткин еще неизвестно когда выедет.

На это он мне ответил, что он умышленно спешит выехать как можно скорее, так как задумал написать картины о событиях новой войны, списанные в действительности с натуры и по возможности с самого начала военных действий. Это должен был быть ряд картин, подобных уже написанным им об Отечественной войне 1812 года, он задумал написать их таким образом, чтобы зритель получил по возможности наиболее верное реальное представление о происходившем с самого начала и до конца войны.

— Но ведь это будет колоссальная работа, — сказал я.

— Да, конечно, но на местах я буду писать только эскизы, а затем по окончании войны в своей мастерской буду в продолжение долгого времени писать картину за картиной. Сколько именно — неизвестно. Да и знать не могу, — ответил великий художник.

Человек предполагает, а Бог располагает. Великому художнику не удалось написать даже и первого эскиза. Судьба решила иначе, и он погиб при первой попытке записать в свой альбом действительный морской бой. С ним погиб и единственный наш флотоводец, который мог успешно померяться силами с японским флотом, незабвенный адмирал Макаров.

На капитанском мостике стояли адмирал Макаров, Верещагин, великий князь Кирилл Владимирович, командир броненосца «Петропавловск» и другие.

Почему погибли именно перлы земли Русской?

В штаб передавали — не знаю, насколько это соответствует истине, — что адмирал Макаров сам снял с крюка спасательный круг и дал его Кириллу Владимировичу.

Само Провидение с самого начала японской войны как бы губило все светлое и покровительствовало темным силам.

Писатель Немирович-Данченко также приходил к нам и получил разрешение отправиться на войну, если не ошибаюсь, военным корреспондентом от журнала «Нива».

С рекомендательным письмом от нашего военного агента в Париже полковника Лазарева в штаб явился французской службы лейтенант Бюртэн. Лазарев писал про него, что он — один из бле-

стящих офицеров французской армии, происходит из богатой, аристократической семьи и желает активно участвовать в войне с Японией. Лейтенант Бюртэн просил разрешить ему немедленно выехать в Маньчжурию и назначить как кавалериста в какой-либо казачий полк, находившийся в боевой линии.

Ему, конечно, было дано соответствующее разрешение, было послано особое извещение начальнику штаба армии с изложением просьбы Бюртэна.

По прибытии в действующую армию лейтенант Бюртэн был назначен в казачий полк первой линии и, будучи послан по его желанию в передовой разъезд, в первой же стычке с японцами был убит наповал случайной пулей, поразившей его в сердце.

Нелепый случай. Молодой красивый человек, которому была открыта широкая спокойная дорога в жизни и блестящая будущность, мчится 12 000 верст, чтобы в степях чуждой ему страны получить смертельную пулю в сердце, оставив у себя на Родине во Франции отца и мать, любивших безмерно его, их единственного сына.

По просьбе родителей Бюртэна его тело было отправлено в Петербург, куда встретить покойного прибыли его отец и мать. Они повезли его во Францию.

Генерал-майору В.П. Целебровскому, начальнику военно-статистического отдела, моему непосредственному начальнику, приходилось постоянно быть в сношениях со всеми иностранными военными агентами, находившимися в Петербурге, а также с иностранцами, прибывавшими к нам по разным надобностям, в том числе и с корреспондентами заграничной прессы. В личных сношениях со всеми иностранцами следовало быть крайне осторожным, так как Целебровский являлся официальным представителем военного ведомства, и каждое неудачно сказанное им слово могло толковаться совершенно не так, как он хотел сказать. Хотя Целебровский и знал прекрасно несколько иностранных языков, но тем не менее бывали случаи, когда высказанная генералом мысль, неправильно понятая собеседником, в иностранных газетах приобретала совершенно иной смысл и приводила к неприятностям для него самого.

Так однажды к нему явился корреспондент большой английской газеты Вильтон и после беседы с Целебровским послал в Лондон корреспонденцию. В своем сообщении Вильтон написал, что

генерал в разговоре с ним грозил Англии, заявляя, что Россия сумеет постоять за себя и что она накажет англичан захватом части Индии за помощь японской стороне.

Ясно, что Целебровский не говорил, да и не мог говорить подобной бессмыслицы, особенно во время неудачной для нас войны. Однако из-за этой газетной корреспонденции создался дипломатический конфликт с английским министерством иностранных дел, которое попросило объяснения по поводу фразы, якобы высказанной официальным представителем военного ведомства.

Приглашенный в Министерство иностранных дел Вильтон уверял, что все, что он написал в корреспонденции, правда, и в подтверждение своих слов сказал, что генерал Целебровский в разговоре с ним показывал на висевшую в кабинете карту местности, через которую пройдут наши войска в Индию.

На самом деле в кабинете Целебровского, кроме карты военных действий в Маньчжурии, никакой другой карты и не было.

Мы, конечно, написали, что подобного разговора не было, и доказали всю несуразность корреспонденции, но тем не менее генералу Целебровскому пришлось уйти из штаба, и он был назначен правителем дел вновь созданного Главного крепостного комитета.

Вместо него начальником военно-статистического отдела был назначен наш военный агент в Лондоне генерал-майор Н.С. Ермолов, милейший человек, не столь блестящей внешности офицер Генерального штаба, как Целебровский, но умный, знающий и трудоспособный.

Вскоре, после назначения Ермолова, в Военном министерстве произошли большие перемены.

Был создан особый Главный комитет государственной обороны, председателем которого был назначен великий князь Николай Николаевич. На этот комитет было возложено наблюдение за исправным состоянием наших военных сил, а также по рекомендации его назначались высшие начальствующие лица не только по службе военного ведомства, но и по гражданской службе.

Из ведения военного министра были изъяты: генерал-квартирмейстерская часть, управление военных сообщений, мобилизационный отдел, Главное военно-топографическое управление и Академия Генерального штаба. Из них образовали Главное управление Генерального штаба, во главе которого был назначен генерал Ф.Ф. Палицын, личный друг великого князя Николая Николаевича.

По дальнейшей моей службе в Главном управлении Генерального штаба мне пришлось делать часто непосредственный доклад генералу Палицыну, и потому я имел возможность довольно близко узнать его. Он производил на меня впечатление простого, милого человека, всегда доступного, весьма трудоспособного. К сожалению, при всех своих положительных качествах Ф.Ф. Палицын не имел достаточного кругозора, дальновидности и обладал качеством, присущим всем нашим генералам, — прислушиваться и приглядываться к вышестоящим. Последнее лишало его возможности действовать самостоятельно и решительно.

Для представления всего личного состава Главного управления Генерального штаба все служащие были собраны в Белом зале Главного штаба. Нас представлял генералу Палицыну генерал-майор Ермолов. После представления оба генерала подошли к окну и о чем-то поговорили между собой. После их разговора генерал Ермолов сказал:

— Капитан Никольский, пожалуйте сюда.

Я вышел из строя и подошел к генералу.

— Вот это тот офицер, капитан Никольский, о котором я сейчас докладывал вашему высокопревосходительству.

Генерал Палицын протянул мне руку, посмотрел на меня долгим взглядом и поклонился. Я пошел на свое место.

По возвращении Ермолова в кабинет, я попросил его объяснить происшедшее.

— Генерал Палицын просил меня указать ему офицера, которому можно было бы всецело доверять в необходимых случаях, на скромность которого можно было бы вполне положиться. Я решил представить ему вас.

С такой аттестации началась моя служба в новом Главном управлении Генерального штаба. Казалось бы, само Провидение давало мне возможность, как говорится, выслужиться и сделать карьеру. Но, к сожалению, мой резкий характер и моя природная неприспособляемость в отношении начальства погубили мою военную карьеру, и я на военной службе ничего не достиг.

Главное управление Генерального штаба было совершенно самостоятельное ведомство. Начальник его был на правах министра и имел доклад непосредственно у Государя, не входя в подчинение военного министра.

У меня наладились прекрасные отношения с моим новым начальником генералом Ермоловым, который давал полную возмож-

ность работать самостоятельно, причем иногда посылал меня с бумагами к генералу Палицыну, с которым он был в хороших личных отношениях.

Война с Японией продолжалась, и наша армия все терпела неудачи. Для всех нас было совершенно ясно, что главной причиной наших поражений был Куропаткин.

Почти во всех столкновениях малых войсковых единиц, даже при превышении японцев количественно, победа бывала на нашей стороне, но при всех встречах больших масс войск мы неизменно терпели поражения.

Не надо забывать, что, уже начиная с Ляоянского сражения, у нас было численное превышение сил над японскими, каковое дошло к моменту боя на реке Шахе до семидесяти батальонов. Исключительно неумелое общее управление армией Куропаткиным и его штабом привело нас к поражению.

Бывший английский наблюдатель при штабе маршала Ойямы, генерал Гамильтон (Ян), наблюдавший за ходом сражения под Ляояном, в своей книге «Записки штабного офицера» регулярно отмечает последовательные успехи русских в этом бою. Он пишет, что Ойяма уже отдал распоряжение своему штабу об общем отступлении, как вдруг «мы увидели, что наш победоносный противник сам стал отступать».

Как видно из многих описаний очевидцев и участников Ляоянского боя, солдаты и простые офицеры чувствовали и сознавали, что победа на нашей стороне. Не понимал этого только сам командующий Российской армией, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. И вместо приказа общего наступления на противника всеми имеющимися силами, он отдал приказ об отступлении, испугавшись глубокого обхода своего левого фланга сравнительно незначительными силами японцев, не оказав, однако, никакого достаточного противодействия этому рискованному для японцев движению. Мало-мальски способный полководец легко мог ликвидировать этот обход японцев, имея численное превосходство в силах и занимая заблаговременно укрепленную позицию на выбранной им самим местности.

При этом уместно вспомнить, что в последний, критический момент боя, как свидетельствует генерал Гамильтон, японцы бросили в боевые линии все, что могли, включая лазаретных служителей. После позорного поражения при Ляояне стало ясно, что уже проиграна и вся война.

Японцы были не одни — им помогали материально США*, Англия и население Маньчжурии. Еще с начала постройки Китайской восточной железной дороги, мы не сумели приобрести в местном населении Маньчжурии друзей.

Весь японский шпионаж в нашей действующей армии велся китайцами, и японцы знали все, что хотели знать. Ясно, что это помогало японцам в значительной степени. Например, задуманный Куропаткиным неожиданный кавалерийский рейд на Инькоу был заблаговременно известен японцам и только поэтому не удался, встретив заранее подготовленное сопротивление на довольно приличном расстоянии от объекта набега.

Иногда удивительны были рассказы офицеров, прибывавших с фронта в Петербург и появлявшихся у нас в штабе. Привожу два рассказа, наиболее типичных для характеристики Куропаткина. За достоверность их содержания, конечно, ручаться не могу, но что сам слышал, то и передаю.

Как известно, наша армия имела очень мало дальнобойных орудий; если не ошибаюсь, то у нас на всю армию было только два осадных артиллерийских парка, в которых имелось по несколько четырехорудийных батарей большого калибра.

Франция во время нашей войны с Японией предоставила нам батарею дальнобойных орудий новейшего образца, и эта батарея после испытаний на полигоне артиллерийской школы и обучения ее личного состава под командой одного из лучших артиллеристов школы была срочно отправлена на театр военных действий в распоряжение Куропаткина.

Вот что рассказал мне один из офицеров этой батареи, приехавший в командировку в Петербург:

«Наша батарея по прибытии на театр военных действий была установлена на позиции по личному указанию Куропаткина и соединена телефоном прямым проводом с ним. Командир батареи получил личное распоряжение от командующего армией не открывать огня без его распоряжения или испрошенного от него разрешения. На начальника нашего боевого участка было возложено наблюдение за исполнением последнего распоряжения.

Вскоре после установки батарей наблюдатель усмотрел в подзорную трубу Цейса движение крупных колонн неприятеля, шедших на запад флангом к нам. Расстояние было таково, что мы мог-

* США. — *Примеч. ред.*

ли открыть действительный огонь, который, несомненно, мог нанести японцам значительный урон. Медлить было нельзя, так как цель была движущаяся и могла очень скоро исчезнуть. Командир позвонил в ставку Куропаткина, испрашивая разрешение открыть огонь. Ответа не было. Тогда он приказывает открыть огонь очередями. Наблюдатель говорит об удачных попаданиях и о смятении в рядах врага. Наш телефон звонит. Командир подходит.

— Как вы смели открыть огонь без моего разрешения? — говорит голос самого Куропаткина.

— Ваше высокопревосходительство, я просил разрешения открыть огонь, но ответа не получил. Но, в виду...

— Прекратить немедленно огонь. Объявляю вам выговор за неисполнение моего распоряжения, — прерывает Куропаткин доклад командира батареи.

Батарея замолчала, японцы успокоились и шли еще продолжительное время флангом к нам.

И вот с того времени мы стоим на позиции, все ожидая приказаний открыть огонь. Командир ездил несколько раз в ставку и просил разрешения переменить позицию и позволить ему самостоятельно открывать огонь. Но ни на то, ни на другое разрешения не получил. Вот и стоим мы в бездействии».

Интересен рассказ одного из начальников дивизии, прибывшего из Маньчжурии.

«Моя дивизия шла на войну эшелонами по полкам. Последним эшелонам шел мой штаб и я.

На конечном пункте первый полк дивизии был встречен Куропаткиным, который, обойдя полк, отдал приказание его командиру, в каком направлении полку двигаться, где расположиться, и лично указал это на карте. Согласно этому приказу полк прямо со станции и пошел к назначенному пункту.

То же самое было и со всеми последующими эшелонами. Каждый полк встречал Куропаткин, и он посылал его лично сам в новое место расположения вдали от первого полка, сам указывая на карте.

Когда же подошел последний эшелон со мной, то нас решительно никто не встретил. Я поехал в штаб ставки. Никто не мог мне указать, где полки моей дивизии. Пошел представиться командующему армией. На мой робкий вопрос о местах нахождения полков дивизии я получил недовольным тоном ответ, что это

дело штаба, куда я и должен обратиться за справкою. В штабе же довольно грубо ответили то же самое, что и в первый раз:

— У нас нет сведений о вашей дивизии, ищите ее сами.

После долгих розысков я, наконец, нашел три полка дивизии, но совершенно в разных отрядах, в распоряжении трех командиров корпусов. Думал-думал, куда мне пристроиться, и остался со своим штабом, дивизионными учреждениями и имуществом при первом найденном полку. Таким образом, я стал начальником дивизии без дивизии».

Куропаткин в большом масштабе проводил принцип «импровизации», который состоял в том, что из боевых единиц, каковыми в настоящее время считаются дивизии, вырывались отдельные части, даже батальоны и роты. Из них составлялись отдельные отряды, командовать которыми предоставлялось обыкновенно гастролерам — преимущественно штабным офицерам и гвардейцам, приезжавшим на время из Петербурга.

Этим господам гастролерам давались импровизированные отдельные отряды, им ставилась самая незначительная боевая задача, часто не имевшая никакого смысла. Из-за этого гибло несколько десятков, а иногда и сотен солдат и офицеров во славу господина гастролера и присных с ним, которые и получали обильно чины и ордена.

Прямо удивительно, до чего же были сведены на нет все боевые награды за эту несчастную для нас войну. Обыкновенно почти все господа гастролеры получали высшую боевую награду — знак ордена Св. Георгия, знака ордена храбрых, ранее дававшегося за проявленную личную действительную храбрость. Статут его только перед этим был изменен в плане более легкого получения, особенно для офицеров Генерального штаба. Потому все офицеры штабов, особенно штаба Куропаткина и Генерального штаба, вернулись домой украшенными всеми боевыми орденами, какие только могли получить по своим чинам.

Так же как из рога изобилия сыпались на них и чины. Многие офицеры штабов, отправившиеся на войну в чине поручика или штабс-капитана, возвращались подполковниками и полковниками. Дело доходило прямо до непонятного.

Так, например, у меня после войны помощником столоначальника был некий чиновник военного ведомства надворный советник Кужма, из писарей получивший чиновника и штаб<с>-офи-

церский чин на войне в штабе Куропаткина. Кужма имел боевые ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2, 3 и 4-й степеней и Св. Владимира 4-й степени — все, конечно, с мечами и бантом.

Напомню читателю, что поэт М.Ю. Лермонтов неоднократно участвовал на Кавказе в боевых действиях. Однажды при серьезной атаке горцев, засевших в горах, он первый вскочил на завал и со своим взводом прогнал противника. За свой геройский подвиг он получил знак Св. Анны 4-й степени, т. е. красный темляк на шашку. Этот бой Лермонтов описал в стихотворении «Валерик».

Молодые врачи и чиновники военного ведомства, отправившиеся на войну, вернулись статскими советниками, все разукрашенные орденами с мечами и бантами.

После Ляоянского и Мукденского поражения одним из командиров корпусов был назначен генерал Батьянов, который по прибытии на фронт приказал собрать свой корпус на ровном поле и выстроить развернутым фронтом: пехоту — в батальонных, а кавалерию и артиллерию — в дивизионных колоннах. Образовался очень широкий, но неглубокий фронт.

Затем он приказал батальонным и дивизионным командирам стать перед своими батальонами и дивизионами в одну линию. Далее — так же командирам отдельных частей; еще далее установил линию генералов; наконец, перед собою поставил начальников дивизий на больших интервалах друг от друга. И распорядился, чтобы каждый из начальников, выслушав сказанное им предложение, быстро оборотился назад и громко прокричал его следующей линии начальников. Таким образом, каждая фраза Батьянова должна была постепенно дойти до солдат.

Начал генерал Батьянов говорить свою речь так:

— Я приехал сюда, чтобы победить японцев.

Начальники дивизий повернулись и прокричали:

— Я приехал сюда, чтобы победить японцев!

Бригадные генералы повернулись и прокричали то же самое, и т.д.

В конце концов, когда крик дошел до последней линии начальников, получилась невообразимая какофония, так как последняя линия еще не кончила передачи первой фразы, как первые линии уже кричали следующее предложение. Солдаты не могли ничего понять. Картина получилась эффектная, развеселила все войско. Но не вселила в них доверия к своему новому корпусному командиру.

С началом войны для немедленного преодоления японцев к нам в большом количестве стали поступать различные предложения о способах ведения войны. Громадное большинство этих предложений было похоже на бред ненормальных людей. Также мы получали очень много новых «изобретений», каковыми «можно уничтожить врага без вреда для себя».

Так, например, один изобретатель предложил поставить на некотором расстоянии друг от друга два орудия, зарядить их снарядами, соединенными цепью, и одновременно выстрелить по неприятелю. Цепь, по мнению изобретателя, должна поразить большое количество японцев.

Другой изобретатель предлагал снабдить автомобили с обеих сторон огромными острыми косами, которые, направленные на врагов, должны срезать целые их колонны.

Изобретатели обращались не только к нам в штаб, но также непосредственно к командующему действующей армией. Один изобретатель явился к нам в штаб и назойливо предлагал «одеть» всю армию в его непробиваемый пулями панцирь. Предлагая свое изобретение, он уверял, что пуля из винтовки не пробьет его панцирь на расстоянии 120 шагов, а пуля из револьвера не пробьет его с любого расстояния — он легок, не стесняет движений, незаметен под платьем и дешев. На наше предложение явиться в назначенное время для пробного испытания изобретатель благодарно уклонился и более к нам не являлся.

Изобретатель оказался настойчивым человеком. Он отправился в Маньчжурию и явился к генералу Линевичу, заместившему Куропаткина после его поражения на реке Шахэ. Линевич, видимо, принял предложение этого господина за что-то серьезное. Мы получили телеграмму за подписью самого Линевича, в которой он подробно описал предложение этого изобретателя и просил выдать ему порядочный аванс. Линевич просил немедленно заказать ему панцири в количестве одного миллиона для того, чтобы надеть на всю действующую армию. Как ни странно, но изобретатель панциря к нам более не являлся, несмотря на телеграмму Линевича, о которой он, несомненно, знал.

Мне однажды случайно попала книга на французском языке, сочинение известного французского генерала Лиотэ «Офицер-воспитатель». Я ею заинтересовался и нашел, что мысли, в ней высказываемые, жизненны и проведение их в среду нашего офицерского состава в армии, казалось, было бы весьма полезно.

При современном развитии социалистических идей, вызывающих брожение среди армии, генерал Лиотэ доказывал необходимость более близкого единения офицеров с солдатами, чтобы каждый офицер был не только начальником своих подчиненных, но и их другом, просвещенным, могущим ответить на все их вопросы. Офицер должен уметь противостоять вредной пропаганде социалистов, должен сам хорошо знать сущность социализма, коммунизма и анархизма и соединенных с ними вредных учений. Офицер должен уметь утвердить свой авторитет среди солдат не только как строевой начальник, но как их искренний друг. Но также и солдаты должны ему верить во всем и быть уверенными, что их офицер всегда придет к ним на помощь во всякий трудный момент.

Я решил перевести эту книгу, издать ее и постараться распространить в войсках, но у меня не было для этого достаточно средств. Потому я рассказал про свое предложение К.Л. Евреинову, моему хорошему приятелю по службе в штабе, офицеру Генерального штаба. Ему моя идея понравилась. Мы решили привести ее в исполнение, совместно переводя книгу, а также издав ее.

Мы нашли необходимым, кроме полного перевода труда генерала Лиотэ, снабдить наше издание примечаниями, соответствующими духу нашей армии и краткими сведениями о социализме, коммунизме и анархизме, основанными на строго научных данных, но изложенных языком, понятным для каждого средне образованного человека.

Работая совместно, удалось очень скоро закончить наш труд.

Пользуясь личным докладом у генерала Палицына, я представил ему нашу книгу, которую мы озаглавили «Социальная роль офицера», подзаголовок «Офицер-воспитатель». Палицын заинтересовался ее содержанием.

При следующем моем докладе начальнику Генерального штаба я робко поинтересовался, какое впечатление произвела на него наша работа. Он мне ответил, что нашел книгу весьма интересной, что, почти не отрываясь, прочел ее и что нашел крайне полезным распространение ее в армии.

— Ваше высокопревосходительство, быть может, вы найдете возможным повергнуть наш труд на благовоззрение Его Императорского Величества? — воспользовался я благоприятным случаем.

— Отлично, дайте хорошо переплетенный экземпляр, и я представлю его императору, — ответил мне генерал Палицын.

Такой экземпляр был у меня с собою в папке с бумагами, а на следующий день он был у Государя.

Через неделю генерал Палицын позвал меня и сказал, что Государь тоже очень заинтересовался нашей книгой и повелел напечатать в циркулярах Главного штаба, что книга генерала Лиотэ «Офицер-воспитатель» в переводе К.Л. Евреинова и Е.А. Никольского рекомендуется к распространению в войсках.

Обычно все книги, рекомендуемые циркулярами Главного штаба, обязательно приобретались войсковыми частями для их библиотек. Поэтому и «Офицер-воспитатель» немедленно стал выписываться всеми военными библиотеками.

Покупали нашу книгу не только библиотеки — многие офицеры стали ее требовать. Поэтому первое издание книги в количестве 3000 экземпляров было разобрано в самое короткое время. Мы были вынуждены спешно выпустить в свет второе, затем третье и четвертое издание — всего 24 000 экземпляров, которые были дополнены мнениями читателей по затронутым вопросам. Многие из читателей просили издательство рекомендовать какую-либо другую книгу с подробным изложением сущности современных социалистических учений, написанную понятным языком.

Так как в литературе того времени нельзя было найти что-либо подходящее, то мы решили, пользуясь трудами социалистических писателей (как наших, так и иностранных, как разрешенных к продаже, так и запрещенных цензурой), составить книгу. В книге под заглавием «Сущность социализма, коммунизма и анархизма» мы решили подробно в популярной форме изложить не только эти учения, но и все соприкасающиеся с ними политические течения.

Запрещенные цензурой книги мы могли легко доставать из-за границы, пользуясь любезностью наших зарубежных военных агентов, которые по моей просьбе посылали мне книги курьерской почтой. К этому труду мы приложили большую таблицу, указывающую на главнейшие газеты и периодические издания почти всего мира, пропагандировавшие ту или иную политическую партию.

Эта книга составила как бы продолжение книги Лиотэ и также имела большой успех. В ней главным образом доказывался вред социализма, коммунизма и анархизма. Тотчас же после последней книги мы выпустили в свет также совместно написанную новую книгу — «Как противодействовать социал-демократической пропаганде».

Окрыленные необыкновенным успехом наших трех книг, я и Евреинов решили образовать товарищество-книгоиздательство под

названием «"Офицер-воспитатель" К.Л. Евреинова и Е.А. Никольского». Мы собирались специализироваться главным образом на издании сочинений, доказывающих вред для общества и государства развития социалистических, коммунистических, анархических и связанных с ними других учений, т.е. решили вступить в борьбу с социалистами и их присными.

Между прочим, нами было составлено небольшое руководство под названием «Бой на улицах» — о ведении войсками боя с составшим пролетариатом на улицах городов. Этот наш совместный труд был также рекомендован войскам, и нам даже была выдана денежная награда в 400 рублей. До нас в русской армии не было никакого руководства для ведения уличного боя.

Мы также перевели и издали труд английского генерала Яна Гамильтона, бывшего представителем Великобритании в японской действующей армии. Генерал Гамильтон в весьма любезном письме к нам выразил свое полное согласие на перевод и издание нами его книги. Причем он отказался от предложенного ему вознаграждения.

Мы издали и второй том его труда — «Записную книгу штабного офицера». Эту книгу мы тщательно перевели и снабдили совершенно точными копиями всех карт, планов и проекций в красках, как было в издании на английском языке.

Этот труд был тоже рекомендован циркуляром Главного штаба, и без нашей просьбы на издание нам было выдано пособие в 800 рублей.

Генерал Гамильтон по получении экземпляра переведенной на русский язык книги написал нам письмо, в котором благодарил за прекрасное воспроизведение его труда. Он сообщил, что дал наш перевод для оценки специалисту, знающему русский, и тот дал заключение, что наш перевод совершенно ни в чем не отличается от подлинника, как по содержанию, так и по духу.

Однажды ко мне пришел писарь из приемной комнаты штаба и доложил, что меня и Евреинова просит какой-то иностранец. Оказалось, что нас ожидал генерал Гамильтон, который приехал на несколько дней в Петербург. Он сказал:

— Я счел своим долгом познакомиться и еще раз лично поблагодарить своих соратников по труду.

Наши шаги на этом новом поприще были чрезвычайно удачны. Позже мы приняли деятельное и финансовое участие в издании правой газеты «Голос Правды».

Но по мере того как развивалась наша издательская и публицистическая деятельность, мы начали постепенно встречать сначала нами не замечавшееся противодействие неизвестных нам сил, которое в конце концов нас победило. К.Л. Евреинов оказался переведенным на службу в Туркестан, а я был послан в почетную ссылку — в командировку с Высочайшего соизволения в Турцию, в Македонию. И наше идейное предприятие закрылось, не успев расцвести.

Наш военный агент в Риме полковник Е.К. Миллер сообщил, что фирма «Маркони» предлагает нам приобрести у них полевые радиостанции, весьма удобные для установки в боевой обстановке. Это предложение военный министр приказал принять.

Мы заказали двадцать полевых радиостанций с доставкой в штаб действующей армии. Вскоре радиостанции в Риме были изготовлены, упакованы специалистами в цинковые ящики, которые потом запаляли, и высланы, как и было указано, в штаб действующей армии.

В свою очередь Главное управление Генерального штаба сообщило министру финансов, в ведении которого находилась главная таможня, что нашим распоряжением будут отправлены из Италии в действующую армию 20 полевых радиостанций, необходимых для военных действий. Из-за опасения испортить чувствительные радиоаппараты мы просили эти ящики не подвергать досмотру и отправить их без всякой задержки в Маньчжурию.

Е.К. Миллер уведомил, что станции высланы, и мы были уверены, что они своевременно придут в Маньчжурию, о чем телеграммой сообщили штабу Куропаткина.

Через положенный промежуток времени, достаточный для доставки груза к границе, штаб действующей армии нам телеграфировал, что он ничего еще не получил, и просил поспешить с высылкой радиостанций.

Я отправился в Министерство финансов, где меня любезно попросили пойти в главную таможню за справкою по интересующему меня предмету. Там после четырех часов ожидания мне дали справку, что радиостанции получены в главной таможне почти месяц тому назад, вскрыты, обложены пошлиной, ожидают прибытия адресата* для уплаты пошлины и его распоряжения, куда дальше направить груз.

* Адресат — действующая армия.

Я попросил показать мне ящики.

Меня провели в сырой подвал и подвели к ряду прекрасных деревянных ящиков. Внутри них оказались цинковые ящики. Видимо, будучи ранее плотно запаянными, они были варварски вскрыты стальными ножницами таким образом, что запаять их вновь уже не представлялось возможным. Все содержимое цинковых ящиков, видимо, было вынуто и положено обратно в беспорядке. Я потребовал отвести меня к начальнику главной таможни.

Представ перед ним взволнованный тем, что видел, я в самой резкой форме попросил его последовать за мной. Привел его в подвал, показал ему раскрытые ящики и объяснил ему подробно, что это такое. Я спросил его, получил ли он месяц тому назад предписание от министра финансов. Когда он мне ответил:

— Кажется, получил, — то в присутствии его чиновников я назвал его изменником своей родины.

Он мне ничего не ответил, но, помолчав некоторое время, сказал, что все будет приведено в порядок, ящики постараются запасть и тотчас же пошлют в действующую армию.

Через день мы получили извещение, что радиостанции отправлены в армию. В каком виде они дошли и оказались ли годными к употреблению после «досмотра» и месяца хранения в сыром пакгаузе — нам не было известно.

Однажды я был с докладом у генерала Палицына. Вдруг дверь из приемной с шумом открылась, и в кабинет большими шагами вошел великий князь Николай Николаевич. Генерал и я быстро встали и низко ему поклонились. Николай Николаевич прошел вперед и через письменный стол протянул Палицыну руку. Я стоял рядом в одном шаге от него за тем же столом. Великий князь на мой поклон не обратил никакого внимания, даже не бросил в мою сторону взгляда, как будто вместо меня было пустое место.

Я собрал свои бумаги, медленно отошел от стола и, проходя, вторично низко поклонился. Николай Николаевич вторично не ответил на мой поклон, не обращая, видимо, на меня совершенно никакого внимания.

Такое пренебрежение ко мне, офицеру Российской императорской армии, произвело на меня удручающее впечатление. Я как бы получил совершенно незаслуженно пощечину от проходившего мимо меня незнакомца.

При следующем моем докладе генералу Палицыну, который был крайне воспитанным и деликатным в личных отношениях, он, здороваясь со мною, сказал:

— На вас, кажется, произвело сильное впечатление, что великий князь не ответил на ваши поклоны — не придавайте этому никакого значения, с ним это случается, когда он бывает чем-либо взволнован.

Когда Николай Николаевич был генерал-инспектором кавалерии, то он часто производил инспекторские смотры кавалерийским полкам. Особенно педантично, с секундомером в руке проверял он скорость движения каждого всадника на измеренном расстоянии определенным аллюром. Если всадник не проходил это расстояние в установленное время, то великий князь выходил из себя. Если же этот недочет повторялся несколькими кавалеристами одного эскадрона, особенно офицерами, то он очень часто в припадке раздражения раздражался площадной руганью, обращаясь иногда непосредственно к офицерам. Бывали случаи, что более или менее обеспеченные офицеры, получившие подобное, немедленно уходили с военной службы.

Вскоре после окончания войны генерал Палицын поручил мне поехать к Главному военному прокурору генералу Павлову спросить его совета о возможности прекратить начатое следствие по делу о злоупотреблениях Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.

Генерал-лейтенант Н. был начальником военных сообщений тыла Маньчжурской армии. В его ведении между прочими делами находилась и доставка к фронту военных и продовольственных грузов. Эти грузы доставлялись и по Китайской восточной железной дороге, и обозами*.

Вскрылось, что под его покровительством действовала компания, которая в теплое время отправляла грузы исключительно по рекам, при этом в расходный лист записывалась стоимость перевозок этих грузов гужевым способом по грунтовым дорогам. Разница расхода денег получалась порядочная. Она делилась между генералом Н. и всей его компанией. По приблизительным расчетам всего было украдено более 1,5 млн рублей.

Главный военный прокурор ответил мне, что он еще не знаком вполне с этим делом, так как оно в настоящее время находится на

* Как по грунтовым дорогам, так и по речным путям в летнее время.

стадии предварительного следствия. Как он полагает, предварительное следствие будет скоро закончено и представлено ему. Тогда он постарается принять меры, если будет возможно, к его прекращению, если начальник Генерального штаба находит последнее полезным. Во всяком случае, генерал Павлов обещал своевременно посетить генерала Палицына для совместного разрешения вопроса.

Дело впоследствии было прекращено, и генерал Н. и все его сотрудники продолжали благополучно исполнять службу Его Императорскому Величеству.

Генерал Палицын однажды потребовал меня прийти к нему как можно скорее.

— Что прикажете, ваше высокопревосходительство?

— Восьмая улица Песков, дом № 27, — ответил мне Палицын, здороваясь со мной и одновременно прощаясь.

Я пошел к себе, думая о значении данного мне адреса. Очень скоро понял и вернулся в приемную генерала, где спросил его секретаря Панова:

— Кто был у начальника Генерального штаба, когда он велел меня вызвать?

— Начальник академии, — был ответ.

Мне стало ясно, что начальник академии докладывал Палицыну о подозрительном поведении какого-то офицера академии и просил произвести нашими силами расследование.

Я сейчас же поехал к полковнику Лаврову и передал ему это распоряжение.

Лавров нашел, что в доме № 27 в меблированных комнатах проживает слушатель академии, и установил за ним наблюдение. Оно показало, что этот офицер имеет несколько знакомых иностранцев и очень часто проводит с ними свободное время. Но Лавров не смог открыть ничего особенного в поведении заподозренного офицера.

Когда я доложил Палицыну о результатах наблюдения, то он мне сказал:

— Однако вы молодец! Я нарочно сказал вам только один адрес, не называя фамилии офицера и его место службы. Хотел вас испытать. Благодарю. Но я недоволен вашим Лавровым. Не могу понять, что за фантазия пришла ему следить за мной. Я заметил, что, когда выхожу на улицу, то за мною всегда следят два сыщика. Скажите, чтоб этого больше не было.

Лавров объяснил мне, что он никогда и не думал устанавливать наблюдение за генералом Палицыным.

— Доложите генералу, что если он хочет, то я ему представлю всех моих агентов, а вы одновременно дайте ему их список, который имеется у вас. Пусть он посмотрит на их физиономии и удостоверится, что ни единого из них он никогда не видал. Не буду же я за свой счет нанимать людей, чтобы следить за ним! Но подождите пока ему говорить — я прослежу, кто за ним наблюдает. Когда установлю, то вам скажу.

Через два дня Лавров приехал ко мне и рассказал, что это Департамент полиции установил наблюдение за Палицыным по поручению Главного жандармского управления, поскольку оно следит за жизнью всех высших чинов правительства. По словам чиновника Департамента полиции, у которого был Лавров, у Палицына имеется связь с одной дамой высшего света, к которой он обычно ходит пешком. И агенты ходят за ним, охраняя его из опасения покушения на его жизнь.

Я доложил Палицыну все, что сказал мне Лавров, конечно исключая его роман.

У генерала Палицына была супруга, которая совершенно отошла от всякого света, никого не принимала, вела чрезвычайно простой образ жизни, одевалась как бедная женщина и занималась делами негласного благотворения. В 1904 году супругов Палицыных постигло несчастье — их сын окончил свою жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Это так потрясло супругу, что она сделалась в полном смысле отшельницей.

Настало время мирных переговоров в Портсмуте, на которые наше правительство согласилось под давлением внутренних беспорядков и под угрозой революции.

Нашим главным уполномоченным по ведению мирных переговоров был назначен С.Ю. Витте, в помощь ему были приданы эксперты по разным специальностям. От военного ведомства был назначен мой начальник генерал Н.С. Ермолов, как эксперт по военным вопросам.

Во время ведения переговоров в Портсмуте Витте и Ермолов сносились телеграммами с начальником Генерального штаба. Каждый раз по получении от них телеграммы Палицын требовал меня к себе в кабинет и давал ее расшифровывать в его присутствии.

Между прочими телеграммами особенно интересны две из них, которые я привожу далее.

В начале переговоров о Сахалине Палицын приказал послать Витте телеграмму следующего содержания:

«Наше военное положение все улучшается. Силы значительно превышают японские. Армия обильно всем снабжена и готова к успешному бою. Телеграмму посылаю с Высочайшего соизволения».

На это была получена от Витте телеграмма:

«Японцы заявили, что в 1858 году южная часть Сахалина была взята нами силой. Будучи слабой в военном отношении, Япония тогда покорилась. В настоящее время роли переменялись. Потому японское правительство, признавая за собою нравственное <?> право, требует, как неперемное условие заключения мира, возвращение южной части Сахалина от 50-й параллели, ограничивая требования контрибуции 50 млн рублей под видом содержания русских военнопленных. Я не считаю возможным протестовать».

В воскресенье 9 января 1905 года я с утра был в штабе, потому что были спешные дела. В это время, с разрешения гражданских властей, охраняемые полицией рабочие под водительством известного священника Гапона*, революционера Рутенберга и других двинулись массами с иконами и хоругвями к Зимнему дворцу, желая выразить Государю свои пожелания.

Военные власти, как известно, воспротивились разрешенной демонстрации только накануне, когда за малостью оставшегося времени отменить шествие уже было невозможно. В то же время Государь с семьей уехал в Царское Село.

Жил я на Петербургской стороне. Когда я утром шел в штаб через Дворцовый мост и проходил мимо Зимнего дворца, то видел, что к Дворцовой площади со всех сторон направлялись части гвардейской кавалерии, пехоты и артиллерии.

Далее мной излагается то, что я наблюдал из окна здания Главного штаба.

Очень скоро почти вся площадь наполнилась войсками. Впереди стояли кавалергарды и кирасиры. Около двенадцати часов дня в Александровском саду появились отдельные люди, потом довольно быстро сад начал наполняться толпами мужчин, женщин и под-

* Провокатора, ставленника Зубатова.

ростков. Появились отдельные группы со стороны Дворцового моста. Когда народ приблизился к решетке Александровского сада, то из глубины площади, проходя площадь беглым шагом, появилась пехота.

Выстроившись развернутым фронтом к Александровскому саду, после троекратного предупреждения горнами об открытии огня пехота начала стрельбу залпами по массам людей, наполнявших сад. Толпы отхлынули назад, оставляя на снегу много раненых и убитых.

Выступила и кавалерия отдельными отрядами. Часть из них поскакала к Дворцовому мосту, а часть — через площадь к Невскому проспекту, к Гороховой улице, рубя шашками всех встречавшихся.

Я решил уйти из штаба не через Дворцовый мост, а попытаться как-нибудь скорее выйти через арку Главного штаба на Морской улице до какой-нибудь боковой и далее окружным путем пройти на Петербургскую сторону. Вышел черным ходом через ворота, прямо выходящие на Морскую улицу. Далее — до угла последней и Невского. Там я увидел роту лейб-гвардии Семеновского полка, впереди которой шел полковник Риман.

Я задержался на углу, пока рота пересекла Морскую, направляясь к Полицейскому мосту. Заинтересованный, я шел по Невскому проспекту непосредственно вслед за ротой. Около моста по команде Римана рота разделилась на три части — на полуроту и два взвода. Полурота остановилась посередине моста. Один взвод встал справа от Невского, а другой — слева, фронтами вдоль реки Мойки.

Некоторое время рота стояла в бездействии. Но вот на Невском проспекте и по обеим сторонам реки Мойки стали появляться группы людей — мужчин и женщин. Подождав, чтобы их собралось больше, полковник Риман, стоя в центре роты, не сделав никакого предупреждения, как это было установлено уставом, скомандовал:

— Прямо по толпам стрельба залпами!

После этой команды каждый офицер своей части повторил команду Римана. Солдаты взяли изготовку, затем по команде «Взвод» приложили винтовки к плечу, и по команде «Пли» раздали залпы, которые были повторены несколько раз. После пальбы по людям, которые были от роты не далее сорока-пятидесяти шагов, оставшиеся в живых бросились опрометью бежать назад. Через минуты две-три Риман отдал команду:

— Прямо по бегущим пальба пачками!

Начался беспорядочный беглый огонь, и многие, успевшие отбежать шагов на триста-четыре, падали под выстрелами. Огонь продолжался минуты три-четыре, после чего горнист сыграл прекращение огня.

Я подошел поближе к Риману и стал на него смотреть долго, внимательно — его лицо и взгляд его глаз показались мне как у сумасшедшего. Лицо все передергивалось в нервной судороге, мгновение, казалось, — он смеется, мгновение — плачет. Глаза смотрели перед собою, и было видно, что они ничего не видят.

Через несколько минут он пришел в себя, вынул платок, снял фуражку и вытер свое потное лицо.

Наблюдая внимательно за Риманом, я не заметил, откуда в это время появился хорошо одетый человек. Приподняв шляпу левою рукою, подошел к Риману и в очень вежливой форме попросил его разрешения пройти к Александровскому саду, выражая надежду, что около Гороховой он, может быть, найдет извозчика, чтобы поехать к доктору. Причем он показал на свою правую руку около плеча, из разодранного рукава которой сочилась кровь и падала в снег.

Риман сначала его слушал, как бы не понимая, но потом, спрятав в карман платок, выхватил из кобуры револьвер. Ударив им в лицо стоявшего перед ним человека, он произнес площадное ругательство и прокричал:

— Иди куда хочешь, хоть к черту!

Когда этот человек отошел от Римана, то я увидел, что все его лицо было в крови.

Подождав еще немного, я подошел к Риману и спросил его:

— Полковник, будете ли вы еще стрелять? Спрашиваю вас потому, что мне надо идти по набережной Мойки к Певческому мосту.

— Разве вы не видите, что мне больше не по кому стрелять, вся эта сволочь струсила и разбежалась, — был ответ Римана.

Я свернул вдоль Мойки, но у первых же ворот налево передо мною лежал дворник с бляхой на груди, недалеко от него — женщина, державшая за руку девочку. Все трое были мертвы. На небольшом пространстве в шагов десять-двенадцать я насчитал девять трупов. И далее мне попадались убитые и раненые. Видя меня, раненые протягивали руки и просили помощи.

Я вернулся назад к Риману и сказал ему о необходимости немедленно вызвать помощь. Он мне на это ответил:

— Идите своей дорогой. Не ваше дело.

Идти по Мойке я был больше не в силах, а потому пошел назад по Морской, зашел опять с черного хода в штаб, оттуда позвонил по телефону в управление градоначальника. Я попросил соединить меня с кабинетом градоначальника. Дежурный чиновник ответил, что его нет, но есть его помощник.

— Соедините, пожалуйста, с помощником. Я говорю из Главного штаба.

— Кто говорит? — спросил меня помощник градоначальника.

— Капитан Никольский из Главного штаба. Я сейчас был у Полицейского моста, там много раненых. Необходима немедленная медицинская помощь.

— Хорошо. Распоряжение сейчас будет сделано, — был его ответ.

Решил идти домой через Дворцовый мост. Подходя к Александровскому саду, увидел, что сад полон ранеными и убитыми. У меня не хватило сил идти вдоль сада к Дворцовому мосту. Перейдя площадь между войсками, я пошел мимо Зимнего дворца налево, по Миллионной улице, по Набережной реки Невы и через Литейный мост пробрался к себе домой. Все улицы были пустынные, я никого по пути не встретил. Огромный город, казалось, вымер.

Домой я пришел совершенно нервно и физически разбитым. Лег и встал только на следующий день утром. В понедельник я должен был идти в штаб, так как там меня ждали неисполненные в воскресенье спешные бумаги.

Проходя, как всегда, вдоль решетки Александровского сада, я увидел, что трупы и раненые были все убраны. Правда, во многих местах еще видны были мелкие части трупов, оторванные залповым огнем. Они ярко выделялись на белом снегу, окруженные кровью. Почему-то на меня произвел особенно сильное впечатление кусок черепа с волосами, каким-то образом приставший к железной решетке. Он, видимо, примерз к ней, и уборщики его не заметили. Этот кусок черепа с волосами оставался там в продолжение нескольких дней. На протяжении вот уже двадцати семи лет этот кусок является перед моими глазами.

Железная решетка сада, сделанная из довольно толстых прутьев, была во многих местах перерезана пулями винтовок.

Довольно продолжительное время сцена у Полицейского моста восстанавливалась в моей памяти в мельчайших подробностях. И лицо Римана вставало передо мной как живое. До настоящего

времени вижу я женщину с девочкой и тянущиеся ко мне руки раненых.

Потом оказалось, что во время стрельбы вдоль разных улиц случайные пули убили и ранили нескольких лиц в их квартирах, находившихся на большом отдалении от мест стрельбы. Так, например, мне известен случай, что был убит сторож Александровского лицея в своей сторожке на Каменноостровском проспекте.

Через некоторое время мне пришлось в штабе разговаривать о происшествии 9 января с одним из высших начальников войсковых частей гвардии. Под влиянием яркого еще впечатления о кровавом событии я не сдержал себя и высказал ему свое мнение.

На мой взгляд, расстрел безоружных людей, шедших с иконами и хоругвями с какой бы то ни было просьбой к своему Монарху, была большая ошибка, которая будет чревата последствиями. Государю не следовало уезжать в Царское Село. Надо было выйти на балкон дворца, сказать успокоительную речь и поговорить лично с вызванными делегатами, но только из настоящих рабочих, прослуживших на своих заводах не менее десяти-пятнадцати лет. Теплое приветливое слово императора ко всей массе народа только подняло бы его престиж и укрепило бы его власть. Все событие могло обратиться в могучую патриотическую манифестацию, сила которой погасила бы голос революционеров.

Расследованием было доказано, что все толпы народа шли к своему Государю совершенно безоружные. Народ хотел найти ответы на мучительные для них вопросы.

— Быть может, вы и правы, — ответил мне генерал, — но не забывайте, что Дворцовая площадь есть тактический ключ Петербурга. Если бы толпа ею завладела и оказалась вооруженной*, то неизвестно, чем бы все закончилось. А потому на совещании 8 января под председательством Его Императорского Высочества** и было решено оказать сопротивление силою, чтобы не допустить скопления народных масс на Дворцовой площади и посоветовать императору не оставаться 9 января в Петербурге. Конечно, если бы мы могли быть уверены, что народ пойдет на площадь безоружным, то наше решение было бы иное. Да, вы отчасти правы, но что сделано, того не изменишь.

* Что имели право предполагать.

** Великого князя Владимира Александровича.

О времени между войнами

Война бесславно кончилась. Мир заключен. Франция дала нам небывалый до того времени заем в размере 825 миллионов золотых рублей. Армия начала возвращаться из Маньчжурии.

Волнения, вооруженные восстания постепенно разлились почти по всей России, особенно на Востоке. Во Владивостоке, в Забайкалье и по линии Сибирской ж.д. прокатилась волна беспорядков. Начались и аграрные беспорядки. Особенно сильны они были в Прибалтийском крае и на Волге. Волновалась и Москва.

Везде были посланы карательные экспедиции.

Правительству удавалось кое-как справляться с положением, но началась общая забастовка. Одно время положение было такое, что, казалось, все замерло, жизнь в огромной столице как бы остановилась. Цены на продукты первой необходимости возросли.

У нас в штабе служащим до столоначальников включительно выдали пособие в размере месячного оклада или жалованья*. Почта несколько дней не действовала. Тот, кого особенно интересовало получение корреспонденции, отправлялся сам в Главный почтамт и там разбирал почту, которая была свалена в большие бельевые корзины или лежала кучами на столах.

Опасаясь пропажи писем от негласных агентов, я сам ходил с двумя писарями в почтамт и разбирал почту.

Образовался так называемый Совет рабочих и крестьянских депутатов, стремившийся взять в свои руки власть. Офицерам было опасно ходить по малолюдным улицам. Меня по дороге в штаб два раза затронули хулиганы, но угроза револьвером останавливала нападавших.

К Витте явилась депутация представителей от редакций всей периодической печати с требованием отмены цензуры и изменения государственного строя. Меня поразило, что глава этой депутации был еврей Проппер, издатель газеты «Биржевые ведомости».

Демонстрации учащейся молодежи и рабочих с красными флагами стали регулярными на улицах столицы.

17 октября в Главном штабе был табельный** день — день спасенья царской семьи в 1888 году при крушении поезда на станции

* Военнослужащие получали содержание, которое слагалось из жалованья, столовых и квартирных денег.

** Выходной.

Борки. Несмотря на выходной, я должен был идти в штаб. Вечером этого дня царь подписал манифест об учреждении Государственной думы, который был объявлен на следующий день.

Перейдя Дворцовый мост, я нагнал толпу студентов в двести-триста человек, распевавших революционные песни. Во главе толпы медленно ехал на рысаке субъект ярко выраженного еврейского типа, одетый в дорогое пальто с бобровым воротником и в бобровой шапке. Я прошел около толпы.

По случаю табельного дня улицы были украшены национальными флагами. На углу Б. Морской и Невского проспекта вожак-еврей заметил трехцветный флаг. Он остановил рысака и студентов, и прокричал: «Сорвать царскую эмблему!» Молодежь сорвала флаг, разорвала его и затоптала ногами.

Я не выдержал, вскочил на стоявшего извозчика и крикнул, чтобы меня выслушали. Еврей и толпа оборотились ко мне и затихли, очевидно, ожидая, что я, офицер, скажу что-то революционное. Взволнованный виденным, я сказал им приблизительно следующее:

— Господа студенты!

Раздались крики: «Мы — не господа, а товарищи!»

— Я сейчас был свидетелем возмутительного действия, произведенного вами. Вы сорвали свой собственный трехцветный флаг, цвета которого обозначают наше национальное отличие от других народов. Если вы рвете и втоптываете в грязь этот флаг, то вы тем самым топчете свое собственное лицо, грязните свою честь, честь русского человека. Посмотрите внимательно на того, кто вас ведет и кто приказал вам топтать в грязи вашу честь — еврей в бобрах.

Все головы оборотились к еврею, который толкал кучера в спину, веля ему ехать.

— Нигде в мире ни один иностранец — все равно какой национальности — не сделает того, что делаете вы, русская молодежь, студенты университета.

Голос из толпы: «Мы рвали царский флаг».

— Нет, не царский, — ответил я, — а ваш собственный. Царский флаг находится недалеко от вас, на Зимнем дворце. Он — желтый с черным орлом. А это — русский.

Неужели вы можете себе представить, чтобы жид заставил вас грязнить его флаг? Никогда, никогда. Ваша собственная совесть должна вам подсказать, прав я или нет

Полное молчание было ответом на мои слова. Толпа, немного постояв, медленно разошлась.

18 октября, идя на службу, я заметил наклеенный на углу плакат с манифестом. В нем, в частности, объявлялось, что «ни один закон не может войти в силу без одобрения его народными представителями». Положения, высказанные в манифесте, показались мне чрезвычайно либеральными. Я бегом вернулся домой и крайне взволнованный рассказал жене содержание манифеста.

В штабе все были празднично настроены, почти не работали.

Время шло быстро. Была собрана Первая Государственная дума, открытие которой произошло в Тронном зале Зимнего дворца. При весьма торжественной обстановке состоялся Высочайший выход, на который было разослано много приглашений. Получил его и я.

На этот раз я постарался проникнуть в Тронный зал, в котором должно было происходить главное действие. В Тронном зале на возвышении стояли два трона с большими двуглавыми орлами на спинках. На обоих тронах были наброшены императорские мантии, мехом горностая наружу. Около тронов на небольших столиках-табуретах были разложены государственные регалии — скипетр и держава.

Частое получение мною писем из-за границы обратило внимание Департамента полиции, и я стал замечать, что они перлюстрируются. Заметить было не особенно трудно.

Обыкновенно почта приходила два раза в день, всегда в определенные часы. Но с некоторого времени письма из-за границы почтальон стал приносить в другие часы дня, притом разные. Зная порядки Департамента полиции, я заподозрил, что письма ко мне вскрываются. Через сильное увеличительное стекло на конверте были ясно видны следы не совсем аккуратного вскрытия писем. Я сначала не обратил никакого внимания на мое открытие.

Через некоторое время ко мне в штаб явился капитан Герасимов. Он только что был назначен начальником охранного отделения Департамента полиции. Герасимов вступил со мной в беседу, говоря о самых незначительных вещах. Прощаясь, он сказал:

— Вы скоро будете удивлены, мы ведь очень многое знаем.

Загадочные слова Герасимова я тотчас понял, так же как и смысл его визита. Он и его сотрудники решили, что я шпион в пользу иностранной державы, и что они меня уже изловили. Дабы не поднимать скандала, он зашел меня предупредить, очевидно, чтобы я, как-нибудь сам ликвидировал это дело.

Тотчас же я пошел к своему генералу и попросил его самого съездить к начальнику Департамента полиции и разъяснить это недоразумение. Он сразу исполнил мою просьбу, отправившись в Департамент полиции.

Все оказалось так, как я и предполагал. Департамент полиции вскрывал не только письма ко мне из-за границы, но также и мои письма за границу. Герасимов и присные не могли по содержанию писем понять сущность моей деятельности. Они заподозрили меня в шпионстве, вместо того чтобы прямо обратиться к моему начальству. Конечно, слежка за мной была немедленно прекращена.

Очень часто штабы пограничных округов присылали нам задерживаемую ими подозрительную корреспонденцию, как идущую за границу, так и из-за границы. Они посылали корреспонденцию только в тех случаях, когда было необходимо вскрыть конверт совершенно незаметно. Лишь специалисты на Главном почтамте в Петербурге могли это сделать. На Главном почтамте существовало особое отделение, в котором специально занимались перлюстрацией писем.

Так, например, штаб Приамурского военного округа прислал нам довольно объемистый конверт, который они сами не решились вскрыть. Письмо было помещено в несколько конвертов, очень аккуратно запечатано пятью печатями, один в другом, и адресовано одному банковскому дому в Берлине.

Я отнес это письмо в Главный почтамт, попросил начальника перлюстрационного отделения вскрыть это письмо совершенно незаметно и вынуть из него содержимое для ознакомления с ним. Начальник этого отделения показал письмо лучшему специалисту. Тот заявил, что для вскрытия этого письма потребуется не менее двух дней, и назначил мне время, когда я должен за ним прийти.

Когда я пришел, то письмо было разложено в порядке на столе. Из прочтения самого письма было видно, что агент сообщал германскому генеральному штабу подробности о воздвигающихся укреплениях города Николаевска-на-Амуре. Я снял точные копии как с самого письма, так и с прилагавшихся планов и попросил чиновника восстановить конверт в прежнем его состоянии. Чиновник мне показал, что письмо было заключено в три полотняных конверта. Каждый конверт был запечатан особыми металлическими печатями, скреплявшими своими зубцами каждый конверт. На наружном

конверте эти металлические скрепки находились под сургучными печатями и были совершенно не заметны. На запечатывание этих конвертов он попросил опять два дня. После чего письмо мы опять отправили в Хабаровск с объяснением, что мы в нем нашли.

Наше подозрение падало на большую торговую фирму «Кунст и Альберс», которая раскинула сеть торговых предприятий по всему Дальнему Востоку. Но прямых доказательств, что эта фирма занималась негласной разведкой военного характера, ни у нас, ни у штаба Приамурского военного округа не было. Для установления наблюдения за ее деятельностью необходим был отпуск особых денежных средств, которые, несмотря на наши ходатайства, не отпускались.

Штаб Одесского военного округа также препроводил нам письмо, очень заботливо запечатанное, в котором оказалось шифрованное письмо, адресованное в Японию, в частный адрес. Все наши попытки расшифровать это письмо были неудачны.

В Министерстве иностранных дел были два особых специалиста по расшифровке, которые при всем их старании никак не могли понять шифра. Они посоветовали мне обратиться к одному частному лицу, которое уже много лет занималось японским языком и к услугам которого они прибегали в нужных случаях. Я отправился к нему, но после долгого и внимательного рассмотрения письма и он отказался его расшифровать.

Тогда я вспомнил, что в Петербург недавно приехал П.С. Попов — бывший старший «драгоман» (переводчик) нашего посольства в Пекине, прослуживший там тридцать пять лет. Он настолько изучил китайскую и японскую письменность, что я сам в мою бытность в Пекине наблюдал, как к нему приходили ученые китайцы с просьбой оказать им помощь по разбору старинных китайских иероглифов. И он в моем присутствии их читал.

П.С. Попов после долгого рассмотрения письма тоже дал заключение, что для этого шифра были употреблены самые древние японские иероглифы. Они более в японской письменности не употребляются, как слишком сложные. Он попросил меня оставить на некоторое время это письмо. В назначенное время я к нему пришел, и он мне только мог сказать, что здесь идет разговор о каких-то судах, видимо стоящих где-то в гаванях Черного моря. Более ничего он разобрать не смог. Было очевидно, что японский негласный разведчик сообщал о состоянии нашего Черноморского флота.

Штаб действующей армии прислал нам плотную, довольно толстую картонку, складывающуюся пополам и завязывающуюся шнуrom. На внутренних сторонах этой картонки были две таблицы, по левому краю каждой из них был столбец латинского алфавита, который также шел в верхней строке каждой страницы. Против каждой буквы находился ряд цифр. Было ясно, что это какой-то шифр. По сообщению штаба действующей армии этот шифр был найден на поле сражения, но кому он принадлежал, не было известно. Все наши попытки найти способ применения этого шифра были неудачны. Можно было предположить, что им пользовался какой-то шпион и посылал свои донесения по этому шифру. Ясное доказательство того, что японцы имели у нас своих шпионов.

Вскоре после отъезда генерала Жилинского в Маньчжурию вторым генерал-квартирмейстером был назначен генерал А.А. Поливанов, ставший позднее военным министром. По его поручению я должен был выдать 50 тысяч рублей из наших остатков* одному негласному агенту. По словам Поливанова, этот агент взялся организовать негласное наблюдение по охране прохода эскадры Рождественского.

Наше особое делопроизводство в этом деле не принимало никакого участия и про него не знало. Все дело вел сам генерал Поливанов, я думаю, с разрешения высшего начальства. На меня только было возложено выдать деньги указанному лицу лично, фамилия была Норденштерн. Жил он на Стремянной улице, куда я и повез деньги.

В хорошо обставленной гостиной встретил меня человек средних лет, бритый и очень плохо говоривший по-русски. Увидев деньги, он просиял и просил передать генералу Поливанову, что все будет устроено, что, начиная с выхода в Северное море, эскадре Рождественского будет своевременно сообщаться о грозящей опасности. Норденштерн видимо торжествовал, когда я передавал ему 50 тысяч. Он принял не считая, как я думаю, от восторга.

Все его слова я передал генералу Поливанову, который был, видимо, очень доволен и сказал:

— Вот теперь, можно думать, Рождественский пройдет безопасно.

А я стоял и думал, почему мы, а не само морское ведомство заботимся об эскадре и тратим большие деньги? Нет ли тут какого

* О которых я уже писал.

либо мошенничества? Не от Норденштерна ли получил Рождественский провокаторское предупреждение о том, что при проходе рыболовного района в Северном море среди рыболовных судов будто бы будут находиться японские миноносцы? Должен же был Норденштерн чем-либо оправдать получение 50 тыс. рублей!

Служба в особом делопроизводстве невольно заставила меня интересоваться военной разведкой в иностранных государствах, а также борьбой с разведкой, производимой иностранцами у нас. А заинтересовавшись, я стал знакомиться, как это дело поставлено за границей, и проводить параллель с тем, как это делается у нас.

Ознакомившись насколько представлялось возможным с положением военной разведки во Франции, Австрии и Японии, я пришел к определенному заключению — в России почти ничего не делается в этом важном для ведения войны деле. Я решил составить доклад начальнику Генерального штаба. В первой части доклада я собирался обрисовать самым точным образом параллельно состояние разведки и контрразведки у нас и за границей, а во второй части доклада — изложить соображения о желательной организации разведывательной службы вообще.

Эта работа заняла продолжительное время, почти около года, так как требовала основательной предварительной подготовки. Получился довольно объемистый труд, на ознакомление с которым надо было затратить несколько часов. Зная по опыту, как неохотно читаются все длинные изложения высшими начальствующими лицами, я пришел к убеждению, что моя работа слишком громоздка и не достигнет цели, так как вряд ли генерал Палицын всю ее внимательно прочтет. Поэтому решил составить краткий по изложению, но полный по содержанию конспект под общим заголовком: «Состояние нашей разведки и контрразведки и желательная их организация».

Наша военная разведка по сбору негласных сведений о состоянии вооруженных сил иностранных государств основывалась главным образом и почти исключительно на данных, сообщавшихся нашими военными агентами за границей. Как я уже указывал, последние не имели в своем распоряжении никаких сметных денежных средств, каковые находились бы в постоянном их распоряжении, а потому наши военные агенты не имели возможности организовывать постоянное, систематическое собирание негласных сведений, необходимых на случай войны.

Они не могли содержать и постоянных негласных агентов, а потому все собиравшиеся ими негласные сведения носили совершенно случайный характер. Их сведения не составляли что-либо целое, связанное, могущее ясно и верно представить состояние военного дела за границей или знать более или менее существенное о планах ведения с нами войны ближайшими нашими соседями.

Так, например, мы совершенно не знали о действительном состоянии японской армии, о ее обученности, о принципах, принятых ею к неуклонному исполнению. В Главном штабе совершенно не хотели верить предостережениям немногих голосов — донесениям генерала Гродекова, командующего войсками Приморского округа, докладу полковника Постникова о результатах поездки в Японию, сообщениям полковника Самойлова. Все они утверждали, что около нас на востоке мы имеем, говоря словами полковника Постникова, «вторую Германию».

Военное министерство в лице Куропаткина не хотело доверять этим отдельным мнениям, очевидно принимая их за крайне субъективные впечатления.

Также и Морское министерство не знало о принятых в японском флоте способах ведения боевой стрельбы. Один из них — сосредоточить огонь из орудий крупного калибра и из возможно большего числа своих судов на одном, наиболее сильном из неприятельских кораблей, пренебрегая всеми остальными судами противника. И осуществлять этот маневр по очереди. При этом японцы применяли почти исключительно фугасные снаряды, наносившие смертельные для судна поражения, в то время как мы стреляли почти исключительно бронебойными снарядами, не наносившими серьезного вреда противнику.

Как известно, этот метод японцы применили во время войны с нами. Наши боевые корабли не выдерживали подобного интенсивно-сосредоточенного огня на одном судне более нескольких минут и бесславно гибли один за другим, не успев даже нанести какого-либо существенного вреда японцам.

15 мая 1905 года, на другой день после боя в Цусимском проливе, эскадра адмирала Небогатова была настигнута японцами, уничтожившими накануне отряд адмирала Рождественского. Наши команды были поражены видом японских судов, не носивших следов жестокого Цусимского боя. Это было одной из причин позорного подъема японского флага на корабле Небогатова*.

* Из показаний Небогатова на разборе его дела судом.

Будь правильно выставлена наша негласная разведка в Японии, подобного сюрприза, конечно, не было бы, и тогда, быть может, наши боевые встречи на море с японцами имели бы иной исход.

Почти до 1907 года в Главном штабе, впоследствии в Главном управлении Генерального штаба, а также в Главном морском штабе совершенно не интересовались тем, что делалось за границей. Не было никакой планомерной программы по собиранию негласных сведений о состоянии иностранных вооруженных сил и о новейших достижениях военного искусства за границей. Как я уже указал, все сведения сводились исключительно к донесениям наших агентов, которые черпали сведения из официальных источников и из иностранной военной печати.

О введении в германской армии полевой артиллерии крупного калибра в нашем штабе совершенно не было известно. Не было известно и о громадном увеличении в их войсках количества артиллерии — оно в пять-шесть раз превосходило наш расчет (одно орудие на 1000 человек). Не было известно и о колоссальных запасах снарядов, недостаток которых в наших войсках дал немцам решительную победу в 19<?> году*. Мы также не знали о подвижных машинах для рытья окопов, о приспособлениях для почти моментального приведения в негодность железнодорожного полотна в случаях отступления.

Нам не было известно о существовании в австрийской армии разрывных ружейных пуль, а также сложного устройства «для пристрелки», как называли его австрийцы.

Это и многое другое было совершенно скрыто от нашего Генерального штаба. Если не все, то очень многое могли мы знать при правильно поставленной негласной разведке, как рекомендовал я в своем докладе.

Конечно, правильная разведка требовала немалых расходов, но, зная более или менее точно о том, что делается за границей, мы могли бы соответственно совершенствовать и свою армию.

Как известно, мы в продолжение последнего столетия всегда технически отставали в военном искусстве от других стран. Главной причиной этого печального явления был, конечно, недостаток отпущенных правительством денежных средств. Но другой причиной было отсутствие понимания нами истинного состояния вооруженных

* Насколько я знал, у нас был расчет для хранения в запасе по 1400 снарядов на орудие, а у немцев — по 6000 и даже более.

сил наших возможных противников, что приводило к несовершенству работы Генерального штаба, к несовершенству нашей армии.

Нельзя было основываться только на общеизвестных данных. Надо было негласным путем собирать тщательно скрываемые усовершенствования за границей, а также планы иностранных генеральных штабов. К сожалению, до конца 1906 года у нашего Генерального штаба не было ясного осознания необходимости организации планомерной разведывательной работы за границей.

У нас по смете Военного министерства всего отпускалось 135 тысяч рублей в год на сбор негласных сведений. Эта сумма в начале каждого года распределялась между Петербургским, Киевским, Варшавским, Виленским и Приамурским военными округами. Штабы округов смотрели на эти деньги крайне легкомысленно и обыкновенно расходовали их на поездки высших офицеров за границу. Из этих же сумм выдавались тем же лицам пособия. При отчете указывалось, что эти генералы посылались по делам негласной разведки.

Только самая незначительная их часть тратилась по прямому назначению на заграничные командировки офицеров Генерального штаба в незначительных чинах. Обыкновенно их командировали под чужими фамилиями. Им не давали никаких определенных заданий, а поручали собрать то, что найдут возможным. Но, обычно, эти командировки ничего существенного не давали, да и не могли дать.

В пограничных с нами странах контрразведка была поставлена хорошо, а пограничные власти внимательно следили за всеми лицами, переезжавшими границу. Опытному глазу не трудно было отличить русского офицера с его военной выправкой, хотя и надевшего гражданское платье, от настоящего штатского, и установить за ним тотчас же негласное наблюдение, продолжавшееся все время его пребывания за границей.

Однажды штаб Киевского военного округа командировал офицера Генерального штаба в Австрию с паспортом на чужое имя, которого уже с границы взяли под наблюдение. Как только он вздумал фотографическим аппаратом снимать окрестности одной из австрийских крепостей, то был моментально арестован, привезен в Вену, где его изрядно выдрали и отпустили на все четыре стороны. Наше правительство не имело возможности заступиться за своего офицера, так как был выпорот не он, а кто-то другой, указанный в ложном паспорте.

Также и наши военные агенты за границей. Даже если бы им и отпускались нужные деньги, то вряд ли они имели бы возможность планомерно развивать разведывательную работу. За ними следили еще более бдительно и внимательно, нежели мы следили за некоторыми иностранными агентами в Петербурге.

Кроме какой-то незначительной части от 135 тысяч рублей, на разведку расходовались, как я уже ранее упоминал, остатки денег от исполнения сметы Главного штаба. Она составляла около 100 тысяч рублей в год. Вот и все, что фактически шло на негласную разведку. Принимая во внимание многочисленность стран, в которых необходимо было вести негласное наблюдение, можно сказать, что мы тратили до смешного незначительные суммы. Соответственно мало получали и отдачи.

В противоположность почти полной пассивности нашей разведки за границей, иностранные государства расходовали на это дело несоразмерно более нас. Их расходы исчислялись миллионами. Везде существовали совершенно самостоятельные разведывательные и контрразведывательные бюро. В Германии, как выяснило дело подполковника Гримма, разведывательной службой руководил сам император Вильгельм. Начальник разведывательного бюро имел у него непосредственный личный доклад. Наиболее испытанные и верные заграничные негласные агенты лично представлялись императору.

Во Франции, Австрии и Японии тоже совсем не скупилась на расходы многомиллионных сумм, считая разведку совершенно необходимой частью службы Генерального штаба.

Контрразведка, то есть противодействие иностранной разведке в России, была у нас поставлена еще хуже. Нельзя же принимать существование нашего контрразведывательного отделения с расходом в 27 600 рублей в год (считая 3760 рублей содержания начальнику отдела) и незначительную деятельность Департамента полиции, губернских и уездных жандармов, не изловивших ни одного иностранного разведчика, за что-либо серьезное.

Контрразведывательная служба за границей, особенно в Японии, была поставлена прекрасно и действительно боролась с иностранным шпионажем, значительно затрудняя работу агентов.

В своем докладе начальнику Генерального штаба я все это изложил, и мне удалось доказать, что у нас в действительности нет как разведывательной службы за границей, так и нет контрразвед-

ки, что «наши враги узнают относительно нас все, что только желают». Эти слова в моем докладе были генералом Палицыным подчеркнуты, и сбоку им была сделана отметка «Совершенно правильно».

Во второй части доклада я очень кратко, схематически изложил, как, по моему мнению, надлежит организовать у нас разведывательную службу, которая, будучи правильно поставленной, давала бы возможность знать почти все, что делается за границей.

В конце я добавил, что если доклад достоин внимания, то я беру на себя смелость представить полный проект организации нашей разведывательной и контрразведывательной службы.

Мысль заинтересовать начальника Генерального штаба первоначально возможно более кратким докладом оказалась вполне целесообразной, и я достиг своей цели, так как на моем докладе генерал Палицын написал резолюцию: «Капитан Никольский открыл мне глаза. Прошу немедленно представить его полный проект».

Во исполнение последней резолюции я очень скоро представил второй доклад — первоначально об организации разведывательной службы в Европе. А через некоторое время — об организации разведывательной службы в Азии. Приводить подробности проектов считаю излишним, тем более что они не были никогда полностью исполнены.

Мои наследники по должности, не поняв или не желая понять основные принципы проектов, все совершенно исказили. Созданная ими организация разведывательной службы совсем не исполнила своего назначения. Это подтвердила наша почти полная неосведомленность перед Великой войной о состоянии германской армии, о задачах, поставленных германским генеральным штабом.

Считаю своим долгом отметить, что, насколько я знаю, Государственная дума выделяла немалые деньги (миллионы) на негласную разведку. Деньги эти тратились совершенно бессмысленно.

После первого из этих докладов генерал Палицын приказал тотчас же приступить к организации разведывательной службы согласно моим предположениям. Его резолюция на докладе гласила: «Исполнить все, как указывает капитан Никольский». Когда я прочел приведенную резолюцию, то испытал величайшее удовлетворение, какого никогда ни ранее, ни после не испытывал.

Окрыленный успехом своей работы, я приступил к реализации своих планов. Были разосланы штабам всех военных округов ука-

зания по организации при каждом из них особых разведывательных отделений. Был представлен доклад с проектом Главного разведывательного отделения и школы негласных агентов при нем.

Я успел заложить только первый венец фундамента, как совершенно неожиданно для меня мое личное участие в этой работе было прекращено.

Я был переведен столоначальником в отделение по службе личного состава Главного управления Генерального штаба, где пробыл недолгое время, поскольку мне предложили почетную командировку в Македонию. Назначение в эту командировку производилось с Высочайшего соизволения по докладу военного министра. Я, конечно, должен был согласиться. В шестой день июня 1908 года* я был назначен согласно Высочайшему соизволению в распоряжение начальника Русского отдела по организации жандармерии в Македонии.

Мой перевод в другое отделение Генерального штаба был мне объяснен тем, что особое делопроизводство упраздняется, а вместо него образуется Главное разведывательное отделение, во главе которого должен находиться кадровый офицер Генерального штаба. Оставить же меня подчиненным в этом отделении почему-то нашли неудобным.

Начальником разведывательного отделения первоначально был назначен Генерального штаба подполковник фон-Виникен, сын богатого рижского банкира, еврея, принявшего христианство и купившего где-то за границей баронство. Он пробыл недолго. После него главой Главного разведывательного отделения стал полковник Генерального штаба Н.А. Монкевиц. Как ни странно, но он был тоже еврейского происхождения. Н.А. Монкевиц заведовал этой службой очень продолжительное время, вплоть до развала России.

Кого собой представлял Монкевиц, можно заключить из следующей заметки о нем, помещенной в газете «Возрождение» от 31 января 1933 года**. Привожу дословную выписку из этой статьи.

«Если верить сведениям из надежных источников, в СССР живет и работает “самоубийца”, бывший генерал Н.А. Монкевиц, в свое время заведовавший разведкой в организации великого князя Николая Николаевича и подчиненный непосредственно генералу Кутепову.

* Как написано у меня в послужном списке.

** Статья Н.А. Александра «ОГПУ и похищение генерала Кутепова» в газете «Возрождение». 1933, 31 января, № 2800.

Монкевиц — незаурядный офицер Генерального штаба, специалист по вопросам тайной работы — шесть лет назад безвестно исчез. В оставленной записке он говорил о намерении покончить с собой в лесу Фонтенбло. Труп его не был разыскан.

После исчезновения его были обнаружены денежные недочеты. Исчезли ли секретные документы — не знаю. Помню, что генерал Кутепов был очень обеспокоен судьбой некоторых списков. Потом, правда, говорили, что подлинные документы в полной сохранности. Монкевиц в те времена нередко работал и принимал посторонних в личной квартире Кутепова на улице Руссолэ.

Монкевиц развивал свою деятельность как раз в ту эпоху, когда за границей начал разворачиваться первый трест. А исчезновение его странным образом последовало за раскрытием покушения на жизнь великого князя Николая Николаевича.

Венский центр ОГПУ через своего агента-provokatora Петрова подготавливал взрыв дома Шуаньи. Покушение было вовремя предупреждено. Петров поспешил скрыться за границу. Затем последовало и исчезновение Монкевица.

По тем сведениям, которые мне передал ныне покойный генерал П.П. Заварзин, Монкевиц работает в учреждении ОГПУ, специально ведающем сектором военной эмиграции. В его личном распоряжении находился тот самый военный юрист, подполковник А.Н. Попов, который совместно с полковником Н.А. де Роберти приезжал на таинственное свидание в Берлин в январе 1930 года. Не забудем, что де Роберти почему-то считал нужным тогда же предупредить генерала Кутепова о своей службе в ОГПУ и о том, что весной на генерала будет произведено покушение.

Вскоре после назначения военным министром генерала Сухолинова начальником контрразведывательного отделения вместо В.Н. Лаврова — безусловно, честного и порядочного — был назначен Мясоедов, как известно избалованный уже во время Великой войны в измене.

После изъятия меня из особого делопроизводства, у меня началось серьезное нервное расстройство. Я был болен более двух месяцев, находясь в клинике. После выздоровления, идя первый раз на службу, я встретил, переходя Дворцовый мост, на набережной генерала Палицина, который остановился, взял меня под руку и пошел со мною в штаб. Он был весьма любезен, интересовался здоровьем и между прочим сказал:

— Вижу, что на вас сильно подействовал перевод в другое отделение штаба. Я знаю, как вы были преданы делу разведки, вы очень много для нее сделали и потому благодарю вас за все ваши труды. Но ваш невоздержанный вспылчивый характер всему мешает. Я ничего не мог сделать — слишком много вас нелюбящих.

В разъяснение приведенного факта считаю нужным рассказать, что во время одного доклада, когда я еще заведовал особым делопроизводством, я как-то бессознательно, совершенно неожиданно, не отдавая отчета о том, что говорю, на вопрос генерала Палицына:

— Когда же вы перестанете мне возражать? — ответил ему:

— Тогда, ваше высокопревосходительство, когда будете более благоразумны.

Первое мгновение генерал Палицын ничего не ответил, потом взял мои бумаги и молча швырнул на пол. Я их собрал, поклонился и ушел.

С тех пор он стал меня звать очень редко, только в случаях крайне необходимых. Отношение его ко мне переменялось.

Кончилось мое более чем пятилетнее пребывание в особом делопроизводстве Главного управления Генерального штаба. Вместо меня все время до войны и во время ее во главе нашей разведывательной службы стояли генерал Н.А. Монкевиц, ныне сотрудник ГПУ, подозреваемый в предательстве генерала Кутепова (и не без основания), и изменник, предатель Мясоедов.

Окончив краткое описание моей попытки создать в управлении Генерального штаба действительную разведывательную службу, должен заметить, что все мои старания не оказали никакого влияния на организацию этой необходимой части деятельности Генерального штаба. Но, к моему величайшему огорчению, они принесли несомненную пользу существующему в России большевистскому правительству, которое, как я теперь ясно вижу, организовало свою разведывательную службу за границу, во всем согласно моим основным докладам, которые хранились в секретном помещении штаба, и, конечно, их использовать было нетрудно.

Какая горькая ирония судьбы! Я принес своим патриотическим трудом пользу врагам моего Отечества!

ЧАСТЬ III В Турции и Финляндии

На службе у султана Турции

Условия назначения в командировку в Македонию во всех отношениях были прекрасными. Я был откомандирован в распоряжение Министерства иностранных дел, где получил дипломатический паспорт за подписью министра иностранных дел. Мне было назначено содержание от ведомств военного и иностранных дел, а также жалованье от турецкого правительства. Как командированный с Высочайшего соизволения, я имел право представиться Государю, чем и воспользовался. Его Величество милостиво пожелало мне счастливого пути и полезной службы в Турции для Него и для Родины.

В 20-х числах июня месяца 1908 года я с женой и с прислугой выехал из Одессы в Салоники, главный город Македонии на берегу Эгейского моря. Пароход Русского общества пароходства и торговли шел круговым рейсом через Варну и Бургас*, Константинополь и Афон.

На пароходе оказался один из старших служащих Русского общества пароходства и торговли. Во время пути я часто разговаривал с ним. Будучи одним из главных контролеров, он должен был произвести инспекцию портов кругового рейса. Он знал жизнь нашего посольства, часто бывал в Константинополе. По моей просьбе он ознакомил меня с обществом, в котором служил.

Русское общество пароходства и торговли было основано в 1857 году. Почти во всех портах, в которых останавливались его суда, оно владело своими собственными пристанями и прилегающими к ним земельными участками. Располагались они в портах

* Болгарские порты.

по берегам Черного моря, Эгейского и восточной части Средиземного моря. В Константинополе обществу принадлежала не только собственная большая пристань, но и прилегающий к ней обширный участок земли с громадными пакгаузами, приносившими солидный доход. Это было огромной стоимости имущество.

В ежегодных балансовых отчетах общества суда и пристани, стоимость которых давно уже была покрыта ежегодными погашениями, были показываемы стоимостью в один рубль. Это давало возможность не страховать эти суда от несчастных случаев и пожаров, в значительной степени сокращая расходы общества.

На одном из подобных пароходов, оцененных в один рубль, плыли и мы.

Стоимость всего принадлежащего обществу имущества была настолько высока, что при ликвидации акционеры должны были бы получить почти удесятеренную номинальную стоимость акций. Всего акций было выпущено 10 000 штук по 500 рублей. Более за время существования общества акций не выпускалось. Долгов общество не имело совершенно. Его суда всегда были обеспечены грузом — грузоотправители стояли в очереди для погрузки их товаров на суда. При наличии всех приведенных условий общество платило акционерам всего 5–6% от номинальной стоимости акций, которые котировались всего от 600 до 700 рублей.

На мой вопрос:

— Почему же имея огромный доход, общество платит сравнительно мало дивиденда? —

я получил ответ:

— Очень просто! У нас слабо организован контроль, служащие не берегут имущество, интересы общества и вся постановка дела носит совершенно некоммерческий характер. Например, я, инспектор, послан в очередную ревизию агентств по всем портам кругового рейса. Какой действительный контроль могу я произвести, оставаясь в порту от прихода до ухода парохода иногда лишь на несколько часов? Да еще при условии, что у нас исстари принято встречать начальство и инспекторов обильными обедами?

В болгарском порту Варна пароход стоял полдня и ночь. По совету капитана мы с женой посетили Варненский ботанический сад, расположенный около царского летнего дворца Евсеноград. Сад оказался действительно великолепным, весьма живописно расположенным вдоль по высокому берегу Черного моря. Наслаждаясь окружающей чудной природой, мы незаметно зашли далеко

вглубь парка, где нас захватила наступившая темнота. Кое-как добрались до выхода из парка, но, как пройти к пристани, не знали. Извозчиков поблизости не было, и мы оказались в затруднительном положении.

На наше счастье, мимо проходил молодой болгарский офицер, который замедлил шаги около нас, явно прислушиваясь к нашему разговору. Он обратился к нам, стараясь произносить слова раздельно и как можно более понятно для нас:

— Вы, кажется, русские и не знаете, как пройти на пристань? Позвольте представиться — поручик инженерных войск Н. Я помогу вам. Подождите здесь и никуда не уходите, а я привезу к вам извозчика.

Мы познакомились, я сообщил ему, что я тоже офицер, однако от его столь любезного предложения стал отказываться. Несмотря на мои отказы, он исчез в темноте (улица не имела освещения). Через несколько минут он возвратился в сопровождении нескольких солдат, объяснив нам, что теперь он останется с нами, а за извозчиком пошлет солдат.

Мы завели с болгаринном беседу. Он, видимо, был доволен, что я — военный, и пригласил нас отправиться в военное собрание:

— Вы увидите, как мы, болгары, почитаем вас, русских, особенно военных.

К сожалению, моя жена чувствовала себя нехорошо, устав за знойный день, и нам пришлось отказаться от любезного приглашения офицера.

Вскоре послышался шум подъезжающего экипажа — солдаты привезли извозчика. Я хотел вознаградить их за труд, но они категорически отказались что-либо принять.

— Они знают, что вы русский офицер, — сказал поручик, — и сделать вам такую небольшую услугу они считают за честь для болгарского солдата. Они расскажут про это в казарме, и все товарищи будут им завидовать. У нас солдат обучают краткой истории Болгарии и особенно тому, как русский царь и народ спасли нас от турецкого ига.

Мы весьма радушно простились. Я вынес самые отрадные воспоминания об этой случайной встрече с молодым болгарским офицером.

Через несколько дней я прибыл в Салоники в распоряжение штаба 3-го Турецкого армейского корпуса. Вскоре состоялось подписание мною контракта с турецким правительством о поступле-

нии моем на службу в турецкую армию сроком на 6 лет* чином выше. В тексте контракта я обещал исполнять службу Его Величеству султану добросовестно, стараясь приносить по мере моих сил и знаний возможную пользу. Контракт был засвидетельствован с русской стороны нашим генеральным консулом Кохманским, а с турецкой стороны — начальником штаба 3-го Турецкого армейского корпуса. Командир корпуса подписал первым, а я — вторым. Подписание контракта проходило в присутствии начальника Русского отдела по реорганизации жандармерии в Македонии генерал-лейтенанта Шостака и многих турецких штабных офицеров. После подписания контракта были предложены мороженое и прохладительные напитки, во время которых генерал-лейтенант Шостак и командир корпуса обменялись приветственными речами.

Во второй половине 1903 года было заключено соглашение между Россией, Францией, Англией, Италией и Австрией с одной стороны и Турцией с другой стороны об установлении международного контроля над управлением турками Македонией. Контроль был вызван беспорядками, постоянно происходившими, во всех вилайетах** Македонии, а также повторяющейся резней христиан в столице Македонии Салониках. Особенно сильна была резня непосредственно перед соглашением, когда турки вырезали огромное количество христиан. Их злоба была направлена особенно против армян, как мужчин, так и женщин и детей всех возрастов.

В самой Македонии население состояло главным образом из греков, сербов и болгар, турок было немного. Армяне занимаются в Салониках главным образом торговлей. Позже, в 1908 году, свидетели той резни показывали мне широкую улицу, идущую от набережной к главной улице города, заполненную армянскими лавками. В 1903 году вся эта большая улица была сплошь покрыта телами убитых армян, все магазины были разграблены и разрушены.

В провинции вне Салоник также шла непрекращающаяся вооруженная борьба. Турки нападали на всех христиан вообще, не разбирая, кто они. Греческие, болгарские и сербские банды борлись не только с турками, но также и друг с другом. Банды каждой национальности нападали на населенные места других. Правительства Греции, Болгарии, Сербии и самой Турции втайне помогали

* До 1 августа 1914 года.

** Губерниях.

бандам соответствующих народностей, снабжая их и средствами, и вооружением. Никто не мог уяснить, кто с кем боролся, кого резал и за что.

Страдало от этого не только мирное христианское население — немногочисленные местные турки также немало терпели, подвергаясь постоянным нападениям. Для мирного населения жизнь в Македонии становилась чрезвычайно тяжелой. Шло взаимное уничтожение довольно быстрым темпом. Вся эта богатая страна была экономически совершенно расстроена.

Чтобы вывести страдающую страну из тяжелого положения, пять великих держав Европы после долгих переговоров как с турками, так и между собой пришли к соглашению. В соответствии с заключенным международным договором и при согласии Турции каждое правительство стран — участников договора послало в Македонию особую комиссию, в состав которой входили как гражданские, так и военные специалисты.

Гражданские специалисты всех согласившихся стран составили особую контрольную финансово-хозяйственную комиссию. Без разрешения этой комиссии в Македонии не мог быть произведен никакой расход денег. Финансово-хозяйственная комиссия учитывала все доходы страны, контролировала весь расход денег, получаемых турецкими властями. Стараниями этой комиссии в Македонии было введено исключительно золотое обращение, для чего был сделан соответствующий международный заем на крупную сумму.

Однако недостаточно было установить финансовое благополучие. Надо было водворить порядок административный, уменьшить, если не уничтожить, бандитизм. Последнее, однако, не так легко было исполнить.

Для успешной борьбы с бандитизмом международное соглашение постановило ввести в Македонии жандармерию по образцу итальянской, но под полным контролем согласившихся держав. В ее руки были переданы полицейские функции, а также контроль над действиями турецкой местной администрации, так как без надзора над последней вряд ли было бы возможным водворить общий порядок. Турецкое правительство под давлением пяти могущественных государств принуждено было согласиться на контроль и над ее собственной администрацией.

Германия отказалась принять участие в соглашении. Она вела совершенно особый курс политики, желая отказом от участия в контроле над Македонией продемонстрировать туркам свою пол-

ную дружбу. Турецкое правительство, чувствуя поддержку со стороны Германии, продолжало поддерживать угнетенное состояние страны, богато одаренной природой, желая, так или иначе, вытеснить из нее христианское население. Это намерение настойчиво проводилось турками в жизнь и, несомненно, было бы исполнено, если бы по инициативе русского правительства пять держав своевременно не вмешались и не установили международный контроль над управлением Македонии.

Германия ощущала постоянный недостаток в сырьевых продуктах не только для питания своего населения, но и для чрезвычайно развитой промышленности. Для возможности беспрепятственной доставки продуктов из плодородных и богатых местностей Малой Азии Германия затеяла постройку железной дороги через всю Малую Азию до города Багдада и даже далее — до выхода к Персидскому заливу.

Конечной целью немцев было иметь свой сплошной железный путь от Берлина до сердца Малой Азии, чтобы он был исключительно в их руках и пролегал по возможности по территории с немецким населением вдоль пути.

Поэтому в намерение Германии входила колонизация немцами придорожной полосы и полная экономическая эксплуатация слабой Турции. Германии также было более выгодно, чтобы Македония была более населена турками, нежели славянами-христианами. Славяне неохотно поддавались немецкому влиянию, зная, что имеют своим защитником сильную Россию.

Реализация этого проекта дала бы возможность Германии освободиться от необходимости быть в зависимости от русского рынка сырых продуктов. Германия медленно, методически достигала своей цели.

Германии не было никого расчета участвовать в водворении порядка в Македонии. Ей было выгодно, чтобы Турция возможно больше погрязла в беспорядках в Европе — тем самым ослабевало внимание правительства Турции к делам в Малой Азии. Отсутствие германских агентов среди международной контрольной комиссии являлось дружественным актом по отношению к Турции со стороны немцев, что они старались подчеркивать при каждом удобном случае. На Болгарию Германия оказывала давление через своего ставленника-немца царя Болгарии Фердинанда Кобургского. На Сербию легко влиять через Австрию — Австрия постоянно давила на Сербию, что и вызвало, в конце концов, Великую войну.

Каждое из пяти правительств командировало несколько офицеров, которые вошли в состав контрольных комиссий. Для согласования действий был избран итальянский генерал-лейтенант Де-Джоржиас, призванный быть старшим между всеми иностранными офицерами. Он руководил «центром», то есть руководил всеми действиями. Через него происходили сношения с высшей инстанцией — Советом послов Австрии, Англии, Италии, России и Франции. Совет послов сносился с правительством Турции.

Представители каждой страны получили под свой контроль отдельный вилайет и наблюдали в нем за жандармерией. В каждом уезде местными жандармами ведал иностранный офицер на правах инспектора, наблюдающего за правильным исполнением законов на месте и распоряжений, исходящих от высших властей.

Каждое распоряжение губернатора вилайета или каймакама* должно было быть препровождено в копии старшему иностранному офицеру в главном городе вилайета или уезда по принадлежности. Если офицер находил, что распоряжение незаконное или вообще несоответствующее, то он «протестовал» и представлял его в «центр» с объяснением, почему он находит распоряжение турецких властей не подлежащим к исполнению.

Однако офицер не входил в какие бы то ни было пререкания с местными турецкими властями. «Центр» посылал протест в Совет послов, который указывал турецкому правительству на неправильные действия местных властей, дружественно советуя восстановить законность и покарать местные власти за неправильные действия.

«Центр» и финансовая контрольная комиссия находились в столице Македонии городе Салоники. Здесь же было и главное управление жандармерии, при котором была школа жандармов, бывшая под наблюдением русских и итальянцев. Русские также заведовали жандармерией Салоникского района.

Личный состав нижних чинов жандармерии комплектовался на общем основании — по набору. При наборе новобранцев присутствовал иностранный офицер (офицер-реорганизатор), который выбирал лучших молодых людей в состав жандармерии, испытывая их физическое и умственное развитие. Только наиболее развитые, смелые и грамотные, высокого роста и хорошо сложенные отбирались в жандармерию. Молодых людей на год помеща-

* Начальника уезда.

ли в школу жандармов, по окончании которой их назначали в жандармерию.

Офицерский состав жандармерии также состоял из лучших офицеров-турок, они получали гораздо большее содержание, нежели офицеры в армии.

Вообще все жандармы были под неослабным наблюдением офицеров-реорганизаторов.

Благодаря такой системе комплектования личного состава и руководству иностранцами, македонская жандармерия поднялась весьма высоко и очень скоро оказалась несравненно лучше остальной полиции во всей Турции.

Каждый уезд был разбит на жандармские участки, каждый участок имел свой каракол — укрепленный центральный пункт. Каждый такой каракол периодически высылал патруль в составе нескольких жандармов. Они проходили через все населенные места, встречаясь по дороге с патрулями соседних караколов.

При встречах каждый патруль передавал все им замеченное другому патрулю. Патрули ходили не только по установленному расписанию, но также часто выходили и без расписания. На них, кроме полицейских функций, была возложена разноска почты, что давало возможность жандармам лично знакомиться со всеми жителями местного населения. Таким образом, все население в Македонии было под неослабным надзором жандармов, и бандитам стало очень трудно предпринимать нападения на мирных жителей.

В случае появления где-либо бандитов гарнизон из ближайшего каракола давал знать об этом по телефону в уездный центр, одновременно высылая на место происшествия отряд жандармов. Если силы бандитов были велики, то из уездного города также посылался отряд жандармов и вслед за ним отряд войск. Вследствие постоянного освещения всех населенных мест действия бандитов были крайне затруднены, и все они принуждены были скрываться в пустынных местностях, преимущественно в малодоступных горных ненаселенных участках. Поставленные в невозможность грабить население и жить за счет его, банды через короткое время, одна за другой, начали спускаться с гор и сдавать оружие, предварительно выговаривая себе свободу и давая торжественное обещание заниматься впредь мирным трудом.

Таким образом, Македония в продолжение трех-четырех лет была успокоена, что, однако, видимо, совершенно не нравилось как турецкому правительству, так и Германии.

Установилась законность, мирное население могло спокойно заниматься трудом. Македония, страна весьма богатая по своей природе, особенно южная ее часть, где снималось два урожая в год, заметно стала процветать.

Финансы ее также пришли в полное равновесие. Были в короткий срок погашены все тяжелые долговые обязательства и установлено твердое, исключительно золотое денежное обращение.

Если беспорядки еще иногда возникали, то чаще всего вследствие искусственного подстрекательства со стороны не только отдельных турок, а даже самих турецких властей. Например, в уездном городе Гевгели в то время, когда я был там, в кафе сидело несколько турецких офицеров местного гарнизона. Один из них хвастался, что сейчас убьет десять христиан. Он вышел на улицу, встал на колени, чтобы было удобнее стрелять из винтовки, и, как на охоте, открыл стрельбу по проходившим по улице христианам. Пока успели его схватить, он застрелил восемь человек.

Русские офицеры заведовали самой важной частью Македонии — Салоникским вилайетом, в районе которого находился знаменитый Афонский монастырь, расположенный на восточном отроге Халкедонского полуострова*.

В состав русского отдела входило десять офицеров. Генерал Ф.А. Шостак заведовал всеми нами и именовался начальником Русского отдела по реорганизации турецкой жандармерии в Македонии. Остальные офицеры именовались офицерами-реорганизаторами турецкой жандармерии в Македонии. Каждый из них находился в уездном городе, наблюдая за местной жандармерией.

В городе Салоники было три наших офицера, которые совместно с итальянскими заведовали школой жандармов.

Офицеры Франции, Англии, Италии и Австрии находились в других вилайетах. Таким образом, вся административная часть Македонии была под полным международным контролем.

Русские оказывали значительное влияние на местное население, большинство которого было единоверно с ними. Наши офицеры, сами славяне, чрезвычайно скоро постигли местное славянское наречие. Благодаря этому, значение России поднялось в глазах всего населения Македонии. Русское имя, начавшее терять свой вес под немецким давлением, снова, как и прежде, поднялось. Это было заметно в изменившемся отношении к нам, русским офице-

* Описание Афона — см. Приложение.

рам, не только турецких властей, но также и всего местного населения как в городе Салоники, так и в самой глухой провинции.

Незадолго до моего прибытия в Салоники произошла успешная революция, поднятая партией младотурок, заставившая султана Абдул-Гамида дать стране конституцию, ограничившую его самодержавную власть.

Революция была осуществлена главным образом восставшими войсками в Салониках, входившими в состав партии младотурок. Возглавлял войска майор Ниази-бей, командир батальона пехоты, армейский офицер — истинная душа восставших.

Во главе своего батальона он удалился в соседние с Салониками горы, где поднял знамя восстания, приглашая войска и всех желающих к нему присоединиться. Против него правительством были посланы воинские части, которые немедленно присоединились к Ниази-бею.

С первыми частями войск перешел на сторону Ниази-бея и офицер штаба 3-го армейского корпуса подполковник Энвер-бей, окончивший Академию генерального штаба в Берлине. Он захватил с собою денежный ящик штаба, в котором только что были вложены деньги для выдачи войсковым частям.

После первого небольшого отряда был послан второй сильный отряд, который также перешел на сторону восставших, и, в конце концов, весь 3-й корпус объявил себя солидарным с Ниази-беом.

3-й армейский корпус в Салониках был самым многочисленным из всей турецкой армии. Он был укомплектован прекрасным личным составом и вообще считался как по снаряжению, так и по обучению образцовым. Поэтому переход его на сторону восставших имел решающее значение. Султан Абдул-Гамид очень скоро уступил требованиям революционеров, дал конституцию и политические свободы.

Как только конституция была объявлена, Ниази-бей был убит. Ходили упорные слухи, что в пылу личного спора Энвер-бей сам застрелил Ниази-бея. В беседах со мной два турецких офицера мне это подтвердили. Энвер-бей стал первым лицом революции.

Сам акт революции не повлек за собой большого кровопролития и прошел сравнительно быстро. И сами турки, и иностранцы были удивлены, как могли члены партии младотурок так быстро и гладко провести всю революцию?

Всем было известно, что правительство султана, не жалея средств, через своих бесчисленных агентов вело явную и тайную

борьбу и наблюдение не только за всеми значительными противоправительственными партиями в Турции, но и за многими простыми обывателями. Поэтому казалось удивительным, как младотурки, особенно военные, сумели организовать и так успешно провести революцию.

Надо признать, что действительно младотурки организовали свою партию прекрасно и совершенно в тайне провели всю революционную работу. Для возможного сохранения в секрете не только своих планов, но и списков личного состава партии младотурки прибегли к системе «троек», то есть каждый рядовой член партии знал имена и лично только двух своих сочленов и только с ними имел сношения. Таким образом, задержание кого-либо из членов партии не могло раскрыть властям всей обширности заговора младотурок.

Но не только одна система сокрытия организации дала столь блестящие результаты. Надо обратить внимание, что удачное восстание младотурок произошло в Македонии, где международный контроль установил действительную законность, прекрасные финансы и порядок. Этот контроль не позволил турецкому правительству развить в полной мере агентурную работу своей тайной полиции и произвести аресты людей без явного и достаточного основания. В Македонии турецкое правительство не могло действовать произвольно, как в других местностях Турции, оно не имело в своем распоряжении денежных средств для содержания секретной полиции в большом размере.

Все это, конечно, было на руку младотуркам и обеспечило их успех в Македонии. И они учли это преимущество, сосредоточив все свои силы и всю энергию именно в этой части Турецкой империи.

Во время моих личных бесед с турками я всегда слышал от членов партии, что только присутствие международного контроля, особенно иностранных офицеров в провинции, дало возможность спокойно развить в полной мере работу партий: «Жандармерия служила надежной защитой, не допуская арестов людей без предъявления им в законный срок обвинения, оправдывающего задержание. Только вам, иностранным офицерам, мы, турки, обязаны тем, что удалось прекратить тиранию самодержавного Абдул-Гамида. Установив законность в Македонии, вы тем самым нанесли удар произволу наших властей и прекратили бесчисленные тайные и явные аресты и казни тех, кто думал не согласно с мыслями нашего правительства. Мы должны всячески благодарить вас — без

вашего присутствия неизвестно когда удалось бы произвести удачную революцию».

После заключения контракта о принятии меня на турецкую службу я сделал визиты ко всем высшим местным властям по месту их службы. По совету генерала Шостака, я посетил и Энвер-бея, который был начальником отдела в штабе корпуса. Это был среднего роста, стройный молодой человек, брюнет, довольно красивый, эlegantный офицер генерального штаба, с энергичными, резкими чертами лица и с постоянно меняющимся его выражением.

Он мне очень скоро ответил визитом на дом, где у меня была и моя канцелярия. Моя жена, интересуясь личностью столь известного человека, вышла в гостиную. Сидя немного в стороне, она внимательно следила за Энвер-беем во время моего разговора с ним. Он довольно хорошо говорил по-французски. После его ухода жена заметила, что во время разговора моментами, когда я на него не смотрел, его глаза выражали крайнюю ненависть, глядя на меня, но как только я переводил свой взгляд на него, они моментально менялись и становились благодушными.

— Если Энвер-бей истинный патриот своего отечества, то он должен не любить меня, русского офицера. Кто же, как не Россия, уничтожил былую славу Турции, ее могущество и величие. Турки могут не только относиться отрицательно к России и ко всему русскому вообще, но могут и ненавидеть нас. Совершенно в таком же положении по отношению к России находится и другой народ — поляки, которые тоже могут считать русских виновниками разрушения своего государства. Но и те и другие забывают, однако, что не русские первые шли на них для захвата их земель, а сами поляки и турки двигались на Россию, постепенно забирая под свою власть все более и более наших территорий, мечтая даже, как поляки, захватить в свои руки верховную власть над Россией. Поляки стояли одно время в Смоленске, турки — на берегах реки Днестр. Россия двинулась на них, спасая себя. Народ забывает то, что было когда-то давно, и то, что он сам виновник настоящего положения. Но народ помнит твердо, кто именно низвергнул его с высокого пьедестала. Так было и будет всегда, — ответил я.

Первоначально я был назначен контролировать жандармерию в уезде Гевгели вместо нашего офицера Ф., которого генерал Шостак нашел необходимым отсюда перевести в другое место по причинам интимного свойства. По слухам, жена офицера Ф. оказалась в слишком хороших отношениях с местным каймакамом, молодым пашой.

Однако мое пребывание в городке Гевгели было очень кратковременным, чему я был чрезвычайно рад. Мне пришлось занять квартиру моего предшественника — другой в городке не было. Она помещалась на втором этаже большого старинного каменного дома. Первый этаж был нежилой, углубленный ниже уровня земли. Когда я из любопытства заглянул в щель, узнать, что находится внизу, то пришел в ужас. Мне вспомнилась баллада «Епископ Гаттон».

Все нижнее помещение было заселено огромными крысами, не только серыми, но и черными, хотя все входы в него были плотно заделаны. Число крыс, обитавших там, трудно себе представить — в этих помещениях крыс было не тысячи, а сотни тысяч.

На мое счастье, иначе сказать не могу, через две недели нашего пребывания в Гевгели генерал Шостак меня вызвал и предложил перейти в город Салоники в состав нашего русского центра. Я, конечно, с великой радостью согласился и тотчас же как мог быстрее переехал в столицу Македонии, где провел период, почти самый счастливый в моей жизни.

Удалось за очень скромную плату (100 лир, или 865 рублей, в год) найти отдельный роскошный трехэтажный маленький дом-дворец с большим садом. В этом вечно зеленом саду было более восьмисот кустов чудных роз разных сортов, кроме массы других цветов. Дом был окружен кустами роз с трех сторон, и когда они цвели, то дом казался игрушкой в огромном букете цветов. Терраса и балконы были обвиты виноградниками, приносящими осенью прекрасный виноград. Мы заняли только несколько комнат, оставив более половины пустыми.

Ответственного дела на меня генерал Шостак не возложил, а поручил мне быть при нем для поручений, которые были несложны: я бывал его представителем при посещении местных властей по его поручениям. В Салониках я второй, и последний, раз в жизни испытал, что отсутствие ответственности и сытая жизнь делают человека счастливым. Но, к сожалению, это продолжалось недолго.

Еще до моего прибытия в Македонию наше императорское правительство послало младотурецкому правительству ноту, в которой выражало полную симпатию новому парламентскому строю правления в Турции. Императорское правительство предлагало также отозвать своих представителей и офицеров-реорганизаторов из состава международной комиссии по контролю над управлением Македонией подобно Австрии, которая осуществила это по совету Вильгельма тотчас же по переходе власти в руки мла-

дотурок. В ноте говорилось, что Его Императорское Величество Государь Император соизволил указать своему правительству сделать это предложение, желая подтвердить свое полное доверие к новому строю в Турции.

Это предложение было сделано в начале июня месяца 1908 года в соответствии с мнением, представленным Государю нашим послом в Константинополе Зиновьевым. Зиновьев усиленно ходатайствовал перед Его Величеством о приведении его мнения в исполнение, так как подобный шаг, по словам Зиновьева, только укрепит русское влияние в Турции и подымет в значительно благоприятную сторону для нас вообще отношение турок к России. После некоторых колебаний Николай II согласился с Зиновьевым, и желание последнего было исполнено.

Как я уже упомянул ранее, со времени создания международного контроля в Македонии авторитет России значительно вырос. Лично я это ощущал при каждом, даже самом незначительном случае соприкосновения не только с турецкими властями всех степеней, но и с частными лицами.

Я был неплохим охотником-любителем. С таким же любителем охоты русским офицером капитаном Полтановым мы провели немало свободного времени в горах Македонии на охоте за козлами, фазанами, куропатками и другой дичью. Во время охоты мы останавливались в деревнях у простых крестьян и всегда встречали с их стороны неподдельную доброжелательность и полную готовность ко всяким услугам. Причем крестьяне нередко категорически отказывались от какого-либо вознаграждения, говоря, что они считают за честь услужить русскому.

Однажды мы пригласили с собой на охоту английского офицера, тоже охотника-любителя, и я отметил разительное отличие в отношении крестьян к нам, русским, и к англичанину.

Мы приехали в деревню, в которой бывали уже не раз. Крестьяне нас знали и всегда очень охотно давали советы, где водится больше фазанов и куропаток. Старшина деревни каждый раз высылал с нами проводников-охотников, знавших хорошо места нахождения дичи. Приехав на сей раз с англичанином, мы попросили по доброй привычке дать нам хороших проводников. Однако старшина, отозвав Полтанова в сторону, объяснил ему ситуацию. Для нас он и крестьяне всегда готовы сделать все, что могут, — но для англичанина этого делать не будут. Потому он очень просил

нас не обижаться, если проводник нашего спутника окажется плохим проводником.

Действительно, вернувшись с охоты, я и Полтанов были, как и наши проводники, отягощены набитыми фазанами, а наш приятель-англичанин принес только двух куропаток, хотя он был стрелком лучше нас обоих.

Надо сказать, он имел редкое по качеству ружье, сделанное ему оружейником короля Эдуарда VII. Будучи богатым человеком, он заплатил за него большую цену. Через очень короткое время этот англичанин был назначен на высший пост в одну из колоний, где охоты с дробовым ружьем не было. Он предложил нам купить это ружье за предложенную цену. Я ему предложил сколько мог, и он отдал ружье мне. Это ружье обладало удивительно высокими качествами. К сожалению, его пришлось оставить со всеми моими вещами в городе Козеницы, Радомской губернии, где впоследствии все мое имущество было ограблено нашими, русскими войсками.

Я привел незначительный случай на охоте как небольшое доказательство искренних симпатий к нам населения Македонии. Можно с уверенностью сказать, что к 1908 году авторитет России в Македонии дошел до зенита. Он был близок к авторитету России времен нашего посла графа Шувалова, который был сокрушен английскими интригами, доведшими до Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Излагая факты, связанные с нотой нашего правительства о нашем отозвании, я забегаю несколько вперед. Я вынужден это делать для связности и большей ясности рассказа, ибо, как я уже упомянул, нота была послана в начале июня месяца 1908 года, а ответ на нее был получен только в мае месяце 1909 года, то есть через одиннадцать месяцев. Хотя наш посол заявлял ее еще дважды, турки, однако, не отвечали. Они явно демонстрировали нежелательность отозвания русских из Македонии. Но Зиновьев был глух и настойчив. Он просил Порту ответить положительно.

Считаю необходимым отметить, что мой контракт с турками был заключен на шестилетний срок, исключительно по настоянию командира 3-го турецкого армейского корпуса. Это было абсолютной неожиданностью как для нашего консула Кохманского, так и для генерала Шостака, которые уже знали о получении Порто предложения нашего правительства. Конечно, об этом знал и командир турецкого корпуса.

До этого времени со всеми офицерами, ранее бывшими в составе международного контроля, все контракты заключались только на два года, несмотря на неоднократные предложения со стороны всех консулов, как иностранных, так и нашего, заключать контракты на более продолжительные сроки. Очевидно, длительностью срока моего контракта турки хотели дать молчаливый отказ предложению нашего правительства.

Наше правительство почему-то не пожелало этого понять и, в конце концов, настояло на нашем отозвании.

Еще когда мы шли из Одессы в Салоники, наш пароход остановился на два дня в Константинополе. Я смог представиться послу Зиновьеву, который случайно оказался не на своей даче в Буюк-Дере на берегу Босфора, а в городе. Это был небольшого роста, подвижный, худощавый пожилой человек, более шестидесяти лет. Он вступил со мной в продолжительный разговор и между прочим высказывал свое мнение о бесполезности и даже вредности участия русских в комиссии международного контроля. Меня, свежего человека, не знающего совершенно положения вещей, его речи удивили.

Агент Русского общества пароходства и торговли, о котором я ранее упоминал, рассказал мне кое-что про быт нашего посольства в Константинополе и между прочим — про Зиновьева. По его словам, Зиновьев поддерживал знакомство с сестрами-француженками из немецкой Швейцарии, красивыми, молодыми женщинами, причем, по сплетням, с одной из них он был близок. Он проводил в этой семье все свое свободное время и был всецело под их влиянием. Он делал все, что эти женщины его просили, а также помогал им и материально.

В скором времени по прибытии в Салоники, мне подтвердили этот рассказ агента Русского пароходства. По мнению многих в Македонии, сестры были германскими агентами, заставлявшими его вести нашу политику, так как это было выгодно Вильгельму. Надо сказать, когда я служил в управлении Генерального штаба, я также слышал об этом.

Государь относился весьма благожелательно к Зиновьеву, ценил его как отличного политика, прислушивался ко всем его докладам, уважал его мнение и потому часто поступал вопреки советам министра иностранных дел. Внешней политикой России, как известно, руководил лично сам император.

Удивительно поведение нашего посла Зиновьева в данном вопросе, решение которого произошло не в пользу, а явно во вред России.

Продолжая интересоваться делом тайной разведки, я решил заняться Македонией.

Когда я получил назначение в Македонию, то взял в штабе сборник сведений о состоянии вооруженных сил иностранных государств — весьма секретное издание нашего Генерального штаба. Эти сборники выпускались периодически по мере накопления новых материалов о разных армиях, и в них помещалось все, что удавалось Генеральному штабу узнавать о положении военного дела за границей. Это были справочники отдельно по каждому государству.

После внимательного ознакомления со сборником о турецкой армии, я убедился, что он далеко не полон, что сведения о дислокации турецких военных сил были крайне устаревшими (хотя сборник был 1907 года издания) и совершенно не соответствующими действительности, как, впрочем, и многие другие сведения. Я пришел к заключению, что прежде всего полезно будет собрать по возможности более полные и верные данные о расположении частей турецкой армии, что имело бы огромное значение для определения скорости ее мобилизации.

Зная по службе в Главном управлении Генерального штаба, насколько хороши были наши отношения с Болгарией, и особенно с ее главным штабом, я считал необходимым сделать визиты болгарскому консулу Бобчеву и некоторым из служащих консульства. Генерального штаба капитан Мустаков официально исполнял обязанности одного из секретарей болгарского консульства, а на самом деле состоял негласным военным агентом, наблюдая за штабом 3-го армейского корпуса. С Мустаковым я очень скоро вошел в самые дружественные отношения.

Обратился к моему новому другу капитану Мустакову с просьбой помочь в моей работе. Он ответил, что не может лично решить этот вопрос, так как и сам собирает сведения для своего генерального штаба, но немедленно пошлет в Софию за указаниями.

Через недели две Мустаков попросил меня зайти к нему в консульство. Он дал мне прочесть подлинный ответ на его запрос, в котором разрешалось ознакомливать меня со всеми сведениями о турецкой армии, какие имелись у Мустакова, но с непременным условием сохранения полной конфиденциальности. Я мог доно-

сдать эти сведения только прямо нашему Генеральному штабу (и никому более), не сообщая при этом об источниках информации.

Это разрешение, полученное в августе месяце 1908 года, было явным доказательством самого дружелюбного отношения болгарского правительства к России. Передавая мне документ своего штаба для прочтения, Мустаков сказал:

— Да я другого ответа и не ожидал, так как ведь мы находимся в тесном союзе и у нас один извечный враг — Турция. Нам, болгарам, выгоднее, чтобы вы знали турок возможно лучше. Я вам открою свои карты и вообще постараюсь передать вам все, что знаю о турецкой армии.

Капитан Мустаков познакомил меня со всеми результатами своей работы и даже со своими агентами — турецкими офицерами штаба корпуса, услугами которых он пользовался.

Для составления дислокации турецкой армии мне нужно было знать расположение частей войск в Европейской Турции и в Малой Азии. Сведения по Европейской Турции передал мне Мустаков — данные о Малой Азии его не особенно интересовали. При посредстве указанных турецких офицеров за сравнительно скромное вознаграждение, выплачивавшееся мною из собственных средств, мне удалось добыть все необходимые данные.

Таким образом, я составил дислокацию всей турецкой армии с обозначением на карте Турции крупного масштаба расположения всех частей армии, не исключая мелких команд. В приложенной объяснительной записке был приведен численный состав всех частей мирного и военного времени, с отметками действительного числа офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов, а также получаемого частями пополнения при мобилизации. На карте были отмечены и пункты сосредоточения крупных войсковых единиц до корпусов включительно.

Кроме этой карты, составленной мною лично, капитан Мустаков передал мне составленную им ведомость сосредоточия турецкой армии в Европейской Турции. По данным, переданным мне штабным офицером, я составил такую же для армии, предназначенной действовать в прикавказском театре военных действий.

Я был связан условием, что все сведения, так или иначе доставшиеся мне при содействии капитана Мустакова, я имею право сообщать только нашему Генеральному штабу. Поэтому представить мои работы в Главное управление Генерального штаба я должен был, минуя нашего военного агента полковника Хольмсена.

Как раз, когда был окончен мой более чем четырехмесячный труд с затратой в общем немалых денег, генерал Шостак отправлялся в Санкт-Петербург. Я попросил его передать всю мою работу офицеру-делопроизводителю, ведавшему Турцией, что он и исполнил, попросил уведомить меня лично о получении штабом моей работы. К моему удивлению, из штаба мне никто так и не ответил.

Через несколько лет мой товарищ по выпуску Московского военного училища, с которым я был всегда дружен, Генерального штаба полковник С.А. Головань, бывший одним из делопроизводителей Главного управления Генерального штаба, на вопрос, не знает ли он что-либо о моей работе относительно турецкой армии, ответил:

— Как же не знать — ведь я видел, как в турецком столе перепроносили твою карту для другого экземпляра. Несомненно, твоя работа была выдана за труд самого штаба. Вот почему тебе никто ничего и не сообщил.

Конечно, не получив от штаба «ни ответа, ни привета», я совершенно прекратил свою деятельность по тайной разведке.

Наше правительство не пошло на союз с Японией, которая его предлагала перед войной 1905–1906 годов. Так и русская политика по отношению к Болгарии была близорука и напрасно игнорировала ее, отдавая всегда предпочтение Греции и Сербии.

Можно с уверенностью сказать, что если бы Болгария вошла в общеславянский блок с Россией, а не встала на стороне Германии, то вряд ли и Турция пошла бы против нас, будучи отделена территориально от немцев. Война, несомненно, была бы окончена до начала революции в России, и наша история пошла бы по другому пути.

Следует помнить, что Турция и Болгария, усилив Германию в военном отношении, снабжали ее продуктами питания на протяжении всей войны, отдалив ее поражение на значительный промежуток времени.

А было вполне возможно разумной политикой по отношению к Болгарии и прямым признанием ее жизненных интересов отстранить ее от наших врагов. Тогда две гирьки были бы сняты с весов Германии. А одна из них попала бы на весы союзников, дав им значительную выгоду не столько в военном отношении, сколько невозможностью для Германии получать снабжение из Малой Азии.

В продолжение моего близкого знакомства с капитаном Мустаковым мне приходилось очень часто вести с ним дружеские беседы на политические темы. Я считаю интересным привести краткий конспект его рассуждений.

«Непонятно, почему ваше правительство не ведет с нами, болгарам, открытую политику. Нам нужен свободный выход в Средиземное море для вывоза наших сырых сельскохозяйственных продуктов, нам нужен удобный, устроенный порт Салоники. Но на него претендуют Сербия и Греция. Но первая, в случае удачной войны славян во главе с Россией против Австрии и Германии, может получить порт на Адриатическом море, а вторая не нуждается в портах вообще, так как у нее их и так с избытком. Между тем ваше правительство явно работает с выгодой для греков и сербов, пренебрегая совершенно нами, болгарам!».

«Наше правительство всячески, даже в мелочах, старается делать все, что возможно, чтобы привлечь симпатии России. Ближайшим примером может служить случай с вами. И таких примеров можно привести много. А сооружение величественного памятника-музея Царю Освободителю Александру II, воздвигнутого на средства, собранные со всей страны? Разве это не яркое доказательство глубокой дружбы и чувств болгар к своему старшему брату? Почему правительство императора не дает согласия отдать нам в будущем Салоники, а будто бы обещает их Греции? Недаром греки собрали деньги, купили большой участок земли в Салониках и уже построили дворец для их короля. Вы наверняка уже видели этот дворец».

«Болгары признают свои обязанности младшего брата по отношению к России, но тем не менее для нашего развития необходима здравая, реальная политика. Если зиновьевская игра в разные стороны без прямых, ясных данных не изменится, то я уверен, что наше правительство будет вынуждено когда-нибудь взять протягиваемую ей сильную руку немцев, которые обещают нам в случае победы Германии и Австрии всю Сербию, Черногорию и даже часть Адриатического побережья. Какие огромные перспективы — Великая Болгария! Но я твердо уверен, что наше правительство согласится всегда и на гораздо меньшее, лишь бы оставаться в союзе с Россией — дайте нам часть Македонии с Салониками и Ковальский округ. Наш царь — немец, и, конечно, его симпатии на стороне Вильгельма. Однако он всегда помнит, что весь болгарский народ за Россию. Фердинанд — отличный политик, знаю-

щий, что делает, он не раз это доказал за время своего правления Болгарией. Быть может, ему постепенно и удастся повернуть всю политику в сторону немцев, если ваше русское отношение к нам не перестанет следовать зиновьевской программе».

«Не дай бог, чтобы последнее предположение осуществилось когда-либо — я учился в Санкт-Петербурге в Академии Генерального штаба, проникся русским духом и полюбил Россию искренне и глубоко. Я был бы не в силах поднять свой меч против вас, братьев — спасителей моей Родины».

Во время моих долгих бесед с капитаном Мустаковым я никогда не думал, что ужасное случится и Болгария пойдет против нас!

Во время составления настоящих записок 27 августа 1934 года, то есть спустя семнадцать лет после выхода России из Великой войны, я прочел в газете об освящении памятника на перевале горы Св. Николая около Шипки. Торжественное открытие памятника продолжалось два дня. На почетных местах были русские и болгарские ветераны Освободительной войны. Царь Борис в присутствии около 90 000 человек со всех концов Болгарии произнес горячую речь, в которой он прославлял геройские подвиги русских войск и болгарских легионеров, погибших за освобождение болгарского народа. Он отдал дань памяти героям этой эпохи, а особенно императору Александру II и русскому народу, которые выполнили это великодушное начинание. Царь Борис сказал:

— Освященный сегодня памятник является выражением глубокой неумирающей благодарности болгарского народа, который навсегда сохранит в своем сердце воспоминание о Великой Освободительной войне.

Мне думается, что так не поступают и так не говорят враги. Как русский, я не могу оправдать никоим образом поведение болгар в Великую войну. Но я смею полагать, что только совершенно непродуманная политика нашего правительства по отношению к Болгарии способствовала предательской работе царя Фердинанда Кобургского. Это облегчило Фердинанду труд заставить болгарский народ встать на сторону Германии, уверяющей болгар в возможность исполнения несбыточных мечтаний о создании Великой Болгарии.

Несомненно, что удержать Болгарию в числе наших союзников было совершенно нетрудно (так же как легко было избежать войны с Японией в 1905 году) и приобрести взамен врага, подготавлившего крушение нашей Родины, верного друга.

Я беру на себя смелость сделать следующее заключение:

Болгария — вторая Япония, но в значительно уменьшенном размере. Однако результаты политики его величества в отношении той и другой страны привели к одинаковому результату — войнам, гибельным для великой России.

Еще до моего прибытия в Турцию наши офицеры через посольство получили приглашение представиться султану. Они поехали в Константинополь и в назначенное время явились в султанский дворец. Они были введены в приемный зал, где их ожидало разочарование — какой-то паша объявил им, что султан внезапно заболел и потому выйти к ним не может, но просит принять от него, как возмещение за путевые расходы, по 50 золотых лир (432 рубля). Все офицеры приняли эти деньги, кроме одного — капитана Цветкова, который резко отказался.

Летом 1908 года в Салоники приехал вождь конституционно-демократической* партии, член Государственной думы известный П.Н. Милюков. По каким-то непонятным для простого смертного причинам он не посетил никого из русских представителей, как гражданских, так и военных. По словам, переданным мне капитаном Мустаковым, П.Н. Милюков собирал общие сведения о положении в Македонии и вел разговоры с младотурками.

Мне приходилось нередко посещать служебные места турецких властей, и везде я всегда встречал самое предупредительное и любезное отношение. Приходилось бывать и на обедах у турок. На обеде у одного пашы была подана великолепная индюшка. Паша занимал довольно видную должность — коменданта города Салоники и, видимо, придерживался старых обычаев страны. Перед подачей индюшки трое слуг поднесли хозяину дома таз, кувшин с водой и полотенце. Он вымыл тщательно руки, засучив рукава, сложил их ладонями наружу и засунул их довольно глубоко вовнутрь индюшки. Захватив ее за ноги, он оторвал их от тела одновременно. Первый кусок он положил на тарелку наиболее почетного гостя, затем весьма искусно разорвал на куски всю индюшку и разложил по старшинству всем присутствовавшим.

В отношениях турок к христианам в частной жизни, не только в среднем классе, но и в высшем, было заметно старательно скры-

* Кадетской.

ваемое недоброжелательство. Например, рядом с домом, занимаемым капитаном Мустаковым, жил богатый паша, старавшийся подлаживаться под европейский лад. У него был дочь лет восьми-девяти, того же возраста была дочь Роза и у Мустаковых.

Дети каждый день играли очень дружно в саду у Мустаковых. Однажды во время игры кофточка у Розы расстегнулась, и крестильный крестик на золотой цепочке оказался снаружи. Увидев крест, девочка-турчанка со злобой схватила его, с силой рванула, оборвала цепь, поранив до крови шею Розы, и, бросив крест на землю, стала его топтать ногами. На плач Розы прибежала ее мать и застала эту сцену. Конечно, с этого времени прекратилась дружба детей и знакомство родителей. На жалобу Мустакова паше последний с легким смехом ответил, что на подобные случаи не стоит обращать внимание.

Дома, в которых жили турки, имели своеобразную архитектуру. На улицу обыкновенно выходили небольшие закрытые балконы, часто без окон с передней стороны. Но с боков имелись узкие оконца, прикрытые всегда прозрачными занавесками, сквозь которые проходящей европеец часто мог видеть при некотором падении света на окно блестящие глаза турчанки, внимательно смотревшей на прохожего. Но если около европейца поблизости был турок, то у окна никого не было заметно.

Население города Салоники того времени составляло более 200 000 человек. Из них около 120 000 были евреи из Испании, бежавшие оттуда во времена их изгнания. Часть из этих евреев приняла магометанство, чтобы не подвергаться преследованиям со стороны турок. Эти евреи получили свое название — «далмэ». Но перемена религии была у них только видимая. Хотя они праздновали турецкие праздники, но старательно чтили и еврейские — ходили изредка в мечеть, но не проходили мимо синагоги.

Вся торговля была в руках евреев, армян и греков. Турецких лавок я не заметил. Вообще ни в Македонии, ни во всей Турции не было никакой собственной промышленности — исключительно сельское хозяйство.

Почта была и русская, и французская, и английская, и итальянская, и австрийская, и германская, за исключением турецкой.

Все железные дороги были в руках большой компании австрийского барона Гирша. Его компания построила путь от Константинополя до Салоник и далее на север к Вене. Турецкое правительство в качестве собственного взноса за неимением денег

отвело в полную эксплуатацию компании Гирша полосу земли в 20 километров шириной по обе стороны от строящейся железной дороги.

Компания умышленно постаралась проложить путь по местности, наиболее богатой естественными богатствами. Прежде всего с указанной полосы земли был сведен весь лес, к чему-либо годный, этим была окуплена постройка дороги. Кроме доходов с отведенной полосы, турецкое правительство гарантировало Гиршу определенный, довольно высокий доход с каждого пройденного железной дорогой километра.

Дороги содержались крайне бедно. Служащие получали самое мизерное вознаграждение. Подвижной состав поездов был из рук вон плох. Только немногие поезда прямого сообщения имели приличные вагоны. Все остальные поезда ходили с вагонами допотопного типа, даже первого класса. У нас в России никто не имел даже представления о таких вагонах.

Вагоны разделялись на отдельные купе с двумя сиденьями в каждом. Вход в каждое купе был прямо снаружи вагона — отдельные купе не имели общего сообщения внутри вагона. Отопления не было, но в холодное время на определенных станциях в каждое купе вносили жестяные коробки, наполненные кипятком, и ставили их в особые гнезда под сиденьями, взамен остывших. Таким образом, температура поддерживалась на высоте 12–15 градусов по Цельсию. При необходимости выйти для естественной надобности приходилось ожидать станции. На каждой станции можно было наблюдать, как пассажиры спешно выбегали из вагонов и тут же рядом располагались для своих нужд.

В Турции производство и продажа табака, изделий из него была предоставлена в исключительную монополию французско-еврейской компании Рэжи. Рэжи царствовала по всей стране. Ни один сельский хозяин не мог производить табак, не уплатив Рэжи установленную плату за право разведения табака. Рэжи не только через своих агентов, но и через всех правительственных чиновников наблюдала за исполнением своих правил и порядков. Различные чиновники гражданского ведомства получали особое ежемесячное вознаграждение от Рэжи за надзор за соблюдением интересов компании. Даже в армии все офицеры, начиная с ротного командира и выше, также имели ежемесячную субсидию от Рэжи для контроля за тем, чтобы солдаты не курили других табаков, кроме Рэжи.

При такой системе было естественно, что все табачные изделия в Турции были несуразно дороги, имея в виду сравнительную легкость производства табака, прекрасно произрастающего на землях Турции. Рэжи зорко следила за тем, чтобы сельские хозяева нигде не смели насаждать площади под табак больше нормы, определенной компанией, чтобы не было не только перепроизводства, но и не мог бы поступать в продажу контрабандный табак, не обложенный налогом Рэжи. Эта монополия была, несомненно, общим несчастьем для всей Турции — турки курят поголовно, как мужчины, так и женщины.

Все горные богатства Турции были в руках английских компаний на основаниях, подобных Рэжи. Никто из жителей не мог использовать недра своих земель без ведома и разрешения англичан.

Вообще вся промышленность Турции была в руках иностранцев, не исключая даже шелковой. В городе Смирна известные смирнские ковры выделывались в больших количествах французской компанией ковров и продавались квадратными метрами.

В магазинах покупатель не мог найти своего турецкого изделия. Даже исторический головной убор — феска — и та производилась иностранцами. Только на базарах и у антикваров можно было иногда приобрести кое-какие старинные вещи и ткани, да и то очень часто это были искусные европейские подделки.

На огромном базаре в Салониках, который я часто посещал, нельзя было найти ни одного предмета турецкой работы, за исключением немногих ковров и женских вышивок и рукоделий.

По дороге из Македонии в Россию в Константинополе на наш пароход сел германский офицер. Он сам признался, что был продолжительное время в Малой Азии с целью военной разведки. Между прочим, он показал мне, восхищаясь качеством работы, несколько стаканчиков и других изделий из серебра, чеканных золотом и покрытых цветной эмалью. Он вез их в Германию для подарка своим близким. Приглядевшись, я заметил очень мелким шрифтом название известной петербургской фирмы Хлебникова.

Евреи, выходцы из Испании, — довольно видный красивый, народ, совершенно не похожий на русских евреев. Женщины их тоже красивы, хорошо сложены и видного роста. До установления младотурецкого режима молодые еврейки до замужества носили корсажи настолько открытые, что видны были полностью все груди. Новое правительство запретило эту моду, и еврейки закрыли груди тонкой материей.

Около занимаемого мною дома была греческая школа. Почти каждый день ученики пели на дворе хоровые песни. Между прочими песнями они пели как марш одну и ту же песню. Она меня заинтересовала. Я попросил моего переводчика с греческого прослушать песню и передать мне ее содержание. Оказалось, что в этом марше рассказывалось о войне греков с турками в 1905 году, о том, как греческая армия победоносно дошла почти до Константинополя, но по требованию русского царя принуждена была отказаться от наступления на столицу Турции и заключить невыгодный для них мир. На самом деле, как известно, было все наоборот. Греческую армию турки разбили наголову при первом сражении у границ Греции и победоносно вступили в ее пределы. Только великодушное решительное слово императора Николая II остановило нашествие турок и значительно смягчило невыгодные для греков условия мирного договора.

В конце декабря месяца мне удалось получить приглашение на маневры турецких войск в окрестностях города Салоники. На маневрах, продолжавшихся три дня, участвовали две дивизии со всеми другими специальными родами оружия. Было удивительно, что войска не имели никакого организованного довольствия пищей. Этот нелегкий вопрос был разрешен простым способом — все участники маневра получили по два пиастра (17 коп.) в день на руки. Поэтому за войсками непосредственно следовали торговцы продуктами (маркитанты), что, конечно, не могло вносить порядок в движение воинских частей.

Наблюдая за солдатами, я поражался их дисциплинированности и выдержанности. Особенно это было заметно на походе и во время остановок. При движении на большие расстояния совершенно не было заметно отставших или идущих не на своих местах солдат. Все солдаты и офицеры шли стройными командами без каких-либо понуждений начальников. При остановках для передышки все спокойно останавливались, не курили, не разговаривали. Не было слышно ни смеха, ни шума. Курили только на больших привалах. В случае надобности выходили из рядов по возможности далее от дороги. При исполнении своих потребностей солдаты явно стремились скрыть свои действия от взглядов товарищей.

Совершенная противоположность русскому солдату, мало признававшему элементарную скромность. Я невольно провел параллель с дисциплиной в нашей армии при подобных походах. Вы-

нужден признать, что солдат-турок несравненно более дисциплинирован сам по себе, нежели наш русский.

Наряду с указанными положительными чертами, видно было, что войска плохо обучены во всех отношениях. Думаю, что излишне производить какой-либо анализ маневренных действий турецких войск. Потому даю только общую краткую оценку того, что видел.

За несколько месяцев до отъезда из Салоник наша активная деятельность, как офицеров — организаторов жандармерии, постепенно сократилась во исполнение секретного предложения посла Зиновьева.

В апреле турецкое правительство, наконец, сообщило послу, что оно ничего не имеет против отозвания из состава международной комиссии по управлению Македонией русских представителей, как гражданских, так и военных, заведовавших реорганизацией жандармерии. Уже в мае все русские офицеры выехали из города Салоники.

К пароходу проводить нас пришли все, находившиеся в Салониках иностранные представители комиссии. Несмотря на многословные сожаления по поводу нашего отъезда, на их лицах было ясно видно чувство удовлетворения. Мы же чувствовали себя школьниками, которых за провинности выгоняли из класса. Мы также понимали, что с нами вместе уходит из Македонии все русское.

Когда пароход дал последний свисток, у меня в груди что-то дрогнуло и к глазам подступили слезы обиды. Я посмотрел на своих товарищей и заметил на их лицах те же чувства.

По прибытии в Константинополь мы все сделали прощальные визиты составу посольства. Посол Зиновьев пригласил нас обедать. За обедом он распространялся о польности нашего ухода из международной комиссии для взаимоотношений России и Турции. Никто из нас ему ничего не возразил, было ясно, что какое-либо возражение бесполезно.

Все мы поехали в Санкт-Петербург, где встретились с генералом Шостаком, который незадолго перед нашим общим отъездом получил назначение на должность начальника дивизии в город Рязань.

Как бывшие в заграничной командировке с Высочайшего соизволения, мы имели право по возвращении представиться Его Величеству, чем и предполагали воспользоваться, еще будучи в Са-

лониках. Мы думали преподнести Государю составленный соединенными усилиями альбом собственной работы, заполненный фотографиями, которых было около двух тысяч, и немалым числом оригинальных акварельных рисунков о всей нашей деятельности в Македонии.

Между нами был капитан Б.К. Воронин, прекрасный художник-любитель, который нарисовал большое число акварелей, украсивших каждую страницу альбома, заполненную фотографическими снимками. Альбом получился весьма внушительный как по содержанию, так и по внешнему виду. В конце мая 1909 года нам было назначено представление нас Государю в Царском Селе во время общего приема. Но накануне каждый из нас получил уведомление, посланное фельдъегерем, что Его Величество пожелало нас принять через день в отдельной аудиенции.

На вокзале в Царском Селе мы были встречены фельдъегерским офицером с нашим поименным списком, в соответствии с ним он предложил нам сесть в придворные кареты, ожидавшие нас у вокзала. При проезде ворот дворца кареты были остановлены. Нас проверил офицер, сам открывавший дверцы карет и называвший чины и фамилии находившихся в каждой карете. По прибытии во дворец нас встретил дежурный флигель-адъютант, еще раз справивший наши фамилии.

Он провел нас в помещение личного музея Его Величества, где хранилось множество предметов, преподнесенных в разное время царской семье. Я случайно обратил внимание на отдельный столик, на котором находилось удобно поставленное увеличительное стекло. Как оказалось, под увеличительным стеклом находилось пшеничное зерно, на котором был четко написан гимн «Боже, царя храни». Более я ничего не успел заметить, так как нас сразу пригласили пройти далее. Мы оказались в кабинете, как потом узнали, императора Александра III. Это была среднего размера комната, отделанная красным деревом. Слева около двери, через которую мы вошли, шла лестница наверх. С правой стороны стоял бильярд для игры в «карамбольные партии?», без луз. У стен стояло несколько книжных шкафов. В левом противоположном углу у окна стоял письменный стол, около которого на небольшом столе лежал наш альбом, предварительно сданный нами в Главный штаб.

Флигель-адъютант попросил нас встать по старшинству около бильярда. Вскоре в правом углу бесшумно открылась незаметная

дверь, из которой вышел Государь. Он был в форме Императорской фамилии лейб-гвардии Стрелкового батальона. Подошел к генералу Шостаку и очень любезно поздоровался с ним. Затем Шостак представил Государю всех нас по старшинству. Император подал каждому из нас руку.

После представления он подошел к нашему альбому и долго, внимательно, страницу за страницей, рассмотрел его. На первых страницах были наши карточки, причем я был снят в штатском костюме. Государь посмотрел на карточку, на меня, улыбнулся и сказал:

— Я бы не узнал вас в штатском — как же меняет военная форма!

Генерал Шостак и некоторые из нас дали объяснения Его Величеству на многие вопросы по альбому.

После просмотра альбома Государь встал среди нас и начал расспрашивать вообще о положении в Македонии — подробности о революции, произведенной младотурками. Затем он спросил тоном, ожидающим подтверждения:

— Как вы думаете, зная положение в Македонии, какое впечатление произвел на турок ваш отъезд из Салоник?

Было видно, что ни генерал Шостак, ни другие офицеры не знали, не будучи подготовленными, что ответить на этот совершенно неожиданный вопрос. Некоторое время стояло молчание.

— Да, как вы думаете? Наверное, самое благоприятное? — продолжал Государь.

У меня молнией пронеслась мысль, что я должен сказать своему императору истину:

— Ваше Императорское Величество, имею смелость думать, что посол Вашего Величества в Константинополе Зиновьев совершил ошибку, возбудив вопрос перед турецким правительством о нашем отозвании. Россия лишилась десяти своих агентов в самой густонаселенной части населения Македонии. Они привыкли в продолжение почти шести лет видеть в русских офицерах своих искренних защитников от своеволия не только турецких властей, но и от нападений жителей-турок. Офицеры в свою очередь научились понимать славян, в большинстве своем населяющих Македонию. Среди населения возникло понимание, что Ваше Императорское Величество является истинным, великодушным защитником единоверных славян. Смее утверждать, что русское влияние, по крайней мере, в Салоникском вилайете за время нашего там

пребывания дошло до зенита. Со дня нашего отозвания русское влияние, несомненно, будет падать, о чем позаботятся особенно все иностранные офицеры.

Его Величество не дал мне продолжить, отвернулся от меня, ничего не сказав, и прекратил беседу. Обратившись ко всем нам, он пожелал всего лучшего в нашей службе Ему и Родине. Генерал Шостак обратился к Нему в последний момент:

— Ваше Императорское Величество! Осмеливаюсь ходатайствовать перед Вами об устройстве дальнейшей судьбы доблестных офицеров, здесь присутствующих, которые не за страх, а за совесть служили Вашему Величеству и делу своей Родины на чужбине. Прошу о назначениях их на должности, где они могли бы и у себя дома приложить тот богатый опыт и знания, которые они приобрели, находясь в Турции.

Государь немного подумал и ответил:

— Полагаю, что вы могли бы быть полезны на службе по Министерству внутренних дел, а потому прошу вас, генерал, доложить министру двора, что я согласен, чтобы он поставил в известность о моем желании министра внутренних дел.

После этого император подал каждому из нас на прощание руку, **кроме меня одного**, и, сделав общий поклон, удалился.

Во время моей краткой речи я смотрел прямо в глаза своего Государя, и мне показалось, что цвет Его прекрасных глаз из ясно-голубого стал переходить в зеленоватый. Он начинал волноваться, что было заметно по нервному движению правой руки, которая поправляла слабым движением воротник Его малиновой шелковой рубашки под типичным кафтаном формы стрелков Императорской фамилии.

Наша аудиенция продолжалась один час пятнадцать минут.

По выходе из кабинета дежурный флигель-адъютант пригласил нас позавтракать и провел в сравнительно небольшую комнату, в которой был сервирован круглый стол. Завтракали мы одни, все сидели крайне смущенные, генерал Шостак несколько раз укоризненно посмотрел на меня, давая понять, что я совершил опрометчивый поступок. Сам я был совершенно удручен явно выраженным моим Государем полным неудовольствием по отношению меня, проявившимся в том, что Его Величество не выслушал мои слова до конца и не подал мне при прощании руки.

Сидя за завтраком во дворце я подумал:

«Что бы сделал бы японский офицер на моем месте?»

«Конечно, покончил бы с собою», — ярко блеснула во мне мысль.

Должен ли и я так поступить? И тотчас почувствовал, что я, русский офицер и потомственный дворянин, этого сделать не в состоянии из-за отсутствия силы воли. Тут же за столом во дворце я решил, что не должен продолжать нести службу Его Императорскому Величеству, а обязан при первой возможности уйти в отставку.

После представления Государю, я счел нужным явиться начальнику Генерального штаба генералу Палицыну, который всегда хорошо ко мне относился. Отправился в Главное управление Генерального штаба, где помещалась его квартира и служебный кабинет. В приемной за прежним столом сидел его секретарь Панов, приветливо меня встретивший.

Он сообщил, что на днях генерал Палицын был назначен членом Государственного совета, а вместо него начальником Генерального штаба стал генерал Сухомлинов, совсем лично мне неизвестный. Это было для меня неожиданностью. Конечно, надо было бы просто уйти, но, к сожалению, Панов уже доложил обо мне

Вскоре из кабинета вышел Сухомлинов в форме офицерской кавалерийской школы, весьма схожей с гусарской, с накинутым на плечо ментиком, отделанным собольим мехом. При его небольшом росте, достаточной тучности, почти лысой голове он произвел на меня впечатление слегка комическое. Я подошел к нему и доложил, что являюсь как прибывший из заграничной командировки. Сухомлинов только сказал:

— Очень приятно, — и тотчас попрощался.

Из Петербурга я поехал в город Выборг*, где стоял 8-й Финляндский стрелковый полк. Я был переведен в этот полк из штаба при назначении меня в Македонию. Сравнительно скоро из Департамента личных дел Министерства внутренних дел я получил предложение быть назначенным становым приставом на юг Пермской губернии. Я принял это за насмешку и возвратил бумагу, написав на ней: «Читал».

По наведенным мною справкам, совершенно такие же предложения получили и все остальные мои сотоварищи по бытности в

* Финляндия. (Ныне в составе России. — Примеч. ред.)

Македонии. Конечно, никто из них не польстился на столь блестящее предложение быть становым в деревне, командуя десятью стражниками.

Около города Выборга у меня было небольшие имение. Оно мне досталось неожиданно в качестве наследства от дяди, брата моего отца, умершего в Астрахани. Я его никогда не знал, как и он меня. Это имение находилось в двенадцати километрах от селения Красное Село*, где я провел свое раннее детство. Владение этим имением и понудило меня при командировании в Македонию перейти в стрелковый полк, квартировавшийся в Выборге, то есть недалеко от имения.

В Финляндии. Оставление военной службы

В августе 1708 года войска Петра Великого под командованием князя Голицына (или генерала Чернышева, точно не удалось установить), наступая по большой дороге, идущей от Санкт-Петербурга до крепости Выборг, встретили серьезное сопротивление шведов. Укрепившись на северном берегу речки Молло-йоки, шведы защищали подступы к крепости Выборг.

Мое имение занимало возвышенный участок, как раз тот, на котором происходило сражение при реке Молло-йоки. Посередине имения пролегла большая дорога из Санкт-Петербурга. Границами имения были берега озер Молло-ярви и Еувропя-ярви и речка Молло-йоки. Эта речка вытекает из озера Молло-ярви и впадает в озеро Еувропя-ярви. Она являлась северо-западной границей моего имения, длина ее — всего около трех километров.

Позиции шведов занимали все дефиле между этими двумя озерами, имея перед собой быстро текущую речку, не проходимую вброд. За речкой находился густой вековой лес, не дававший возможности артиллерийского обстрела позиции шведов. Несколько повторных атак, произведенных нашими войсками, были отбиты. Обходное движение вокруг озер было сопряжено с большими затруднениями из-за обширности и полного отсутствия дорог, которые надо было пролагать по сплошному лесу.

Русский полководец с честью вышел из затруднения. Его войска отступили на небольшое расстояние. Построив из толстого леса

* По-фински — Куугöla.

достаточное число плотов, они спустили их на озеро Молло-ярви, отвлекая все время внимание шведов небольшими атаками их позиции.

С наступлением темноты, когда не было луны, соблюдая полную тишину, русским удалось незаметно проплыть по озеру мимо правого фланга позиции шведов и с рассветом высадиться на берег в тылу противника. Шведы оказались застигнутыми врасплох. Понесся огромный потери, они вынуждены были отступить с сильной позиции, закрывавшей подступы к крепости Выборг. Взятием Молло-йокской позиции судьба крепости Выборг была решена в пользу русских.

На принадлежащем мне участке были расположены два сомкнутых укрепления, составлявшие в те времена, надо полагать, передовой тэтдепон* шведской позиции, защищавший деревянный мост через реку Молло-йоки.

А в моем лесу недалеко от дороги на совершенно ровном участке возвышались два небольших правильных холма. Местные старожилы говорили мне, что, по преданию, — это братские могилы русских и шведских воинов, павших в боях у реки Молло-йоки.

Озеро Молло-ярви (длиною пятнадцать и шириною доходя до одного километра) с гористыми берегами удивительно живописно. Посередине находится двенадцать больших и малых островов, поросших густым лесом. Вода в озере холодная и кристально чистая. Озеро очень глубокое и обильное разной рыбой, включая сига и судаков.

Другое, ниже лежащее озеро — Еувропя-ярви — втрое большее, мелководное, с болотистыми берегами, на которых произрастает питательная для скота трава. Это озеро богато различной болотной дичью. Во время перелета появляются в изобилии лебеди и гуси, а в темные ночи осени можно очень удачно бить острой крупной рыбу: налимов, окуней и щук.

Большая часть имения была под прекрасным сосновым лесом, не рубленным более ста лет. В моем лесу водились рябчики, серые и белые куропатки, тетерева. Последние поздней осенью собирались в большие стада. На них интересно было охотиться, сидя в заранее устроенном из ветвей шалаше. Вокруг шалаша расставля-

* Узкий проход, теснина. — Примеч. сост.

лись чучела, и тетерева, принимая их за живых собратьев, целыми стадами садились вплотную к шалашу.

Недалеко от имения в огромном казенном лесу водились глухари, на которых легко было охотиться, имея собаку породы такса. Глухари доходят до тридцати и даже более фунтов* и не боятся небольших такс. А те очень быстро находят эту птицу, имеющую привычку садиться на самые большие сосны с густыми ветвями, забираясь в самую их гущу.

Почуяв глухаря, такса с ожесточением лает на него, стоя под деревом, на котором он сидит. Глухарь, не пугаясь небольшой собачки, начинает раздражаться, что она тревожит его покой, и с высоты спускается постепенно на нижние ветви. Охотник приближается на лай таксы как можно быстрее к дереву. Но как только собака прекращает лай, он должен немедленно остановиться и не производить ни малейшего шума. Как только собака залаяла вновь, охотник спешит вперед.

Такими скачками во время лая собаки он подходит к дереву. Наконец, он видит замечательную картину: маленькая такса, мечась из стороны в сторону, неистово лает, а на одном из больших, низко расположенных суков сидит огромный глухарь, который распустил свои крылья, хлопает ими, глаза и гребень его налиты кровью, весь он нахохлился и испускает громкое шипение, не видя и не слыша ничего, что около него делается! Все его внимание обращено на лающую таксу. Охотник должен не зевать и быстро стрелять в птицу. Если только собака прервет свой лай, хотя бы на мгновение, то глухарь непременно заметит человека и улетит.

Мне удалось однажды на такой охоте застрелить глухаря весом двадцать восемь фунтов, и он, падая с дерева, своею тяжестью поломал довольно толстые ветви.

Зимой кроме охоты на тетеревов, куропаток и рябчиков недурна охота и на зайцев, когда следуешь за ними на лыжах по их свежим следам, оставленным в снегу. Также зимой хорошо ловится довольно крупная рыба с помощью небольшой удочки, крючок которой вделан в кусок блестящего свинцового сплава с красной шерстинкой. Удочка спускается в узкую прорубь, и рыболов должен постоянно ее дергать, чтобы кусочек металла все время поблескивал.

* 1 фунт = 453,6 грамма. — *Примеч. ред.*

Летом в лесу изобилие грибов: белых, боровиков, подберезовиков, маслят, сыроежек, моховиков, волнушек, рыжиков, груздей. Также много различных ягод: душистая прекрасная малина, земляника, местами изредка мамура <sic> и черная смородина, черника, брусника, на болотистых местах голубица, костяника, клюква, морошка. Вся эта благодать в ближайшем расстоянии от дома.

Моя первая жена была родом южанка и плохо переносила зиму в Финляндии, почему я и решил в 1912 году продать это редкое владение. Взамен я имел неосторожность купить имение около Москвы, которое было в 1917 году разграблено и поделено крестьянами двух соседних деревень. Как известно, в Финляндии все частные владения остались неприкосновенны.

Решение уйти с военной службы после случая во дворце при дальнейшем размышлении укрепилось во мне. Я решил по возможности постараться занять в полку такое положение, чтобы быть более свободным в своих действиях. Мне удалось устроить прикомандирование к штабу 2-й Стрелковой бригады в помощь начальнику штаба по составлению плана мобилизации бригады. Эта работа давала много свободного времени для устройства мною личных дел.

Напомню читателю, что начальник Генерального штаба генерал Ф.Ф. Палицын одобрил представленный ему мой доклад «Состояние у нас разведки и контрразведки и желательная их организация», напомню, что он на этом докладе наложил резолюцию «Капитан Никольский открыл мне глаза. Исполнить все, что он указывает». Также напомню, что, начав приводить в исполнение эту резолюцию, я был устранен от работы по разведывательной части.

По дороге из Македонии на станции Киев в курьерском поезде, на котором я выехал из Одессы в Санкт-Петербург, я встретил моего товарища по военному училищу подполковника Самойло, который, как оказалось, тоже ехал в Санкт-Петербург.

Подполковник Самойло был начальником разведывательного отделения при штабе Киевского военного округа. Он был назначен на эту должность во исполнение первых распоряжений Главного управления Генерального штаба по исполнению вышеприведенной резолюции генерала Палицына. Самойло прекрасно знал мою роль в работе по созданию у нас разведывательной службы. Потому, не делая секрета, он рассказал мне, что едет на совеща-

ние, которое состоится в секретном порядке при Департаменте полиции в охранном отделении. Оно было созвано для выработки согласованных действий департамента и Главного управления Генерального штаба по борьбе с иностранной тайной разведкой в России. Самойло просил меня помочь ему советом, зная, что я много работал над этим вопросом.

Желая принести пользу вообще и для своего товарища в частности, с которым я был на «ты», я достал из своего чемодана свои черновики проекта по организации разведывательной службы. Я вез черновики проекта с собой в вагоне, поскольку опасался утери секретных материалов.

В долгой беседе в поезде я развил перед Самойло стройную систему организации интересующего его дела. Он очень многое из сказанного мною записал и горячо благодарил меня по окончании нашей беседы, отметив при этом, что сама судьба устроила нашу встречу, давшую ему возможность доложить на совещании полную схему контрразведывательной службы.

Я никоим образом не мог подумать, что, детально знакомя Самойло с моим докладом, я совершаю государственное преступление. Однако вскоре после моего приезда в Выборг начальник бригады пригласил меня в свой кабинет и дал прочесть секретную бумагу от генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, который просил начальника 2-й Финляндской бригады привлечь меня к судебной ответственности. Далее следовало, что я, находясь в столовой поезда, шедшего из Киева, позволил себе совершенно открыто разглашать государственные тайны, известные ему (т.е. мне) по предыдущей его (моей) службе в Генеральном штабе, и показывать секретные бумаги, задержанные им (мною) при оставлении штаба. Причем в этой бумаге не было приведено никаких фамилий и более точных данных.

Прочтя это предписание, я первоначально был поражен его бессмысленностью. Однако быстро вспомнил эпизод с Самойло. Я рассказал про это генералу и попросил дать мне несколько дней для составления подробного ответа.

Через два дня я представил исчерпывающей рапорт. Я указал на то, что «совершенно постороннее мне лицо» — это мой однокашник по военному училищу, что я знал кто — он, а он знал, кто — я. Я указал, что Самойло было известно о моем докладе.

Я также отметил, что доклад был сделан для пользы нашей военной службы, что подтверждено резолюцией на моем основном

докладе: «Капитан Никольский открыл мне глаза» — начальника Генерального штаба. Я также отметил, что этот доклад и все мои работы послужили толчком Генеральному штабу приступить к созданию у нас твердых начал действительной постановки разведывательной и контрразведывательной службы. До моего доклада генералу Палицыну такая служба фактически отсутствовала, что ни один офицер Генерального штаба не выступил до меня с подобными предложениями.

Я написал, что сознательно знакомил подполковника Самойло со своими, лично мною созданными предложениями по правильной постановке разведки и контрразведки и думал принести пользу своей Родине, а никак не быть предателем, как желают меня представить авторы предписания начальнику бригады. Мой поступок — явление, несомненно, положительного характера, в противоположность тому факту, когда генерал Шостак представил в штаб мою долговременную работу по дислокации турецкой армии, а эта работа была выдана за работу чинов штаба.

В заключение я написал, что, вместо благодарности или поощрения за мой действительно полезный труд для Отечества, я получил бессмысленное обвинение в измене своему Государю и Родине только по той причине, что я человек, не имеющий за собой никакой защиты и протекции, простой армейский офицер. Будучи не Генерального штаба, я совершенно неожиданно для меня самого некоторое время занимал в Главном управлении Генерального штаба место офицера Генерального штаба. Тем самым офицеры последнего видели во мне конкурента.

Закончил свой рапорт я следующим: «Настойчиво прошу предать меня какому угодно суду по обвинению в разглашении тайн, составляющих государственную важность, т.е. за измену присяге».

Начальник бригады, прочтя мой рапорт, отказался его принять и представить в Генеральный штаб:

— Как редакция, так и содержание вашего объяснения имеют совершенно недопустимый в военной службе характер, потому я отказываюсь его представить начальству и приказываю вам рапорт переделать.

— Ваше превосходительство, — ответил я ему, — обвинение, предъявленное ко мне Генеральным штабом, настолько тяжелое и оскорбляет меня. Я считаю себя вправе дать соответствующий ответ. Потому отказываюсь вычеркнуть хотя бы одно слово и прошу

вас представить мой ответ в штаб. Если вы отказываетесь это сделать, то в нарушение законного порядка я сам представлю свой рапорт начальнику Генерального штаба и одновременно отправлю копию генерал-прокурору с ходатайством привлечь меня к суду.

Начальник бригады развел руками и ответил:

— Что же тогда я могу сделать?

— Представить мое объяснение и оговорить, что, несмотря на ваш приказ, я резко отказался переделать свой рапорт и даже осмелился грозить отправлением копии генерал-прокурору.

— Простите, но я последую вашему совету, — сказал генерал.

На мой дерзкий рапорт не последовало никакого ответа, и дело по обвинению меня в измене кануло в Лету.

Года через два, в 1911 году, мой приятель полковник С.А. Головань* рассказал мне, что именно было причиной нелепого обвинения, предъявленного мне.

На заседании в Департаменте полиции подполковник Самойло огласил свой проект организации контрразведки, составленный на основании моих указаний, данных ему в поезде.

Представитель Главного управления Генерального штаба полковник Н.А. Монкевиц**, который должен был докладывать после Самойло, с удивлением заметил, что тот почти дословно излагал на совещании то, что предполагал сказать он, Монкевиц. Сам он составил свой доклад на основе моих работ, которые хранились в секретном шкафу у него в распоряжении, то есть из тех самых моих трудов, черновики которых я показывал Самойло и часть из которых он переписал в вагоне поезда.

После совещания Монкевиц спросил Самойло, откуда тот почерпнул столь секретные сведения, которые он огласил совещанию.

Самойло рассказал про случайную встречу со мной, но почему-то скрыл, что хорошо меня знал и, видимо, вообще извратил подробности этой нашей встречи.

После долгого раздумья Монкевиц по причинам, которые я никогда не узнаю, составил против меня пасквильное обвинение и подsunул его подписать своему начальству. Быть может, он сделал это просто по злобности своего характера, так как я не пользо-

* О котором я упоминал ранее.

** Замешенный в деле похищения генерала Кутепова, о нем я ранее говорил.

вался симпатиями Монкевица и наши взаимные отношения во время моего пребывания в штабе оставляли желать лучшего.

По получении моего резкого ответа было собрано особое совещание из старших начальников штаба, на котором было потребовано объяснение от Монкевица. Ему удалось оправдаться, смещав, однако, меня с грязью. Совещание решило, что нет никаких данных для привлечения меня к какой-либо ответственности. С.А. Головань знал это дело только в общих чертах, без подробностей.

В контракте, заключенном мною при поступлении на турецкую службу, между прочими был параграф, который оговаривал случай, если по вине турецкого правительства я буду вынужден уйти с турецкой службы ранее 1 июня 1914 года. В таком случае турки обязуются выплатить мне все недополученное контрактное жалованье до указанного срока. Так как я ушел с турецкой службы по требованию своего правительства, то мне казалось, что это обязательство турок в нашем случае не работает.

При командировании в Македонию мне было объявлено, что я пробуду там долгое время, и рекомендовано соответственно устроить свои личные дела. Я так и поступил, продав за бесценок ввиду срочности отъезда в Турцию все свое движимое имущество и очень дешево сдав в аренду свое имение в Финляндии. По прибытии в Салоники я был вынужден приобрести соответствующую положению обстановку. При оставлении службы я продал ее за бесценок, как в России. Вообще, командирование на вынужденно краткое время заставило меня понести значительные материальные убытки.

За разъяснением вопроса, кто является ответственным за нарушение моего контракта с турками и кто должен вознаградить меня за действительные убытки, понесенные мною, я обратился в Министерство иностранных дел. Через довольно продолжительное время меня пригласили в министерство. Устно, в довольно пренебрежительной форме ответили, что министр иностранных дел не нашел нужным чем-либо меня вознаградить. В случае если я не доволен ответом, я могу предъявить в суд гражданский иск к министерству о возмещении убытков. Если суд удовлетворит мои требования, то министерство уплатит деньги.

Получив устный ответ, я обратился к адвокату, известному по ведению судебных дел с правительственными учреждениями. Я попросил его дать обоснованное заключение: могу ли я надеяться

выиграть в суде иск о возмещении правительством всех моих убытков?

После совещания с несколькими другими юристами адвокат дал письменное заключение. Суд должен будет удовлетворить мои исковые требования, так как контракт был нарушен не с моей стороны или со стороны турецкого правительства, а по требованию министра иностранных дел в лице посла Зиновьева. Как российский подданный, я обязан был беспрекословно подчиниться и уехать из Салоник. При этом я понес точно определяемые материальные убытки.

Перед возбуждением иска в суде я вновь обратился в Министерство иностранных дел, сообщая, что, следуя его указаниям, вчиняю иск министру иностранных дел в Санкт-Петербургском окружном суде. На это вторично получен был устный ответ того же содержания, что и в первый раз.

Я начал дело в суде. Несмотря на то что Министерство иностранных дел само подтолкнуло меня возбудить дело в суде, очень скоро после подачи мною искового прошения я получил через Главный штаб предписание. Мне предлагалось немедленно прекратить дело в суде. К этому предписанию было приложено письмо товарища министра иностранных дел к начальнику Главного штаба. В нем сообщалось, что я возбудил в суде иск против министра иностранных дел и он просит немедленно принять меры, чтобы я взял из суда свое прошение и прекратил дело.

Я ответил решительным отказом исполнить предписание, поскольку никто не имеет право вмешиваться в частные дела служащих, если они не касаются самой службы и не нарушают установленных законов. В ответ на мой последний рапорт я получил новое предписание. Смысл его был таков: если я не прекращу дело в суде, то буду уволен со службы в дисциплинарном порядке.

В ответ на это предписание я подал рапорт на Высочайшее имя об увольнении меня со службы в соответствии с установленным порядком следующего содержания: «Всеподаннейше прошу Ваше Императорское Величество уволить меня с военной службы по той причине, что Главный штаб грозит мне увольнением в дисциплинарном порядке, если я не прекращу дело в суде, имеющее гражданский характер!»

Я был немедленно уволен в отставку, но дело в суде не прекратил, напротив, — обратился к председателю суда с просьбой назначить разбор моего дела возможно скорее.

На разбирательстве в суде иска со стороны Министерства иностранных дел явился адвокат Беньковский, поляк по национальности, который сказал следующее:

— Я, как представитель интересов Министерства иностранных дел, не буду оспаривать то, что г. Никольский понес известные материальные убытки. Однако подчеркиваю, что он был в Македонии офицером, посланным туда как выдающийся, то есть с Высочайшего соизволения Его Императорского Величества. Я торжественно заявляю, что внешней политикой руководит в Российской империи сам Государь император. Никольский, как офицер, обязан присяге, данной им при добровольном вступлении на военную службу, приносить на пользу своему Государю и Отечеству не только свое имущество, но даже и жизнь свою. Полагаю, что Министерство иностранных дел никоим образом не должно возмещать убытки Никольского, и потому прошу суд в его иске отказать, возложив на него судебные издержки.

После этой речи я представил председателю суда предложение товарища министра иностранных дел приказать мне прекратить дело, и сам произнес следующее:

— Согласно основным законам Российская империя управляется самодержавной волею императора согласно им же установленным законам. Суду, несомненно, известна одна из статей гражданских законов о том, что всякий материальный ущерб, нанесенный одним лицом другому, должен быть возмещен первым. Представитель Министерства иностранных дел заявил, что он и не спорит с тем, что я действительно понес ущерб. С другой стороны, я полагаю, что здесь не время читать лекции о порядке верховного управления внешней политикой России и разъяснять торжественно, как я должен исполнять присягу. Верховная власть, посылая меня в Турцию, вызывая меня оттуда, несомненно, полагала извлечь из этого факта какую-то пользу для Отечества. При моем представлении при отъезде в Турцию Его Императорское Величество сказал, что желает мне «полезной службы для него и родины». Случайно я понес значительный для меня и доказанный ущерб. Ясно, что верховная власть не предполагала вводить меня в убытки. Но если это и случилось, то правительство, принося через меня пользу России, обязано возместить мой ущерб, как предусматривает закон Российской империи.

Адвокат Беньковский на мою речь ничего по существу не возразил.

Суд после долгого совещания объявил, что решение будет оглашено через две недели. По истечении этого срока суд вынес решение, что мне в иске отказывается. Я мог перевести дело в Судебную палату и далее в Сенат, но так как это был гражданский иск, то требовалось каждый раз вносить судебные пошлины, составлявшие 4 % от суммы иска. Для меня это было тяжело. Пользоваться правом бедности мне не позволяло мое самолюбие. Поэтому дело я не продолжил. Тем более мне стало ясно, что суд склоняется в сторону министерства.

Таким эпизодом закончилась моя двадцатилетняя военная служба. Я вступил в новую жизнь, которая, как и военная, принесла мне немало огорчений и разочарований.

ЧАСТЬ IV Беженцы в Великую войну 1914–1918

Введение к IV части

Мне пришлось принять деятельное участие в беженском движении с самого начала отступления нашей армии — самому лично пострадать материально, а затем в продолжение всей войны быть одним из тех лиц, на которых правительством России было возложено попечение о несчастных обездоленных людях. Под напором противника беженцы огромными волнами шли по всему фронту отступления русских армий. Количество их составляло не менее двух миллионов.

В течение всей войны я был районным уполномоченным правительственной организации «Северопомощь», которая работала в прифронтовой полосе. Возглавлял ее главноуполномоченный по устройству беженцев, наделенный правительством большими правами.

Прежде всего считаю необходимым точно определить понятие «беженец», которое вошло в употребление со времен Великой войны.

Под понятие «беженец» подходили исключительно люди, которые вынуждены были по требованию военной власти или ввиду сложившейся обстановки* против их собственной воли, часто по тревоге уходить неизвестно куда на восток**, не имея возможности взять с собой не только ничего из имущества или из запасов пищи, но даже самого необходимого. Случалось, беженцы снимались со своих мест проживания одетые в то, в чем их застала тревога.

Контингент беженцев, ушедших или выехавших из местностей, по которым отступали наши войска и которые должны были

* Проживания в местности, где происходило сражение.

** Нередко пешком.

быть вскоре заняты неприятелем, можно разделить на две категории:

1) люди из простого народа — из крестьян, рабочих, мелких торговцев — которые существовали исключительно трудом своих рук и не имели никаких денежных запасов на черный день;

2) люди более-менее с достатком, которые имели возможность своевременно уехать по направлениям, ими самими выбранным, и поэтому взявшие с собой наиболее ценное для них движимое имущество.

Правительство приняло на себя полностью попечение о беженцах первой категории.

Непосредственно около фронта помощь беженцам оказывалась главным образом правительством и отчасти различными национальными и земскими организациями, которые в свою очередь работали почти исключительно на средства государства.

Наделенные большими правами прифронтовые организации работали самостоятельно, но считаясь с распоряжениями военных властей. Те обыкновенно не вмешивались в дела, касавшиеся попечения жизни беженцев.

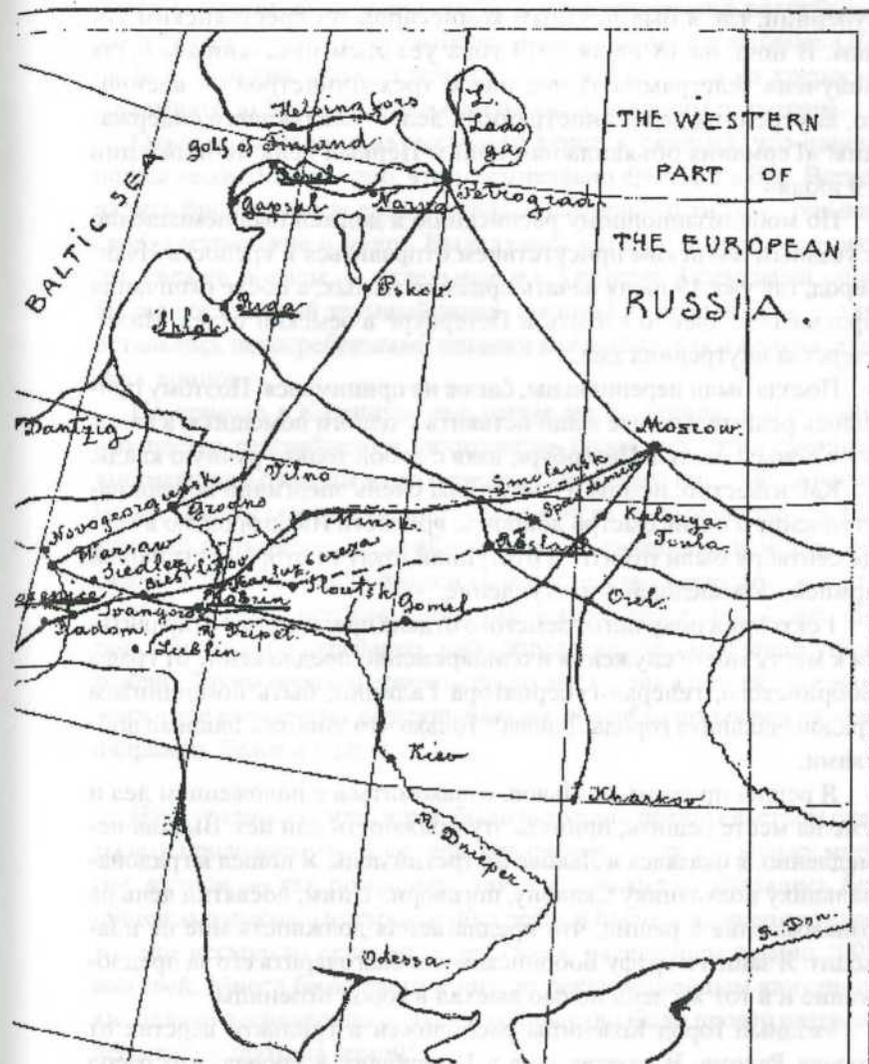
Передвигаясь далее на восток, в центр России, беженцы поступали на попечение местных властей и тех организаций (случалось и иностранных), которые помогали властям, подчиняясь их распоряжениям. Мало-помалу беженцы распространились по всей России, дойдя до реки Волги, а может быть, и далее.

В записках идет речь исключительно о беженцах первой категории, которые либо не могли, либо не хотели сами продвигаться на восток России, а потому остались поблизости фронта военных действий.

Я не встречал в литературе ничего о беженцах в России в Великую войну, особенно о тех, которые были около фронта. Потому предлагаемый, хотя и очень небольшой, труд может составить известный интерес для лиц, интересующихся участием России в Великой войне. Он даст возможность оценить величину той жертвы, которую принесла Россия на общий алтарь войны. Думаю, что при ознакомлении с этими записками противники войны еще более утвердятся в своих взглядах, а сторонники разрешения международных недоразумений силой оружия, быть может, лишний раз призадумаются применять свой принцип на деле.

По мере возможности я старался быть объективным, правдивым, отнюдь не сгущая краски, а, наоборот, часто их смягчая.

Схематическая карта

Начало войны

Начало войны застало меня в городе Козеницы Радомской губернии, где я был уездным комиссаром по крестьянским делам. В ночь на 18 июля 1914 года уездным начальником была получена телеграмма за подписью трех министров — военного, внутренних дел и иностранных дел — следующего содержания: «Германия объявила нам войну. Первый день мобилизации 19 июля».

По мобилизационному расписанию я должен был немедленно с уездным воинским присутствием отправиться в крепость Ивангород, где уже 19 июля начать прием запасных, а после окончания приема немедленно отбыть в Петербург в земский отдел Министерства внутренних дел.

Поезда были переполнены, багаж не принимался. Поэтому пришлось решительно все вещи оставить у одного помещика, а самому с семьей ехать в Петербург, взяв с собой только ручную кладь.

Как известно, немцы и австрийцы очень энергично повели наступление и очень быстро дошли до крепости Ивангород, но в конце сентября были отбиты и отступили, будучи отброшены нашей армией, перешедшей в наступление.

1 октября я получил от земского отдела предписание отправиться к месту моего служения и одновременно предложение от графа Бобринского, генерал-губернатора Галиции, быть помощником градоначальника города Львова*, только что занятого нашими войсками.

Я решил проехать во Львов, ознакомиться с положением дел и уже на месте решить, принять эту должность или нет. Выехав немедленно, я оказался в Львове на третий день. Я пошел к градоначальнику полковнику Скалону, поговорил с ним, посвятил день на ознакомление и решил, что предлагаемая должность мне не подходит. Я зашел к графу Бобринскому поблагодарить его за предложение и в тот же день ночью выехал в город Козеницы.

Уездный город Козеницы расположен в тридцати верстах от города Радом. В газетах еще в Петербурге я прочел, что город Радом подвергся германскому обстрелу и весь сожжен. На самом же деле я с удивлением увидел, что разрушено было лишь несколько станционных сооружений, немного пострадало от пожара зда-

* В Галиции.

ние вокзала. В самом городе не было ни одного пожара, не было повреждено ни одного здания.

К Козеницам было проложено прекрасное шоссе, проходящее через знаменитый Козеницкий лес, принадлежащий российской казне, а ранее — польской короне. Железной дороги не было. Она была проложена только глубокой осенью 1914 года от крепости Ивангород до Козениц, где заканчивалась простым разездом.

Отъехав от Радом на несколько верст, я отметил, что дорога пошла лесом. Было видно, что здесь недавно проходили бои. Встречались брошенные военные повозки различного типа — германские, австрийские и наши. Выделялись наскоро устроенные окопы, свежие могилы — отдельные и групповые. Временами ощущался порядочный трупный запах, шедший из дебрей леса — там оставались непогребенными останки как наших, так и неприятельских воинов.

По приезде в Козеницы мне тотчас же сообщили, что все мое имущество разграблено и уничтожено. Оказалось, что германцы, занимавшие Козеницы и его окрестности, ничего нигде не тронули. Но когда на их место пришли русские войска, то имущество многих жителей подверглось разграблению и уничтожению. К моему несчастью, ограблению подверглось и имущество помещика, у которого находились мои вещи. Все мое имущество до последней ниточки было либо ограблено, либо варварски, бессмысленно уничтожено. Таким образом, уже с первого дня войны я потерял все свое движимое имущество, не исключая самых необходимых вещей, как, например, белье и платье.

Нам, уездным комиссарам, было поручено правительством оказывать продовольственную помощь своему уезду, поскольку многие жители — как помещики, так и крестьяне — оказались без пищевых запасов. Пожаром и обстрелами было совершенно уничтожено несколько селений и посадов с населением свыше 1000 жителей. Много было взято у них по реквизиционным квитанциям, однако несравненно большее количество было просто разграблено после прохода армий*.

Мне пришлось, обследуя положение жителей, в короткое время объехать весь Козеницкий уезд. Во многих местах встречал я редко торчащие одинокие печные трубы и обращенные в груды

* Особенно нашей.

еще дымящиеся развалины совершенно разрушенных каменных построек — все, что осталось от больших в пять-десять тысяч жителей населенных пунктов. Жителей не было видно, если не считать редких, сиротливо бродивших домашних животных.

У некоторых владельцев имений, живших в стороне от путей войск, еще остались запасы продовольствия. Мне были отпущены необходимые денежные средства, и я стал скупать имеющиеся в уезде запасы и передавать продовольствие неимущим, как владельцам имений, так и крестьянам.

Но так как эти запасы были невелики, то, по моему требованию, в мое распоряжение присылали из центра России маршрутными поездами хлеб всех сортов.

В продолжение всей зимы 1914/15 года и до июня 1915 года — то есть до момента нашей эвакуации из Радомской губернии — я снабжал весь уезд продовольствием настолько обильно, что все, кто сколько-нибудь действительно нуждались, немедленно получали необходимый им хлеб.

В данном случае и наше правительство, и подчиненные ему органы управления при исполнении своего долга оказались на высоте. За исключением совершенно разрушенных местностей, население в большинстве своем не пострадало, а благосостояние многих селений даже заметно улучшилось. Этому способствовала выдача семьям призванных на войну пайка, составлявшего иногда более 100 рублей на одну семью. Паек выдавался на два месяца вперед, и многосемейные получали настолько большие суммы, что могли покупать добавочный скот и, вообще, усовершенствовать свое хозяйство.

Козеницкий уезд несравненно более других местностей пострадал от наступающих неприятельских армий — бои происходили в районе крепости Ивангород, большая часть которой располагалась на территории этого уезда. Другие уезды Радомской губернии были задеты гораздо менее.

Мне пришлось объезжать уезд через несколько дней после оставления его неприятелем. Как ни тяжело это для меня, русского, я должен засвидетельствовать, что германцы и австрийцы вели себя несравненно более дисциплинированно, нежели наши войска. Я ни разу нигде не слышал обид на неприятеля и жалоб на грабежи с их стороны. С нашими войсками все было иначе. Особенно в этом отношении отличались санитарные части и обозы, которые, подходя к имениям, забирали все, что хотели, и грузили на свои по-

возки. Далее, подходя к более богатому пункту или имению, они бросали награбленное ранее и нагружали в повозки более ценное имущество.

К 1914 году все крепости в Польше, расположенные вдоль реки Вислы с юга на север, были разоружены, в дальнейшем предполагалось их совершенно уничтожить.

В 1873 году нашим правительством под впечатлением побед немцев над Францией и вследствие объединения всей Германии под верховным правлением прусского короля было признано необходимым разработать план кампании защиты России в случае конфликта с Германией и Австрией. Была образована особая комиссия под председательством императора Александра II. Военный министр Милютин и начальник военного штаба Обручев представили план на случай войны на западной границе. Комиссия подробно рассмотрела его и приняла.

Составители этого плана были, несомненно, люди талантливые. Их предположения были глубоко продуманы, основаны на логичных данных и составляли одно целое. План был составлен настолько хорошо, что им руководствовались в продолжение тридцати пяти лет. Сущность его заключалась в следующем.

Недостаточное количество железных дорог, построенных частью несоответственно не только стратегическим требованиям, но даже и коммерческим, делало мобилизацию и сосредоточение нашей армии чересчур медленным. По последнему мобилизационному расписанию — на двадцать первый день.

Исходя из этого план Милютина — Обручева предлагал задержать наступление противника рядом крепостей, составляющих две линии: Новогеоргиевск, Варшава, Ивангород, Замостье, Оссовец, Брест-Литовск, Бобруйск, Киев. Предполагалось также задержать переправу противника через реки Неман, Бобр, Нарев, Вислу и Буг. Под прикрытием этого огромного плацдарма Россия смогла бы провести мобилизацию, сосредоточить свои армии для отражения противника и планомерного наступления на Германию и Австрию. Сохранив за нами Польшу, мы могли воспользоваться выгодным центральным расположением нашей армии для наступательных действий от центра к периферии.

Инженерная подготовка театра возможной войны проводилась систематически до начала XX столетия. Позднее подготовка такого рода была оставлена, как говорили официально, по экономи-

ческим соображениям, а вероятно, и по каким-либо другим, прямо скажем, преступным. Вместе с этим был оставлен и план Милютина—Обручева.

Крепости, вполне отвечавшие военным требованиям того времени, перестали поддерживать, оправдываясь недостатком денежных средств. В конце концов, они были совершенно заброшены, а часть их — Бобруйск, Замостье, Ивангород — даже разоружены.

В 1908 году первый начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын предложил командующему войсками Варшавского военного округа произвести большие маневры в районе указанных крепостей, на что последний ответил, что по отсталому состоянию крепостей маневрировать в их районе значит показывать войскам, что не надо делать.

Вообще непонятно, о чем думал Генеральный штаб и на что он вообще рассчитывал, когда даже в 1914 году общая длина наших железных дорог без учета Финляндии (3700 верст) и Китайской восточной железной дороги составляла только 65 576 верст. Коэффициент обслуживания рельсовыми путями, принимая Германию за единицу, составлял в России всего 0,057, а в Австрии <?>.

Насколько план Милютина был правилен, видно хотя бы из того, что с момента объявления войны было признано необходимым лихорадочно приводить в боевую готовность обезоруженный Ивангород и полуобезоруженные Варшаву и Новогеоргиевск, а также возвести временные укрепления от границ Австрии до Пруссии.

Казалось бы, было совершенно ясно, что своевременно укрепленные, согласно современному состоянию инженерного искусства, реки Неман, Бобр, Нарев, Висла и Буг не только надежно прикрывали сосредоточение и развертывание наших армий, но и дало бы возможность использовать все выгоды сосредоточенного расположения наших главных сил. Несомненно, что исход кампании был бы совершенно другой, если бы в 1915 году наши отступающие армии могли бы зацепиться за что-либо надежное.

Вообще говоря, преемники Обручева ни в чем не проявили талантности и предвидения, оказались совершенно бездарными.

С 1905 года план Милютина—Обручева, имевший главной целью сохранить за нами Польшу, бросается. Прежняя дислокация войск бракуется. Многие воинские части из пограничных местностей отводятся вглубь России и даже на Кавказ. То же самое осуществляется и с кавалерией, большая часть которой также отводится вглубь страны. Сосредоточение армии замедляется. Развертывание

армии оттягивается назад, но никому точно не известно, куда именно. От передового театра войны отказываются. Польша бросается на произвол судьбы. Тыл армии чрезвычайно удаляется.

С той поры как талантливый план Милютина—Обручева совершенно заброшен, печать бездарности лежит на всех мероприятиях Генерального штаба. За несколько дней до начала войны спохватываются, находят в архиве запыленный план Милютина, принимают его в исковерканном виде, поскольку понятно, что нельзя восстановить в несколько месяцев то, что утеряно за годы.

Наш знаменитый полководец генерал-фельдмаршал И.В. Гурко, бывший одиннадцать лет командующим войсками Варшавского военного округа (1883—1894), в своем прощальном слове при оставлении поста генерал-губернатора Царства Польского и командующего войсками сказал:

— Забота об охране чести и неприкосновенности моей родины составляли единственную цель моей жизни. Стоя более одиннадцати лет во главе войск Варшавского военного округа, я по мере моего разума старался развить в них боевую готовность. Всю душу свою я вложил в дело боевого воспитания армии, посвятил на это все мои силы, стремясь создать из вверенного мне округа несокрушимый оплот чести России.

Великие заветы фельдмаршалов Милютина и Гурко были забыты, и Россия вступила в войну без определенного плана и без укрепленных районов, что и привело к нашему полному военному поражению и, как следствие, к гибели всей нашей великой родины.

С началом войны решено было по возможности восстановить и сильнее укрепить Ивангород, Варшаву и Новогеоргиевск. Снова появилась на верках* крепостей артиллерия, они наполнились гарнизонами, и, согласно новым требованиям, далеко впереди быстро воздвигались временные укрепления.

Так было и в Козеницком уезде. В двадцати-тридцати верстах впереди крепости Ивангород с октября месяца 1914 года инженерное ведомство начало устраивать укрепленные позиции. Город Козеницы решили сделать центром передовых позиций Ивангорода. К нему из крепости провели через лес железную дорогу и построили второе шоссе. Соорудили множество опорных пунктов, весь уезд с юга на север был изрезан окопами в несколько рядов,

* Верки — крепостная ограда.

езде с колочей проволокой. Проложено было очень много новых дорог, построена масса мостов, выровнены очень большие площади для увеличения дальности обстрела. Была произведена трудная и изнурительно-большая работа, на которую израсходованы громадные средства. На работы было собрано все местное население, не исключая женщин и малолетних. Работы продолжались с октября 1914 года по июнь 1915 года.

Очевидно, в случае вторичного наступления врага в этом районе предполагалось оказать ему самое сильное сопротивление, иначе было бессмысленно затрачивать огромные средства на фортификационные укрепления большой площади.

Комендантом Ивангорода был назначен военный инженер генерал-майор Шварц, который за весь продолжительный период постройки Козеницких передовых позиций ни разу не считал нужным их посетить. Я это знаю достоверно, так как у меня на квартире вместе со мною жили два военных инженера, главные руководители постройки. Они говорили мне, что Шварц, как и все другие главные строители, был уверен в полной бесполезности проводимых работ, а потому не считал нужным обращать на них свое внимание.

За несколько дней до нашего ухода из Козениц мне прислали очередной маршрутный поезд с хлебом в составе сорока вагонов, т.е. 40 000 пудов. По прибытии поезда я тотчас же получил распоряжение от военных властей убрать хлеб в шестичасовой срок.

Обыкновенно поезд мог быть разгружен не скорее чем в два дня. Я никогда заранее не знал, когда придет поезд, а потому не мог своевременно подготовить подводы и людей для разгрузки и перевозки зерна в склад, находившийся в двух верстах от железной дороги. Чтобы собрать подводы в нужном количестве, надо было отдать распоряжение войту гмины (волостному старшине), а тот посылал наряд в ближайшие селения, на что требовалось не менее суток. Только на следующий день утром подводы и люди могли собраться.

Никаких других возможностей для уборки хлеба у меня не было.

На мою просьбу в штаб войск о продлении разгрузки последовал решительный отказ, так как через шесть часов должны были прийти поезда с военными припасами, а на нашей станции не было ни одного запасного пути.

Что я мог сделать?

Самое простое было выгрузить весь хлеб прямо на землю. Но шел сильный дождь, закрыть мешки было нечем, все 40 000 пудов зерна могли бы погибнуть.

Я решился на ответственный поступок — раздать хлеб населению Козениц и прилегающих селений, не исполнив части инструкции относительно проверки имущественного положения получающих хлеб.

Продовольственный хлеб выдавался населению не бесплатно, а с обязательством уплатить за него по действительной стоимости, но с рассрочкой до десяти лет после окончания войны. Перед всякой выдачей хлеба комиссар должен был провести подробное обследование имущественного положения каждого лица, заявившего о необходимости получения правительственной помощи. После этого комиссар должен был составить список нуждающихся и в соответствии с ним оказывать помощь.

Я пошел в гминное управление и приказал войту гмины тотчас же послать гонцов как по городу, так и в ближайшие окрестности с извещением о том, что на станции выдается хлеб из расчета один мешок на одного члена семьи. Часа через два собралось достаточное количество народу. К назначенному военной властью сроку все вагоны были очищены, весь выданный хлеб был записан, кому и сколько выдано под расписки.

Впоследствии по представлении мною в Министерство внутренних дел отчета о проведенной продовольственной кампании, мне был объявлен выговор министром внутренних дел за то, что я раздал населению 40 000 пудов хлеба, не исполнив параграфа инструкции о предварительном обследовании имущественного положения лиц, которым был выдан хлеб.

Как иначе мог я поступить?

Конечно, для меня было бы проще оставить хлеб в вагонах. В таком случае военные власти поступили бы в соответствии с тем, как они мне угрожали, — своим распоряжением они выбросили бы зерно на землю, и хлеб погиб бы под проливным дождем.

В соответствии с занимаемой должностью комиссар по крестьянским делам мог получить замечание или выговор только от министра иностранных дел. Это дисциплинарное взыскание вносилось в его аттестационный список и при назначении на новую должность принималось во внимание.

Считаю необходимым обратить внимание читателя на то, что через несколько дней после раздачи мною 40 000 пудов хлеба про-

изошла быстрая эвакуация Козениц. Город был занят немцами. С того времени мы, русские, не имели к этой местности никакого отношения. Все документы и отчеты, представленные мною в Министерство внутренних дел, не имели никакого реального значения.

Первые беженцы

Наступил период великого отступления нашей армии. Войска дошли до Козеницких позиций в июне 1915 года и, не останавливаясь ни на один день на прекрасных, заблаговременно построенных укреплениях, прошли далее.

Отступление нашей армии было для нас, гражданских жителей, совершенной неожиданностью. Я узнал, что наша армия уже отошла, от знакомого полицейского в три часа ночи — он разбудил меня и посоветовал немедленно уезжать. Я вышел во двор, вдали на небе при начинающемся рассвете видны были барашки разрывов германских снарядов.

Оказалось, что, кроме меня, в городе остались никем не предупрежденными казначейство и почта. Войска уже все прошли. С ними, не предупредив нас, ушли полиция и уездный начальник. Население города, панически настроенное, почти все бросилось ко мне, так же как и служащие казначейства и почты. Было ясно — надо немедленно уходить. Но как? Нигде не было ни одной повозки, ни одной лошади.

Я вспомнил о вновь построенной железной дороге, идущей к крепости Ивангород, и послал узнать, нет ли на этой ветке каких-либо вагонов. На наше счастье оказалось, что на пути стоят тридцать два товарных вагона, крытых и пустых. Как только я это узнал, тотчас же распорядился, чтобы казначейство и почта занимали вагоны, также как и все жители города, желавшие выехать.

Сам же я пошел в бывший штаб войск, занимавших Козеницкий район, где нашел нескольких саперов, только что начинавших снимать телефон, соединявший Козеницы с крепостью. Удача преследовала меня и здесь. Приди я на несколько минут позднее — телефон был бы уже снят.

Я попросил телефониста соединить меня со штабом крепости и обратился с просьбой к коменданту выслать немедленно в Козеницы паровоз за тридцатью двумя вагонами, в которых находились казначейство и почта (с 7 млн рублей частью золотом и

серебром) и беженцами. Я получил ответ, что паровоз будет выслан.

Мой разговор со штабом крепости происходил около пяти часов утра. Козеницы отстояли от станции Ивангород в двадцати одной версте.

Как только стало известно, что за нами приедет паровоз, почти моментально все вагоны наполнились людьми. Очень многим желающим уехать не хватило места. Большинство уезжало из Козениц со слезами, прощаясь с остающимися. Особенно трогательно было видеть, как одна молодая семья с малолетним ребенком хотела взять с собой козу, молоком которой кормили ребенка, и не смогла это сделать. Коза как бы понимала, что ее не могут взять, стояла около вагона и блеяла все время, пока поезд не отошел. Когда мой вагон медленно проходил мимо нее, то я ясно увидел, что из глаз козы капали слезы.

Только утром в начале девятого часа в лесной просеке послышался шум приближающегося паровоза. Как раз в это время немцы начали артиллерийский обстрел самого города Козеницы. Появились аэропланы. Несколько очередей дали значительный недостаток по отношению к нашему поезду. Прошло еще несколько минут, и раздался еще ряд очередей, но уже гораздо более близких. Еще несколько мгновений, и наш поезд содрогнулся от довольно сильного толчка паровоза. В то же самое время очередь артиллерийских снарядов разорвалась как раз над нашим поездом, осыпав шрапнелью часть крыш наших вагонов. Как потом оказалось, несколько вагонов было пробито, но к счастью пострадавших не было.

Паровоз тронулся, и следующая очередь снарядов покрыла как раз то место, где только что стоял наш поезд. Высунувшись из вагона, я увидел, как упало несколько человек из провожавших и блеющая коза.

Почти десять часов мы проходили двадцать одну версту, так как путь около станции Ивангород был загроможден и мы бесконечно долго стояли у стрелки.

На станции Ивангород нам пришлось стоять до часу ночи. Я обошел все вагоны, заявил, что принимаю на себя обязанность начальника нашей партии, и назначил в каждом вагоне старшего, которому приказал составить списки каждого вагона. Всего оказалось в поезде 1030 человек, из которых 278 мужчин, 407 женщин и 278 детей.

Ночью наш поезд пошел на город Седлец, к которому мы подъехали на следующий день. На станции Седлец оказался питательный пункт Красного Креста. Заведующий пунктом был очень симпатичный и предложил нам всем хороший обед.

В Седлеце нам дали новый паровоз и отправили по направлению станции Барановичи. Я решил, что самое лучшее нам будет двигаться по направлению на восток через Москву, пытаясь где-либо остановиться и осесть, если будет возможно: либо ранее Москвы, либо в самой Москве, либо далее на Волге. Я допускал, что нам придется ехать и далее Волги.

Из Седлеца я послал телеграмму коменданту станции следующей продолжительной остановки, на которой по заявлению машиниста будет смена паровоза. В телеграмме я решительно потребовал ко времени нашего прибытия изготовить обед на 1030 человек. Это мое требование было исполнено — в Брест-Литовске на питательном пункте нас ожидал обед.

На станции Барановичи наш поезд вошел в общее расписание движения поездов, и комендант вручил мне наше расписание до Москвы. Теперь мы, хотя и с продолжительными остановками, медленно, но верно двигались на восток.

В продолжение пути заболело несколько человек. У нас, конечно, не было никакой медицинской помощи. На мое предложение больным остаться на одной из станций, они отказались, хотя две пожилые женщины заболели настолько серьезно, что на следующий день после заболевания умерли. Тела их были оставлены на одной из ближайших станций. Одна из старух умерла в том вагоне, в котором помещался и я.

Каждый день я посылал телеграммы на питательные пункты, и везде нас ожидал горячий обед. Исключение составил только Смоленск, куда поезд пришел после десяти часов вечера. Несмотря на полученную мою телеграмму, обеда приготовлено не было.

Я с трудом нашел коменданта и обратился к нему с просьбой дать нам обед. Он мне отказал в довольно грубой форме. Я принужден был оставить тон воспитанного человека. После весьма резкого с ним объяснения я настоял, чтобы обед был немедленно приготовлен, что и было исполнено.

В Смоленске я попытался с беженцами осесть, но неудачно.

Ночью, после того как комендант согласился дать нам обед, я отправился к местному губернатору. Он еще не спал, но принял меня весьма недружелюбно, прямо враждебно. Как я ни был на-

стойчив, он отказал мне в какой бы то ни было помощи по устройству нас в самом городе и в губернии.

Наконец, после десяти дней путешествия рано утром мы прибыли в Москву. Здесь я решил принять самые энергичные меры, чтобы не ехать далее, поскольку путешествие в тех условиях, в каких оно происходило, было весьма тяжело.

Тотчас же по прибытии поезда я отправился к московскому губернатору. Оказалось, что он еще спал. Он долго меня не принимал и, наконец, принял. Нравоучительным тоном учителя с учеником он долго объяснял мне, что дело нашего устройства его не касается, и указал, что мне надлежит обратиться к градоначальнику.

Я поехал к градоначальнику. После долгого ожидания меня принял его помощник. Он выслушал, попросил подождать. Через два часа вышел и сказал, что градоначальник просил передать, что беженцы его не касаются, что не может ничем помочь и советует обратиться к городскому голове.

Я был у губернатора в восемь часов утра. Вышел от градоначальника около трех часов дня и узнал только то, что судьба 1028 человек ни того, ни другого не касается. Я отправился в городскую управу.

Городской голова оказался в управе — опять просит очень вежливо подождать. Сижу я жду. Стрелки часов показывают пять часов вечера. На мою настойчивую просьбу, что у меня дело срочное, не терпящее замедления, дежурный чиновник отвечает, что в кабинете головы идет совещание, его присутствие там необходимо, а потому до окончания совещания он принять меня не сможет.

Жду еще около часа. Узнаю, где помещается кабинет головы. Подхожу к двери, около которой стоит служащий, и замечаю, что он пропускает несколько лиц в кабинет. Я беру за ручку двери, но стоящий около меня не впускает, заявляя, что посторонним вход запрещен. Я его ударяю сильным резким движением в низ живота, он падает, и я вхожу в кабинет.

Так как я вошел с шумом, то все, сидящие в кабинете, обратили на меня внимание. Я спросил ближайшего ко мне, кто между ними городской голова. Получив ответ, я обратился к последнему с просьбой меня выслушать, извиняясь, что позволил себе войти в кабинет столь эксцентрично. В кратких словах я объяснил причину моего прихода.

Городской голова г. Челноков вместо ответа попросил меня уйти.

Надо понять, в каком душевном состоянии в то время я был, что не ел и не пил со вчерашнего дня. В кабинет головы я вошел в седьмом часу вечера. Кровь бросилась мне в голову. Я был вне себя и в каком-то иступлении начал истерически кричать, насколько я теперь помню, следующее:

— На всем пути с театра военных действий и здесь, в Москве, в сердце России, никому вообще — ни вашему губернатору, ни градоначальнику, ни вам, здесь сидящим, сытым, жирным и, видимо, довольным собой, — нет никакого дела до несчастных 1028 человек, сидящих в настоящее время в грязных товарных вагонах голодными, больными, с женами и детьми.

Когда я пришел в себя, то оказался сидящим в кресле городского головы, около меня находился доктор, приводивший меня в чувство, и сам Челноков. Увидев, что я пришел в сознание, городской голова очень дружелюбно попросил извинения за все происшедшее. Он сказал, что городская управа только постановила принять на себя полное попечение о моих беженцах. Один из членов управы, которого Челноков мне тут же представил, был назначен ответственным за беженцев. На первое время было ассигновано 15 000 рублей.

После моего подробного объяснения решено было, что сегодня беженцы переночуют в вагонах, продукты для питания будут немедленно отправлены на вокзал, завтра утром их перевезут в Морозовский дом для бедных, который к этому времени будет почищен. Причем семьям более интеллигентным немедленно наймут отдельные квартиры, и всех вообще возьмут на полное иждивение города до устройства на места или работу.

Я пробыл в Москве четыре дня, до тех пор, пока все мои беженцы под моим личным наблюдением не были прекрасно устроены.

Через несколько месяцев мне случилось вновь быть в Москве. Все козеницкие беженцы попечением городской управы оказались в прекрасных условиях жизни. Интеллигенты получили соответственно их знаниям места на городской службе и в разных предприятиях, простые люди были устроены на разные работы. Те же, которые не могли работать, получили бесплатно отдельные квартиры и вполне достаточное денежное пособие, причем в него входила даже некоторая сумма на развлечения. Я посетил некоторых из беженцев. Все они благодарили меня за то, что я привез их в Москву.

Из Москвы я проехал в Петербург и явился в земский отдел Министерства внутренних дел к товарищу министра Лыкошину. Рассказал ему все, со мной происшедшее.

Меня оставили при земском отделе. Через несколько дней управляющий земским отделом вызвал меня и сказал, что вся ответственность за работу с беженцами возложена на члена Государственного совета С.И. Зубчанинова, который назначен главноуполномоченным по устройству беженцев. Я назначаюсь в его распоряжение, как уже имеющий опыт по беженскому делу. Управляющий земским отделом приказал мне тотчас же явиться к Зубчанинову.

Из земского отдела я поехал к Зубчанинову. Он очень любезно меня принял, отметив, что управляющий земским отделом и товарищ министра аттестовали меня ему с самой лучшей стороны. Он попросил меня подобрать ему столько сотрудников, сколько я могу. Я пригласил пять своих сослуживцев, комиссаров по крестьянским делам Царства Польского, бывших так же, как и я, в земском отделе. Сам Зубчанинов пригласил к себе товарищем члена Государственной думы от Екатеринославской губернии Г.В. Викторова. Всего нас оказалось восемь человек — первоначальный кадровый состав Главного управления по устройству беженцев. На первом совещании мы установили предмет наших действий и программу.

Через два дня мы выехали в двух отдельных вагонах — салонах на фронт. Нам всем в земском отделе выдали документ, по которому мы получили в Министерстве путей сообщения личные карточки на право проезда в первом классе по всем российским железным дорогам.

Доехали мы до Брест-Литовска. Главноуполномоченный поехал в ставку главнокомандующего за инструкциями, а мы остались его ждать в Брест-Литовске.

Не прошло и двух суток, как он вернулся и послал своего товарища Викторова, меня и четырех комиссаров в город Кобрин (Гродненской губернии).

В Кобрине оказалось большое скопление беженцев, которые требовали немедленной помощи.

Не только весь город был ими заполнен, но все окрестности вокруг Кобриня представляли сплошной бивуак. Сколько было беженцев, определить точно не представлялось возможным, но, по приблизительным расчетам, их было около 250 000 человек.

Большинство были православные крестьяне Холмской губернии, которые вышли целыми приходами со своими священниками. Были среди них и поляки разных губерний Польши. Были и жители губерний, прилегающих к Польше.

При отступлении нашей армии распоряжением штаба главнокомандующего во многих местностях жителям было предложено покинуть свои места. Жителям Холмской губернии это распоряжение было предъявлено отступающими войсками в более настойчивой форме. В других местностях военные власти не требовали энергичного исполнения этого распоряжения. Поэтому процент жителей Холмской губернии оказался столь велик среди общего числа беженцев.

Следующий факт я не мог никак лично проверить, но беженцы Холмской губернии лично мне говорили, что казаки нагайками выгоняли их из селений. Многие беженцы подтвердили это много раз мне лично в разное время.

Было понятно, прочему бежали некоторые жители города Козеницы — они испугались германского обстрела, уже начавшегося. Они знали, что город находится в самом центре солидных укреплений, расположенных вокруг него почти кольцом. Откуда бы ни наступали немцы — все плохо для Козениц. Жители боялись артиллерийского огня и, как следствие, общего пожара. Поэтому понятно, что они бежали куда глаза глядят.

Впоследствии мне пришлось говорить с некоторыми высшими офицерами Генерального штаба о причинах этого, на мой взгляд, странного распоряжения — снимать массы людей с места их постоянного жительства. Офицеры мне объясняли, что предполагалось использовать пример 1812 года, когда в полосе наступающих французов все жители бежали, уничтожая и увезя с собою все жизненные припасы, чем ставили неприятеля в тяжелое положение.

В ставке главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича — первоначально появилась подобная же мысль: по возможности обезлюдить местность, по которой должен идти противник, и тем самым затруднить его продвижение. Какая наивная мысль, совершенно непродуманная, если не сказать сильнее.

Действительно, в 1812 году армия двигалась по узкому коридору. Снабжение ее производилось или подвозом припасов на повозках, или местными средствами. Обезлюдение узких путей наступления противника действительно ставило наступающего в тяжелое положение в смысле снабжения продовольствием.

В настоящее время условия совершенно изменились. Теперь армия наступает широким сплошным фронтом, можно сказать от моря до моря, имея в своем распоряжении многочисленные железнодорожные пути, по которым идут бесчисленные поезда, грузовые и легковые автомобили, бесконечные ленты обозов. Все это дает возможность армии подвозить все ей необходимое в достаточном количестве, почти не нуждаясь в местных средствах. Современная армия настолько численно велика, что никакими местными средствами ее нельзя прокормить. Напротив, как показал опыт последней войны, армия часто помогает местным жителям продовольствием. Это имело место в Козеницком уезде, где немцы даже давали мясо жителям разрушенных пунктов, в чем я лично неоднократно убеждался во время своих поездок по Козеницкому уезду.

Теперь обезлюдение местности не наносит никакого вреда наступающему противнику, а, напротив, помогает его движению, не стесняя его движения.

В настоящее время население этих местностей несравненно более плотное, чем было в 1812 году. И если теоретически предположить, что обезлюдение путей противника все-таки наносит ему какой-то вред, то, во всяком случае, этот ущерб во много раз меньше того вреда, который, в конце концов, получает наше население и вся страна. Бегущие жители теряют все, что имеют. Очевидно, что с ними вместе теряет и само государство, которое должно их устроить, создать им какую-то новую жизнь. На все это требуются огромные средства и организации.

Так было у нас в последнюю войну. Сколько несчастий, горя, смертей произошло из-за необдуманного распоряжения властей. Сколько материальных средств было израсходовано только на крайне необходимую помощь беженцам. Если на одну чашку весов бросить все, что потеряли беженцы и Россия через них, а на другую — ущерб немцев, то первая чашка будет внизу, а вторая — высоко наверху.

В изложении страды беженства в Великую войну в той ее части, в которой я принимал самое непосредственное руководящее участие, я постараюсь быть по возможности объективным и беспристрастным. Должен предупредить, что хотя некоторые подробности и имена участвующих лиц забылись, однако общее описание будет правильным.

Я счел полезным в своих записках более подробно остановиться на беженском движении, поскольку о нем почти ничего не было написано в печати.

На организацию возможной помощи беженцам наше правительство израсходовало огромные денежные средства — всего более 500 млн золотых рублей. Правительство вынуждено было взять на свое попечение массы людей, сколько — точно никому не известно, но не менее 2 млн человек, лишившихся решительно всего имущества, потерявших своих кормильцев, а также взять на свое полное иждивение малолетних сирот, стариков, старух и вообще всех, не могущих работать.

Правительственная организация помощи беженцам, так называемая «Северопомощь», должна была кормить, одевать, лечить, помогать рождению детей, хоронить, давать приют сиротам, неработоспособным, старикам, умалишенным, учить детей школьного возраста и вообще оказывать всякую помощь обездоленным людям.

Не стоит забывать, что все беженцы были людьми, лишенными всего, не только движимого и недвижимого имущества, но также и каких-либо денежных средств. Только через мои руки прошло более 20 800 000 рублей деньгами, не считая огромного количества предметов материального довольствия самых разнообразных родов, которые я получал от главного уполномоченного по устройству беженцев, стоимость каковых превышала во много раз израсходованные мною наличные деньги.

Необходимо заметить, что почти все беженцы были простые люди — простые крестьяне, немного ремесленников и рабочих. Интеллигентов между ними не было, только изредка встречались мелкие собственники, учителя и другие. Из Холмской губернии крестьяне, подгоняемые войсками, вышли целыми приходами во главе с их священниками. Архиепископ Холмский Анастасий просил последних не бросать своих приходов.

В городе Рославле священники оставили свои приходы и по одиночке разъехались кто куда мог.

Примечательно, что между беженцами, находившимися под моим управлением, которых всего перебивало в разное время числом более пятисот пятидесяти тысяч человек, совершенно не было евреев, хотя все беженцы были из черты оседлости. Я не могу дать этому явлению никакого действительного объяснения. Могу только высказать свое личное предположение, что вообще еврейское население было послушно каким-то мне неизвестным распоряжениям, исходившим из какого-то центра, который руководил вообще действиями еврейского населения во время войны и заблаго-

временно ставил в известность евреев о своих распоряжениях, которыми они все безусловно повиновались.

Если отрицать последнее мое предположение, то становится совершенно непонятным: по каким причинам все решительно евреи, населявшие в больших количествах Польшу и Белоруссию (местами до 40 %), остались на своих местах жительства. Они не повиновались распоряжениям военных властей уходить, в то время как христианское население массами послушно уходило, бросая решительно все свое имущество на произвол судьбы?

Считаю своим долгом подчеркнуть, что мое это предположение я не имею возможности подтвердить никакими доказательствами — оно вытекает исключительно из логических рассуждений.

Среди беженцев, уходивших не по железным, а по шоссейным и грунтовым дорогам, почти полностью отсутствовали интеллигенты. В этом, мне думается, кроется причина того, что как в русской, так и в иностранной литературе не встречается повествований о беженцах Великой войны.

Служба в передовом уполномочии по устройству беженцев

Правительственная помощь беженцам осуществлялась при помощи особой организации, созданной в конце июня 1915 года, под наименованием Главное управление по устройству беженцев, или «Северопомощь», во главе которого был поставлен главноуполномоченным С.И. Зубчанинов, предводитель дворянства Псковской губернии, член Государственного совета по результатам выборов. У него были два товарища главноуполномоченного, оба члены Государственной думы — Г.В. Викторов (от Екатеринославской губернии) и А.И. Зарин (от Псковской губернии).

Непосредственная помощь беженцам производилась уполномоченными по устройству беженцев, которые находились и развивали свою деятельность на фронтах военных действий, по возможности вблизи боевой линии. Весь фронт войны был разделен на несколько участков, во главе каждого из них находился уполномоченный.

Так как беженцы в большинстве своем питали надежду, что война скоро закончится, поэтому стихийно стремились держаться около боевого фронта, как бы цепляясь за его линию, надеясь, что вот-вот, наконец, наступит мир и им будет недалеко вернуться до-

мой. Поэтому и помощь им приходилось оказывать в местностях среди расположения наших войск.

Но кроме беженцев в местностях, прилегавших к фронту, оставались на своих местах многие жители. Все они оказывались безо всяких средств к существованию, поэтому и их приходилось опекать так же, как и беженцев. Трогательно было смотреть, как земледельцы на поле, подвергавшемся периодическому обстрелу со стороны немцев, старательно сеял зерно, думая о завтрашнем дне.

Таким образом, сама жизнь потребовала образования так называвшихся передовых уполномочий по устройству беженцев, которые, смотря по необходимости, охватывали район одной или нескольких армий. В местностях, более удаленных от фронта, были образованы тыловые уполномочия, каковых было только два, так как беженцы, поселявшиеся в губерниях вне расположения боевых армий, оказывались в ведении местных губернаторов. Последним в помощь распоряжением земского отдела Министерства внутренних дел командировались особые лица для заведования устройством беженцев.

Главное управление по устройству беженцев находилось в Петрограде и имело весьма многолюдную, дорого стоящую канцелярию с многочисленными отделами. По количеству служащих это управление было поболее некоторых министерств, как, например, военного и иностранных дел. При этом медицинский отдел по снабжению уполномочий санитарным имуществом имел особую организацию, расположенную отдельно. Отдел по заготовкам всякого вообще имущества и продовольствия, также крайне многолюдный, находился в Москве. Кроме того, оба товарища главноуполномоченного имели свои канцелярии с огромными штатами личного состава — один в Пскове, другой — в Минске.

Служба по устройству беженцев почему-то засчитывалась как военная, а значит, служащие освобождались от призыва в войска. Потому главноуполномоченный, его товарищи и уполномоченные постоянно осаждались просьбами «высоких особ» и разных лиц о приеме их сыновей и родственников на службу по устройству беженцев.

Сам Зубчанинов старался держаться за всякую мало-мальскую протекцию и угождать всем большим особам, почему и не отказывал в приеме под свою руку всем, старавшимся спастись от войны. Организация «Северопомощь» не имела штатов. Это открывало возможности принимать бесчисленное количество служащих.

Главными действительными деятелями по устройству беженцев были уполномоченные на местах. Канцелярия главноуполномоченного и его товарищей более чем с тремя тысячами служащих занималась бесполезным бумажным писательством груд никому не нужных бумаг, оправдывая свое отсиживание в тылу.

Кроме правительственной «Северопомощи», делом помощи беженцам занимались Земской и Городской союзы: в очень небольшом размере — в прифронтовой полосе и немного более — в тыловых губерниях. Они также работали на казенные деньги. Служба в этих организациях также освобождала от призыва в армию, а потому они также были переполнены спасающимися от войны. В составе этих организаций было много евреев. Все частные доктора еврейского происхождения оказались в составе Городского и Земского союзов. Городской союз был переполнен ими до крайности.

Оказать какую-либо действительную помощь беженцам в Кобрине, куда мы прибыли в начале июля месяца 1915 года, мы не могли. В нашем распоряжении не было (кроме крупной суммы денег, на которые ничего нельзя было купить) никакого материального имущества, продовольственных припасов, необходимых для прокормления и устройства сотен тысяч беженцев.

В Кобрине немного помогали беженцам Земской и Городской союзы и военные власти, но это была не правильно организованная помощь, а какая-то обрывочная, несогласованная, создававшая впечатление взаимного соперничества между Земским и Городским союзами.

Беженцы были расположены огромным лагерем около северо-восточной части города. Питательные пункты союзов расположились почему-то не равномерно по всей площади, занимаемой беженцами, а были сосредоточены в непосредственной близости от города, на его окраине. Причем если в одном месте находился питательный пункт Земского союза, то непременно около него был и пункт Городского союза. Всего таких двойных питательных пунктов было четыре на всю двухсоттысячную, а может быть и более, массу народа. Несколько походных войсковых кухонь также выдавали беженцам горячую пищу раз в день, а также кипяток для чая.

Вскоре выяснилось, что совершенно не представляется возможным достать откуда-нибудь каких-либо продовольственных припасов. Через день после нашего прибытия в Кобрин Г.В. Викторов был вызван телеграммой в ставку. Поэтому совещание с местными властями для выяснения вопроса о том, что можно и надо сде-

лать для беженцев, собрал второй товарищ главноуполномоченного А.И. Зарин. После совещания Зарин тотчас же уехал, оставив меня вместо Викторова представителем «Северопомощи» и выдал мне 200 000 рублей.

На другой день приехал гродненский губернатор генерал-майор В.Н. Шебеко, бывший во время моей службы в Главном управлении Генерального штаба нашим военным агентом в Берлине, и потому мне хорошо известный. Он тоже собрал совещание, такое же бесплодное, как и первое. На это совещание были приглашены представители союзов, но они на совещание не явились, заявив, что они ничего не имеют общего с правительственными чиновниками. Губернатор Шебеко обещал по моей просьбе немедленно возбудить ходатайство перед высшими властями о скорейшей доставке в Кобрин продовольственных запасов в мое распоряжение и быстро исчез.

Я остался в Кобрине с четырьмя сотрудниками, трех из которых послал в соседние местности для выяснения вопроса о возможной закупке продовольствия.

Узнав, что у многих беженцев на руках имеются реквизиционные квитанции, выданные им войсками на местах проживания за забранные у них по мелочи припасы, я решил прийти на помощь беженцам и объявил, что оплачиваю все квитанции. Тотчас же ко мне потекли рекой беженцы, предъявлявшие мелкие квитанции, которые я все оплатил.

Впоследствии я получил замечание о том, что мне не следовало оплачивать по реквизиционным квитанциям более чем 12 000 рублей, поскольку по существующим правилам последние могли оплачиваться только местными казначействами. Я письменно изложил свои возражения. Они сводились к следующему: местные казначейства более не существуют, так как находились в местностях, занятых немцами, а потому беженцы, имевшие на руках квитанции, вряд ли когда-либо получили бы по ним деньги. Почти через полгода я получил ответ, что мне следовало возбудить ходатайство об изменении правил о выдаче денег по реквизиционным квитанциям, а не нарушать установленный порядок.

Я понимал свою роль, как человека, назначенного правительством помогать обездоленным беженцам всем, чем возможно, а не думать, по правилам ли я это делаю или нет. Впоследствии я интересовался, получили ли беженцы в других местностях по квитанциям. Оказалось, что, несмотря на настойчивые требования, никто им ничего не заплатил.

Ожидая обещанные губернатором Шебеко продовольственные припасы, я занялся предварительной подготовкой всего необходимого для устройства питательных пунктов, а потому стал подбирать соответственный личный состав из местных жителей по рекомендации предводителя дворянства. Через несколько дней у меня оказалось достаточно сотрудников для открытия на первое время четырех питательных пунктов (по получении припасов).

Человек предполагает, а Бог располагает.

Утром 15 июля я уплачивал беженцам деньги по квитанциям, сидя на крыльце дома, который я занимал. Вдруг появились германские аэропланы и начали бросать бомбы на город Кобрин. Одна из первых, как мне показалось, брошенных бомб разорвалась посреди улицы напротив моего дома и несколькими осколками очень легко ранила двух беженцев и моего служащего, записывавшего выдачу денег. Вторая бомба, разорвавшаяся тотчас после первой, попала в сад, окружавший дом, и выбила два окна в моей комнате. Беженцы все разбежались, и я, наблюдая за полетом аэропланов, увидел, что они уже сбрасывают бомбы на места расположения беженцев.

Дом, в котором я жил, был расположен недалеко от окраины города, и потому мне было видно, как немцы бросают бомбы прямо на беженцев. Я позвал нескольких служащих и приказал им немедленно бежать в штаб войск и просить их выслать побольше санитарных повозок для помощи раненым, указав им направление, куда ехать, а сам пошел в лагерь беженцев.

Как только я вышел из города в поле, тотчас, еще издали заметил большое смятение среди беженцев, расположенных сплошной массой со своими примитивными палатками и домашним скарбом. Подталкиваемый охватившим меня волнением, я побежал вперед.

Вдруг недалеко впереди меня разорвалась бомба. В тот же момент я совершенно бессознательно упал на землю. Однако тотчас же, не давая себе ни в чем отчета, вскочил и почему-то бросился бежать, что было мочи, к одинокой, недалеко стоявшей ветряной мельнице и плотно прижался к ней.

Через некоторое время я пришел в себя и подумал:

«Какая глупость прятаться за мельницей, будто бы аэроплан целится именно в меня. Да и хрупкое здание мельницы едва ли спасет меня».

Заставив себя преодолеть какой-то необъяснимый животный страх, я пошел по полю к беженцам.

Войдя в лагерь, я оказался перед ужасной картиной. У моих ног лежал старик ничком к земле, голова у него была совершенно разбита и представляла бесформенную массу. Около него лежала молодая девушка, у которой были перебиты обе ноги, нижние их части от колен были откинута в стороны и образовали по отношению к ее туловищу прямые углы. Почти вся она была обнажена, кровь медленно вытекала из разорванных кровеносных сосудов. Она была еще жива, с открытыми огромными глазами, выражавшими неопишувемый ужас. Тут же рядом с ней лежала на боку, видимо, ее сестра, которой, вероятно, крупный осколок бомбы попал в спину. Пробив всю грудь, он выдавил наружу сердце, которое целиком вышло из груди и, держась на ближайших мускулах и кровеносных сосудах, продолжало свою вечную работу. Было ясно видно, как оно расширялось и сжималось. Эта девочка тоже еще была жива, глаза закрыты. Она издавала какой-то странный звук, непрерывно повторяя одну и ту же ноту. Тут же лежала лошадь, у которой был распорот живот, и внутренности выпали наружу.

Вокруг меня огромная толпа безумно кричала в каком-то ужасном смятении, все были как сумасшедшие. В этот момент где-то поблизости опять упали несколько бомб одна за другою. Крики толпы усилились. Я поднял взор на небо и увидел несколько аэропланов, блестящих серебром на ярких лучах солнца. Было ясно видно, как ближайший бросил бомбу, которая полетела на массу безумных людей.

Голова у меня закружилась, я почувствовал терпкий запах горячей человеческой крови и, не помня себя, бросился бежать. Но скоро, споткнувшись о чье-то мертвое тело, упал на него, мои руки коснулись еще горячей крови. Я в ужасе вскочил и постарался выйти как можно скорее из толпы народа.

Совершенно бессознательно достиг я, наконец, ближайшей улицы города, пробежал несколько кварталов и пришел в себя только тогда, когда увидел несколько санитарных повозок, несущихся мне навстречу. Я остановил первую повозку и дал указание находившемуся в ней доктору, куда ехать за ранеными. Сам пошел домой и послал еще двух человек с запиской в штаб войск с просьбой выслать еще не менее двадцати санитарных повозок — мне было ясно, что раненых много.

Действительно, раненых оказалось более четырехсот человек. Сколько было убитых, узнать не удалось — близкие сразу предали их погребению там, где их настигла смерть.

Среди беженского лагеря распространились тиф и холера. Больных было, по-видимому, очень много. Военные лазареты в Кобрине принимали только тифозных больных и весьма ограниченное количество. Был еще лазарет Красного Креста Георгиевской общины, куда я лично обратился с просьбой принимать беженцев, заболевших холерой и тифом.

Заведовавшая лазаретом женщина-врач (ее фамилию я, к великому сожалению, забыл) охотно согласилась исполнить мою просьбу. В продолжение одного дня лазарет Красного Креста Георгиевской общины был переполнен людьми настолько, что многих пришлось положить прямо на землю, подложив под них доски, сено или солому вместо матрасов.

Санитарный персонал лазарета был выше всякой похвалы. Сотрудники лазарета работали самоотверженно день и ночь, не зная отдыха, делая все возможное, чтобы помочь людям. Однако количество больных было настолько велико, что о каком-либо рациональном уходе нечего было и думать — больные умирали на земле, корчась в предсмертных судорогах. Лазаретный священник не успевал напутствовать всех, отходящих в лучший мир.

Как я уже заметил, беженцы, особенно первое время, держались около самого фронта, ожидая скорого окончания войны, и потому упорно не желали двигаться вглубь страны. Только этим явлением и можно объяснить такое огромное скопление их в городе Кобрине.

На следующий день после бомбардировки с аэропланов я, полагая, что это, вероятно, признак скорого наступления немцев, решил лично отправиться в ближайшей штаб боевой линии, чтобы узнать, к чему следует быть готовым.

Мне удалось купить кабриолет и довольно вместительную тележку с лошадьми. В кабриолете я поехал к боевому фронту, который отстоял от Кобрина в двадцати — двадцати пяти верстах.

По указаниям редко проходивших и проезжавших мне навстречу военных я проехал в штаб корпуса, который был расположен на небольшой поляне, среди густого леса, причем все палатки были раскинута под деревьями, а на самой поляне стояли два полевых орудия, приспособленные особым образом для стрельбы по аэропланам.

Еще за несколько верст до штаба корпуса обратила на себя внимание какая-то особенная, полная жути, тишина — в лесу будто все вымерло, не было слышно пения птиц, да и вообще, их не было видно нигде. Сама природа затихла в ожидании смертного боя.

Около дороги стояло много оставленных владельцами домов с закрытыми ставнями окнами и часто с заколоченными досками дверями. Только кое-где изредка клубился дым из трубы — эти обитатели не ушли, а храбро предоставили велению судьбы решение своей участи.

Достигнув расположения штаба корпуса, я оставил кабриолет под деревом и пошел искать канцелярию штаба. Везде было тихо, не было слышно голосов. Оказалось, что все спали крепким послеобеденным сном.

Заметив большую палатку типа офицерского собрания, я вошел в нее. Это действительно оказалось собрание штаба. Нашел солдата и попросил доложить начальнику штаба о моем желании поговорить с ним по важному делу. Солдат ушел. Вскоре появился штабной офицер и вежливо попросил меня подождать, пока генерал окончит свой отдых.

Ожидая генерала, я вступил в беседу с адъютантом, который оказался разговорчивым, любезным офицером, рассказавшим мне, что наши войска, значительно превышавшие количеством немцев, из-за полного недостатка снарядов и ружейных патронов, не могли не только наступать, но даже оказывать достаточное сопротивление дерзко наступающему противнику.

— О каком же наступлении, — говорил он мне, — или сопротивлении немцам мы можем думать, когда наши батареи не могут выпускать более трех-четырёх выстрелов на орудие, а солдаты — более десяти-пятнадцати патронов на винтовку. Поэтому мы стараемся накапливать по возможности более снарядов и патронов, после чего мы изредка переходим большими силами в энергичное наступление на наступающих на нас немцев, наносим им сильный, короткий удар. Они быстро отступают.

Однако, — продолжал он, — мы лишены возможности преследовать врага, так как у нас нет более патронов. Потому мы, победители, должны сами отходить, как говорится, «на новые позиции». Немцы настолько слабы, что даже нас никогда не преследуют. Мы все это чувствуем и знаем. Стоит только нам продолжить начатое наступление — и противник наш сам начнет отступать на широком фронте, так как он не имеет позади себя никаких резервов — ведь их наступает тоненькая ниточка, обильно снабженная боевым снаряжением и техническими средствами. Мы беспомощны — нанося удар за ударом по немцам, отогнав их, мы должны все-таки уходить, так как у нас совершенно нет патронов. Часто офицеры, от-

ступая, плачут, солдаты бросают винтовки, как ненужную тяжесть. Всех берет отчаяние. В полках начинается деморализация. Но что же делать? Поймите, у нас нет оружия, у нас есть только обезоруженные массы, которых энергичный, но в малом количестве противник засыпает градом снарядов, пуль. Какой храбрости и самоотверженности можно требовать от обезоруженных масс?

Армия, — заметил офицер в заключение, — особенно войска первой линии, честно хотят исполнить свой долг. Они сами осознают, что могут разбить на голову смелого врага. Но они бессильны. Солдаты перестают верить своим офицерам. Это очень опасное явление. Мы, офицеры, беседуя между собой, часто говорим, что все это однажды кончится очень плохо. Дисциплина заметно падает, мы со страхом думаем о будущем, что ожидает нас и вместе с нами всю Россию.

Речь офицера произвела на меня гнетущее впечатление, которое пало тяжелым камнем на мою душу.

В конце нашей беседы пришел в собрание начальник штаба, и я обратился к нему с просьбой, сказать мне, уполномоченному Министерства внутренних дел, предполагается ли скорое отступление армии или она задержится на этом месте более продолжительное время. Я объяснил ему, что решил явиться в штаб боевого корпуса, чтобы из первоисточника получить достоверные указания — в зависимости от того, будет ли наша армия наступать или отступать, мне предстоит задержать беженцев здесь либо отправить их вглубь страны. Я объяснил ему, что это вопрос жизни и смерти многих беженцев, которых в окрестностях города Кобрина около 250 000 человек с семьями. Я описал генералу то, свидетелем чего стал вчера. Рассказал и то, что ожидает несчастных, если им придется неожиданно уходить, что я принял меры к доставке припасов для беженцев в большом количестве. Обидно будет, если все это продовольствие попадет в руки немцев.

Генерал меня внимательно выслушал. По выражению его лица я понял, что вряд ли получу прямой ответ. Потому в конце своей речи я задал ему косвенный вопрос, заготавливать мне продовольствие или нет.

— Конечно, заготавливайте, у нас здесь позиции прекрасные — мы думаем на них стоять долгое время, у нас нет никаких данных к отступлению — напротив, мы скоро перейдем в наступление.

— Так беженцам лучше оставаться около города Кобрина?

— Да, самое лучшее.

Я поторопился скорее в Кобрин. Вскоре стало темнеть, я не решился продолжать свой путь по мало знакомой местности и, заметив около дороги флаг Красного Креста, подъехал к нему. Оказалось, это был полевой госпиталь, где меня очень радушно приняли, угостили хорошим обедом и предложили переночевать. На следующий день еще до полудня я уже был в Кобрине.

По дороге из штаба я раздумывал над речью адъютанта и словами генерала. Я пришел к заключению, что первый говорил мне правду, а второй, начальник штаба корпуса, официальное лицо, отринув человеческое, сказал мне лишь то, что позволяло ему его служебное положение.

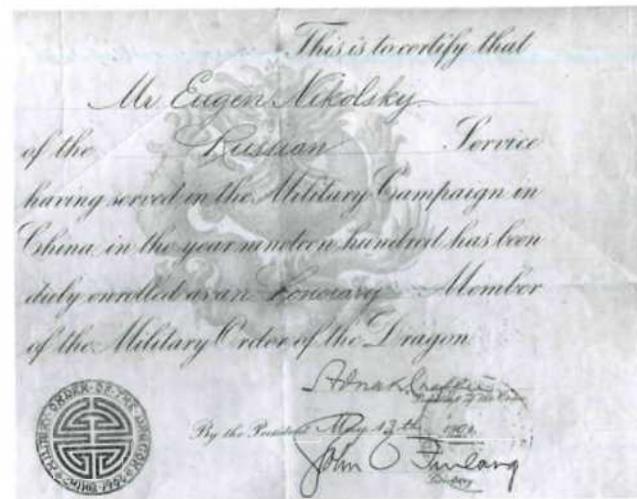
Я решил принять меры одновременно и к снабжению беженцев продовольствием, и к отправлению их по возможности в соседнюю, Минскую область. Я немедленно послал телеграммы главноуполномоченному по устройству беженцев и губернатору Шибко с просьбой о высылке продовольствия разного рода. Своих служащих разослал по беженскому лагерю успокоить народ, предложить желающим уехать вглубь России. На железнодорожной станции их будут принимать на специальные поезда.

Сам я со станции срочно послал телеграммы в штаб местной армии, в ставку Главнокомандующего, заведовавшего передвижением войск, и своему главноуполномоченному о предоставлении в мое распоряжение всех освобождающихся на станции Кобрин воинских товарных поездов для отправления с фронта беженцев, несомненно стесняющих движение войск. Я просил срочно сегодня же по телеграфу отдать соответствующие распоряжения местному начальнику станции. В телеграммах предупреждал, что беженцы самовольно занимают отправляющиеся порожние вагоны и поезда.

На утро следующего дня все ожидаемые мною в Кобрине распоряжения были получены. Беженцы, желающие уехать, начали грузиться на поезда. В тот же день я зашел в госпиталь Красного Креста, в котором находились тифозные и холерные больные беженцы, переполнившие его выше всякой меры. Женщина-врач, заведовавшая госпиталем, о которой я уже упоминал, обратилась ко мне с вопросом:

— Что мне делать в случае наступления немцев?

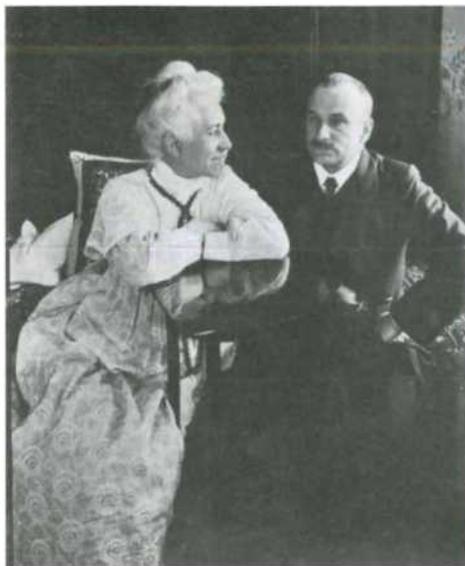
— Я вас прошу оставаться на месте со всем персоналом и со всеми больными, так как согласно Женевской конвенции личный состав санитарных учреждений не может считаться военнопленными. В этом случае персонал санитарных учреждений должен

Свидетельство, выданное Е. А. Никольскому о зачислении его в почетные члены Военного ордена Дракона. Пекин. 13 мая 1900

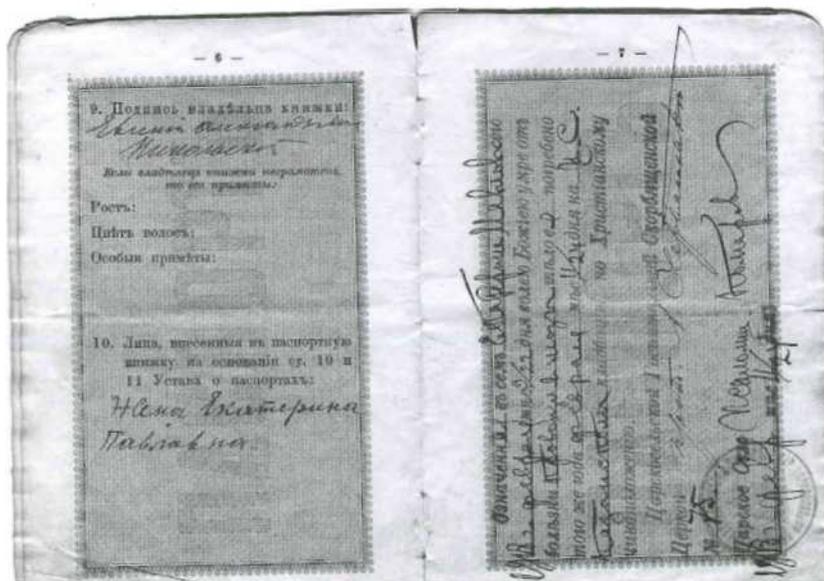
Е. А. Никольский на службе у турецкого султана – в составе русского отдела Международной комиссии по реорганизации турецкой жандармерии в Македонии. Салоники. 1908

Уездный комиссар
по крестьянским делам Царства
Польского Российской Империи
Е. А. Никольский с первой
супругой. Козеницы Радомской
губ. 1913

Бессрочная паспортная книжка гражданина
Российской Империи Е. А. Никольского,
выданная в Петрограде 12 января 1914

Запись в паспортной книжке о смерти первой
жены Е. А. Никольского в Царском Селе
22 февраля 1918

Полковник Е. А. Никольский,
районный уполномоченный
по делам беженцев в прифронтовой
полосе. Служил уполномоченным
в г. Кобрин Гродненской губ., Рославле
Смоленской губ., Туле, Риге, Ревеле
Эстляндской губ., охватив в общей
сложности более 550 000 человек.
1915–1917

«I Передовое уполномочие» при правительственной организации «Северопомощь», созданной Главным управлением по устройству беженцев. В центре: районный уполномоченный Е. А. Никольский. Ревель Эстляндской губ. 1916 – октябрь 1917

Е.А. Никольский с дочерью Ольгой. Харбин (Китай). 1921–1922

Е. А. Никольский, его вторая жена Татьяна Ивановна Никольская (урожд. Зехова) и дочь Ольга. Сан-Франциско. Первая половина 1920-х гг.

На прогулке в Голден гейт парке. Верхний ряд (слева направо): супруга брата Т. И. Никольской – Галина Александровна Зехова; Е. А. Никольский; Т. И. Никольская; сестра Т. И. Никольской – Елена Ивановна Биссел. Нижний ряд (слева направо): Ольга Никольская и дочь Е. И. Биссел – Надя. Сан-Франциско. Начало 1920-х гг.

Е. А. и Т. И. Никольские с дочерью Ольгой (внизу в центре). Сан-Франциско. Конец 1920-х гг.

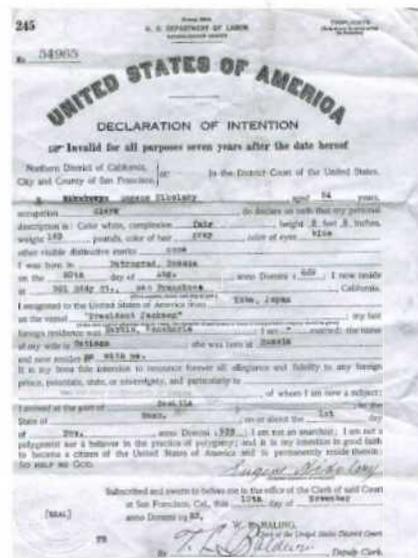
Е. А. Никольский с дочерью Ольгой. Сан-Франциско. Вторая половина 1920-х гг.

В гостях на ферме у Е. И. Биссел. Вверху: 1-й слева – Е. А. Никольский, 1-я справа – Т. И. Никольская. Центральные фигуры не идентифицированы. Впереди – Ольга Никольская. Сан-Карлос. Конец 1920-х гг.

Первая страница загранпаспорта Е. А. Никольского, полученного в Харбине для выезда в Америку. 1923

Виза в США, полученная Е. А. Никольским в Харбине 10 ноября 1923

Надгробные кресты семьи Е. А. Никольского на Сербском кладбище в Сан-Франциско, где похоронена основная часть оказавшихся там русских эмигрантов. Фотография 2007 г.

быть освобожден и переправлен через нейтральные государства обратно в свою страну.

— Думаю, — ответила мне женщина-врач, — что персонал госпиталя согласится остаться — что же остается делать, нельзя же массу больных и умирающих просто бросить на произвол судьбы. Но как же быть с деньгами? У меня в кассе имеется только очень небольшая сумма для текущего довольствия, едва достаточная на два-три дня. Весь личный состав, таким образом, остается без средств!

— Об этом не беспокойтесь. Я вам сейчас же выдам как аванс сумму, достаточную на уплату содержания за целый год. Сколько вам надо? Только не бросайте несчастных.

Через час я принес деньги и выдал их заведующей. Она собрала всех служащих госпиталя, и я, обрисовав весь ужас оставления больных и умирающих беженцев на произвол судьбы, попросил персонал госпиталя остаться на месте при появлении немцев, объявив при этом, что выдал их заведующей аванс, достаточный для уплаты содержания на год.

Весь личный состав госпиталя, как один, ответил согласием на мое предложение.

Насколько была предана своему долгу заведующая госпиталем, настолько же ей верили все ее сотрудники и подчиненные. Все они явили передо мной замечательное единение во исполнение своего долга.

Страдный путь с беженцами через Пинские болота

На рассвете следующего дня меня разбудил полицейский. Он доложил, что наши войска все отступили без боя, что к Кобрину подходят немцы и что надо немедленно уходить.

Это произошло ровно через два дня, как я побывал на фронте у начальника штаба.

Я быстро разбудил сотрудников. Мы сложили все вещи на найденные две повозки, и все пешком тронулись в путь.

Дом, в котором мы помещались, был расположен на главной улице, проходившей через весь город и торговую площадь с большим гостиным двором. Когда мы поднялись на высшую точку улицы, то увидели еще издали, что горит гостиный двор — клубы густого дыма поднимались к небу, прерываемые огненными языками.

ми. Я шел впереди нашей группы и, подойдя к гостиному двору, увидел следующую сцену.

Несколько солдат-грабителей выходили из двора, нагруженные награбленным. К ним подошел саперный офицер и приказал положить взятое обратно. Все солдаты послушались, но один из них грубо и вызывающе крикнул:

— А тебе какое дело, добро — не твое!

Офицер быстрым движением вынул из кобуры револьвер и выстрелил в солдата, который упал, видимо убитый, на награбленные им вещи.

Офицер заметил меня и, как бы оправдываясь, сказал:

— Эта сволочь нарочно подожгла гостинный двор, чтобы было незаметнее грабить.

Мы спешили как можно скорее пройти полосу огня и потому почти пробежали мимо гостиного двора. Дошли до северо-восточной окраины города, которая омывалась рекою, и вышли к мосту. Мы еще не дошли до него шагов двести-триста, как раздался оглушительный взрыв. Мост был взорван нашими саперами для затруднения немцам дальнейшего продвижения. Мы оказались в безвыходном положении, так как река не была проходима вброд, а вокруг никого из местных жителей не было видно.

На наше счастье, откуда-то появился человек, подошел к нам и сказал, что две версты вверх по реке есть брод, хотя и довольно глубокий, но через который можно пройти. Мы послушались указания неизвестного и действительно нашли брод. Лошади с повозками перешли реку, а за ними и мы вышли на другой берег. Скоро дошли до шоссе, ведущего из Кобрина через известные Пинские болота в город Слуцк.

Это шоссе, построенное во времена Николая I, имело ширину, достаточную для одновременного проезда рядом четырех больших повозок. Шоссе было прекрасно оборудовано. Через каждые пятнадцать верст были выстроены станции очень хорошей постройки — николаевского типа с колоннами, выкрашенными в белый цвет. Были предусмотрены глубокие колодцы с насосами, склады сена и овса, чистые просторные комнаты для проезжающих. Столбы вдоль шоссе, указывающие версты, были окрашены полосами в государственные цвета* — черный, оранжевый** и белый.

* В цвета императорского знамени. — *Примеч. сост.*

** Автор, видимо, имел в виду золотой цвет. — *Примеч. сост.*

Первый переход в пятнадцать верст был самым тяжелым. По этому шоссе отступали артиллерийские и обозные части войск, предоставив половину дороги беженцам. Торопясь как можно скорее уйти из Кобрина, все сбились в общие сплошные массы — конные и пешие люди, повозки, скот, идущий с беженцами. Все двигались медленным шагом, постоянно останавливаясь из-за задержек у идущих впереди. Эти бесконечные остановки были чрезвычайно утомительны. Делая в час около одной версты, мы дошли до первой станции лишь к позднему вечеру, когда уже было темно, преодолев с раннего утра только пятнадцать верст.

Голодные, усталые, мы купили немного хлеба и консервов у артиллеристов и поели, запив холодной водой, также купленной у солдат. Устроив из своих вещей общую постель, завернувшись в одеяла, мы заснули.

С раннего утра тронулись в путь по шоссе, которое свернуло к железной дороге и пошло недалеко от нее.

На первой остановке одному из служащих случайно удалось узнать, что начальник идущего параллельно нам обоза* продает три парных экипажа с полной упряжкой. Я немедленно купил их, и мы все на них разместились. Из разговора с начальником этого обоза выяснилось, что эти экипажи были им, как он выразился, «взяты за пять пальцев» у помещика, через имение которого они проходили.

Вскоре обоз нас обогнал. Вместо него рядом с нами оказался артиллерийский парк. Начальник ехал верхом около моего экипажа. В разговоре с ним я сказал, что у нас нет продуктов. Он тотчас предложил мне купить у него хлеб, консервы, чай и сахар. Я решил принять его предложение. Он с большой охотой продал сравнительно дешево несколько ящиков различных консервов, хлеб, сахар и чай, столько, что нам хватило до самого Слуцка и спасло от ожидаемого нас голода.

«Вот уже второй раз становлюсь скупщиком краденого», — подумал я, расплачиваясь с офицером.

Первые дни наш поход был сравнительно благополучным, но пройти в течение дня более двух станций мы были не в состоянии. Причем с ночлега мы всегда выходили не позднее четырех тридцати утра, а останавливались на бивак с наступлением полной темноты. Чрезвычайно медленным было наше движение, сбиваемое постоянными остановками.

* Военного. — *Примеч. сост.*

Первые два дня нас упорно преследовали германские аэропланы, сбрасывающие на нас бомбы. К счастью, им редко удавалось попасть в узкую полосу дороги. Только два раза я видел издали, что бомбы, вероятно, упали на шоссе, а значит, были и убитые. В непосредственной близости от нас не было ни одного попадания.

Постоянная угроза возможного попадания бомбы крайне отрицательно действовала на психику не только беженцев, но и идущих рядом с нами войсковых частей. Почти у всех лица ясно выражали волнение, некоторые крестились, как только издали появлялся вражеский аэроплан. Особенно волновались матери малых детей. Они инстинктивно прятали их с головой под одеяла и платки, как будто это могло спасти их от немецкой бомбы.

На третий день нашего похода аэропланов больше не было видно, и мы вздохнули свободно. К концу дня мы достигли местечка Картуз-Берега. Это было исключительно военное поселение, где в мирное время располагалась войсковая дивизия. Теперь это поселение было совершенно оставлено жителями, кроме нескольких бедных еврейских семейств, которым, очевидно, некуда было уйти.

Картуз-Берега расположена почти на краю Пинских болот. После этого местечка болото подходит совершенно вплотную к шоссе. Дорожные канавы полны прозрачной водой, но пить ее нельзя — вода Пинских болот полна ядовитыми бактериями. Человек, напившийся ею, заболевает желудочной болезнью в весьма грозной форме и без медицинской помощи очень скоро умирает.

Уже на второй день после выхода из Картуз-Берега начались страдания беженцев. Шедшие с нами войска имели возможность запастись свежей водой. Беженцы не могли этого сделать из-за отсутствия соответствующей посуды.

Было очень жарко, солнце пекло, летало множество болотных moskitov. Жажда у всех, особенно у идущих пешком, была чрезвычайно сильна. А по сторонам дороги — канавы, полные чистой, прозрачной водой. Какой соблазн! Особенно страдали от этого дети.

На станциях были глубокие, наполненные водою колодцы. Впереди идущие очень быстро вычерпывали всю воду из них. Последующим воды не оставалось — можно было зачерпнуть только мутную холодную грязь, но не воду. Дети плакали, кричали, требовали пить, тянулись к канавам и часто пили эту ужасную воду. Матери грудных детей, мучимые жаждой, безуспешно давали им сосать свои тощие груди.

Вечером того же дня рухнул мост через довольно широкую реку*. Крушение произошло впереди нас на расстоянии не более ста — ста пятидесяти шагов. Поэтому мы имели возможность подойти к мосту и увидеть своими глазами гибель тонущих людей. Зрелище было настолько ужасное, что я поспешил скорее уйти, будучи не в состоянии чем-либо им помочь. Люди, находившиеся на мосту, погибли, несомненно, все.

Крушение остановило движение и заставило нас простоять не только всю ночь, но и половину следующего дня. На наше счастье, недалеко оказался саперный парк. Саперы дружно принялись за починку моста и сравнительно скоро его исправили.

На четвертый день прохождения Пинских болот все войсковые части нас обогнали, спеша как можно скорее пройти этот кошмарный участок пути. Беженцы пошли более широкой полосой, заняв все шоссе. Однако от этого общее положение не стало лучше. Потребность в свежей воде становилась все сильнее, а прошедшие войска после себя оставляли колодцы станций совершенно пустыми.

Страдания беженцев усиливались, казалось бы, медленно, однако...

Заболевшие люди умирали. Больные матери малых детей испытывали невероятные мучения — чувствуя приближение смерти и не имея никого из близких, на которых они могли бы оставить своих малюток, матери сами топили своих детей в канавах.

Как-то вдруг появились дети-сироты.

Я установил между нами очередь сидеть в наших повозках каждому из нас по одному часу, а два часа идти пешком. Таким образом, повозки частично освободились, и мы на них посадили шестнадцать детей-сирот. Мы довезли их благополучно до города Слуцка, где я их сдал на попечение местных властей.

Тот факт, что войска обогнали нас, ухудшил общее положение. Надо отдать долг справедливости — военные помогали беженцам всем, чем только могли. Однако, с другой стороны, беженцы пошли вдвое большей полосой и быстрее. Появилась возможность в более короткий промежуток времени пройти болота.

Кроме того, уже через сутки воды в колодцах стало оставаться больше. Это произошло, быть может, отчасти благодаря тому, что мне пришлось в голову попросить начальника одной из войсковых

* Кажется, река Шара.

частей взять с собой несколько моих сослуживцев, чтобы дать им возможность обогнать колонну беженцев. Этим, посланным вперед, служащим я дал задание — остановиться, достигнув головы нашей колонны, нанять за плату необходимое число беженцев и с их помощью урегулировать пользование колодцами.

Через сутки после прохода войск колодцы восполнились, стали глубокими и обильными.

Эти две причины, то есть проход войск и некоторая организация пользованием колодцами, сразу дали себя знать — наш поход стал гораздо легче.

Наконец, на исходе десятого дня нашего страдного пути мы достигли города Слуцка Минской губернии.

В продолжение короткого времени — всего десяти суток — многие и многие десятки тысяч людей, не причастных к войне, перенесли неопишутые страдания. Кто не присутствовал на пути прохождения Пинских болот массой беженцев, тот не может представить себе все страдания, испытанные несчастными людьми. Для них Судьба явилась злой мачехой в самом ужасающем виде.

Голод, жажда и болезни на всем пути составили только часть страданий беженцев. Что может быть ужаснее того, что мать находит за благо топить собственными руками своего любимого грудного ребенка в канаве, полной гнилой воды? Я сам лично был свидетелем таких фактов, будучи не в состоянии чем-либо помешать.

Очень многие беженцы — и пешие, и с повозками, а особенно большие семьи, имевшие несколько повозок, — перемешивались в беспорядочной толпе. В конце концов, они теряли друг друга, влекомые неудержимо стремящейся вперед огромной человеческой рекой. Многие ослабевшие и заболевшие отстали от своих на большое расстояние. Часть их погибла, ушла в лучший мир, не попрощавшись со своими близкими и не будучи даже погребенными в землю. Они просто были брошены на дороге или столкнуты чужими людьми в канавы. Часть людей отбилась от своих близких в течение первых трех суток во время страшных, безумных паник, часто возникавших во время бомбежек немецких аэропланов, атаковавших огромные массы беззащитных людей.

Многие из оставших либо потерявшихся беженцев так до конца своих дней и не смогли найти своих близких. Впоследствии, когда я был уполномоченным в Рижском районе и по Эстляндской губернии и даже когда заготавливал продовольствие в городе Туле, ко мне обращались многие беженцы с просьбой помочь найти их

близких. Думаю, что только в редких, исключительных случаях потерявшиеся беженцы находили друг друга.

Дети оставались сиротами не только после смерти своих родителей — часто теряли их в толпе. Причем бывало, что расстраивалась вся семья — муж терял жену, а дети отца и мать.

Подумай, читатель, какой это ужас!

У меня нет ни красок, ни таланта, чтобы более понятно и ярко описать все, что вынесли беженцы.

Уверен, что гражданское население всех других стран, участвовавших в Великой войне, не испытывало ничего подобного, да и не могло испытать, ибо их территории не так обширны, как огромная Россия.

Какая злая сила внушила германцам потребность сбрасывать большое число бомб с аэропланов на массы беззащитных беженцев? Немцы не могли не видеть и не знать, что перед ними находятся не войска, а беженцы. Я глубоко уверен, что немцы отлично знали, кто был перед ними (вернее, под ними), и также понимали отлично, что они делают. Несомненно, их обурежала идея Демона наносить возможно больше ущерба своему врагу — России в целом, дабы массой несчастий, наносимых самому населению, заставить своего врага склонить оружие и сдаться на милость победителя.

С точки зрения злого человека, быть может, это правильно. Но немцы считают себя христианами?

У меня была возможность в местечке Картуз-Береза сесть на поезд, но я решил сам испытать всю страду беженцев. И не раскаивался в своем решении ни непосредственно сразу после окончания страды беженства, ни в последующее время. Все то, что я видел, заставило меня посмотреть на взаимоотношения народов с иной точки зрения и глубоко возненавидеть войны между какими бы то ни было народами.

Работа помощником товарища главноуполномоченного по устройству беженцев

В городе Слуцке оказался представитель главноуполномоченного по устройству беженцев. Я передал под его ответственность беженцев и своих сотрудников, а сам поехал в город Смоленск, где в то время находился главноуполномоченный Зубчанинов со своим управлением.

Когда я в Смоленске явился к Зубчанинову, тот был чрезвычайно удивлен — им были получены сведения, что я пленен немцами.

Оказалось, что за мной послали в город Кобрин два автомобиля, которые были захвачены немцами. Это стало известно в Смоленске. Все решили, что я попал в плен. Об этом Зубчанинов сообщил телеграммой в Министерство внутренних дел. Как выяснилось позднее, моя жена, пришедшая 20 августа в министерство, была поражена известием, что я нахожусь в плену.

Зубчанинов назначил меня помощником своего товарища Виктора. Через два дня я отправился на большой завод, находившийся в ста двадцати верстах от Смоленска. Оттуда пришла телеграмма, что там появились беженцы, требующие помощи.

Оказалось, что на завод зашла партия беженцев, шедшая впереди других. Их было более сорока пяти семейств — всего около ста семидесяти человек. Завод принял на работу всех работоспособных, дал им квартиры и вообще все, что было им необходимо. Я обошел всех беженцев и убедился, что они были прекрасно устроены.

По возвращении с завода я узнал, что получена телеграмма о скоплении большого числа беженцев на станции Орел. Необходимо было немедленно ликвидировать этот затор, угрожающий движению поездов. Зубчанинов пригласил меня к себе и предложил немедленно с первым отходящим поездом ехать в Орел, взяв с собой столько сотрудников и денег, сколько я считаю нужным.

Я выбрал двоих сотрудников из его окружения, взял у казначея аванс в 300 000 рублей, получил соответствующие полномочия и уже поместился было в вагон отходившего поезда. Неожиданно прибежал секретарь Зубчанинова и сказал мне, что из Орла пришла телеграмма успокоительного характера, зато поступила другая, более тревожная, и Зубчанинов просит меня явиться немедленно к нему.

Я пошел в вагон Зубчанинова, он показал мне телеграмму из Министерства внутренних дел. В ней передавалось содержание телеграммы смоленского губернатора министру внутренних дел о начинающемся скоплении беженцев в городе Рославле Смоленской губернии. Министр просил Зубчанинова принять энергичные меры для ликвидации скопления беженцев и оказания им помощи.

В Рославль ведет из Слуцка шоссе, то самое, по которому я шел с беженцами из Кобрин. Беженцы уже успели дойти до Рославля. Они прибывали ежедневно в большом количестве. Этот

небольшой город в 30 000 жителей не мог их всех принять. Однако беженцы отказывались следовать далее, требуя посадки на железнодорожную дорогу.

Главноуполномоченный предложил мне немедленно вместо Орла выехать в город Рославль, поручая мне принять самые серьезные меры по приведению в порядок скопления беженцев. Через полчаса я выехал на автомобиле с двумя сотрудниками и с деньгами в количестве 1 млн рублей.

Рославль, уездный город Смоленской губернии, один из самых древних городов России, находился в девяноста верстах от города Смоленска. По дороге я встретил своих знакомых беженцев по Кобрину и по Пинским болотам. В Рославль я прибыл под утро 21 августа 1915 года и уже с семи часов утра отправился по должностным лицам узнать о положении. Посетив прежде всего предводителя дворянства, я попросил его тотчас созвать совещание из должностных, а также частных лиц, которых он найдет полезным пригласить.

Через два часа на квартире предводителя состоялось совещание, на котором выяснилась полная растерянность местных властей. Все они, можно сказать, были в состоянии полного паралича и решительно не знали, что предпринять. На совещании оказалось, что в Рославль прибывает в сутки несколько тысяч беженцев с лошадьми и частью со скотом, что хлеба и фуража в городе и ближайших окрестностях хватит только на одни сутки, что беженцы, как саранча, поедают все в окрестности, очень часто забирая продукты и фураж силою. Местные власти не имеют возможности оказать какое-либо противодействие самоуправству беженцев. Появились среди жителей первые случаи холеры и тифа, занесенные беженцами. Вообще положение создалось совершенно безвыходное. Не зная, что предпринять, власти только посылают по несколько раз в день телеграммы высшим властям. На меня все смотрели как на человека, который должен их вывести из создавшегося тяжелого положения. В конце совещания с предводителем дворянства случился сердечный припадок, и он впал в обморочное состояние.

Во время совещания я все время мысленно искал выход из тупика. Меня угнетала мысль не о местном населении, которое, несомненно, имело у себя кое-какие запасы продовольствия, а о положении беженцев, истощенных долгим, мучительным походом, у которых, я знал, все взятые с места запасы давным-давно уже были использованы.

Совершенно неожиданно я вспомнил то, что было мне известно по прежней службе в Главном управлении Генерального штаба. При объявлении мобилизации все товарные поезда с коммерческими грузами, адресованными частным лицам, останавливались на первых больших станциях, вагоны освобождались, и грузы складывались в пакгаузы.

Тотчас после совещания я помчался на железнодорожную станцию и попросил начальника привести справку — нет ли на складах станции каких-либо частных хлебных грузов, остановленных в день мобилизации. Он при мне навел справку по книгам, и оказалось, что в пакгаузах хранится 407 000 мешков пшеничной муки по полтора пуда каждый, адресованных в Москву. Они были сняты с поезда в первый день мобилизации и до сего времени никуда не отправлены.

Я объявил начальнику станции, что реквизирую всю пшеницу. Он сначала запротестовал, требуя у меня соответствующих полномочий, говоря, что железная дорога ответственна за сохранность всех сваленных грузов и что, кроме всего прочего, должна еще получить за хранение. Когда я сказал, что немедленно уплачу наличными деньгами по оценке законно составленной комиссии, то он согласился. Вся пшеница поступила в мое распоряжение. Комиссия оценила ее по 2 рубля за пуд, и я тотчас же внес в местное казначейство на счет Рижско-Орловской железной дороги 120 000 рублей.

60 000 пудов муки составили 1 600 000 рационов хлеба, считая по полтора фунта на человека в сутки. Это количество вполне обеспечивало и местных жителей и беженцев на семь-девять дней — срок достаточный, чтобы я мог принять меры по доставке продовольствия извне.

Так как на совещании выяснилось, что на следующий день в лавках Рославля хлеба не будет, то я решил сейчас же принять меры к использованию муки для выпечки хлеба и раздать его беженцам и населению. Попросил полицмейстера собрать в полицейское управление всех хлебопеков города, даже самых мелких.

К восьми часам вечера владельцы булочных и мелкие хлебопеки были собраны. Я обратился к ним с просьбой принять меры, чтобы завтра после полудня был хлеб, как для беженцев, так и для населения. Объявил, что каждый из них может немедленно получить бесплатно нужное ему количество муки со складов железнодорожной станции, но с обязательством сдать в мое распоряжение весь

хлеб, полученный из всего взятого количества муки. За выпечку они согласились получать по 30 копеек с пуда сданного хлеба.

На собрании присутствовали все хлебопеки города, начиная с владельцев крупных хлебопекарен и кончая мелкими торговцами хлебом на базаре. Все они охотно приняли мое предложение. На следующий день город и беженцы получили прекрасный белый хлеб.

Все, получившие муку, даже рыночные торговки-еврейки, взявшие по десять-двадцать пудов, исполнили свои обязательства и сдали весь, полученный из этой муки хлеб, ничего не утаив.

Исключение — владелец самой большой булочной, известный местный общественный деятель, член городской управы. Получив наибольшее количество муки (2500 пудов), он не сдал ни одного фунта хлеба. Как выяснилось позже, он продал всю полученную муку на сторону каким-то евреям по высокой цене. Когда я об этом узнал, то отправился в городскую управу, надеясь там его застать и потребовать объяснения. Но там его не оказалось. Взяв полицейского, я поехал к нему на дом.

Я не захотел входить к нему в дом, а потому послал полицейского вызвать члена управы ко мне на улицу.

— Взяли ли вы бесплатно 2500 пудов пшеничной муки для выпечки хлеба с платою по 30 копеек за пуд? — спросил я его.

— Взял, — после некоторого раздумья ответил он крайне неохотно.

— Почему же вы продали евреям в свою пользу всю взятую муку и не сдали совершенно хлеба?

— Я вам не желаю отвечать, это дело вас не касается, я вас вовсе не знаю, — получил я ответ в самой дерзкой форме.

— Разве вы не знаете, что я уполномоченный от правительства, что муку выдавали по моему распоряжению и что я за нее заплатил? Я помню, что видел вас в полицейском управлении среди людей, обещавших мне взять на себя выпечку хлеба. Самая последняя базарная еврейка исполнила свое обещание и сдала выпеченный хлеб, а вы, член управы, общественный деятель, более или менее интеллигент, оказались просто нечестным.

— Убирайтесь к черту с моего двора, не смейте меня оскорблять, — был его ответ.

К сожалению, я не сдержал себя и в ответ на эти слова ударил со всей силы члена управы по одной и по другой щеке, назвав его вором и мерзавцем. Конечно, я был совершенно неправ в своей

несдержанности. Мне следовало не бить этого человека, а выдвинуть против него обвинение в воровстве и предать его суду. Однако это требовало времени, которого у меня не было.

Тотчас же после ликвидации хлебного кризиса я послал ряд самых энергичных телеграмм и своему главноуполномоченному, и министру внутренних дел, и начальнику штаба Верховного главнокомандующего, и командующему местной армии. Я не просто просил, а прямо требовал присылки в Рославль разного продовольствия в возможно больших количествах, предупреждая, что если мои требования не будут выполнены в продолжение семи суток, то, несомненно, начнутся беспорядки и грабежи.

Мои телеграммы возымели свое действие. В указанный мной срок распоряжением министра внутренних дел на мой адрес пришел первый маршрутный поезд с продовольствием. От военного ведомства также очень скоро был получен большой транспорт с разнообразными продуктами питания, и, таким образом, вопрос о продовольствии для беженцев был благополучно разрешен.

Также очень быстро разрешился вопрос о деньгах — по моему требованию три специально посланных чиновника привезли два миллиона рублей.

Во время ожидания прибытия продуктов я занялся организацией продовольственных пунктов для беженцев в таком количестве, чтобы было возможно прокормить до 200 000 человек в продолжение дня. Одновременно необходимо было продвигать беженцев на восток.

Я обратился к начальнику военных сообщений штаба Верховного главнокомандующего о предоставлении в мое распоряжение возможно большего числа поездов для отправления беженцев вглубь страны. Во всех телеграммах я настойчиво указывал о беспорядках, которые неминуемо произойдут в случае неисполнения моих требований. Тон всех моих телеграмм высшим властям был умышленно категорическим и резким. Очевидно, это производило впечатление, так как все мои заявления немедленно исполнялись.

Через двое суток я получил в мое распоряжение два полных поезда по тридцать — тридцать пять вагонов. Причем в ответной телеграмме было весьма любезно объяснено, что Рижско-Орловская железная дорога — одноколейная, что она идет в направлении, параллельном боевому фронту, и в обоих направлениях завалена военными грузами и что более двух поездов в сутки они доставить никак не могут.

Таким образом, оказалось возможным отправлять ежедневно около двух тысяч беженцев.

Для учета всего количества прибывающих беженцев на шоссе были установлены два контрольных пункта (справа и слева дороги), где выдавались так называемые беженские карточки с номером, фамилией и составом семьи. Одна карточка вручалась беженцу, второй ее экземпляр оставался в деле моего управления. Так производилась регистрация прибывающих беженцев. Кроме того, были разосланы по всему лагерю особые люди, которые выдавали такие же карточки всем ранее прибывшим беженцам.

Данная система позволила почти точно зарегистрировать число не только ежедневно прибывающих беженцев, но и количество последних, находившихся в Рославле до начала регистрации. Без предъявления беженской карточки на питательных пунктах ничего не выдавалось, а поэтому очень скоро все беженцы получили карточки и попали под учет.

Таким образом, выяснилось, что ежедневно прибывало от четырех до семи тысяч беженцев, а на поездах мы отправляли не более двух тысяч. Следовательно, в Рославле застревало каждые сутки от двух до пяти тысяч человек.

Самое большое скопление получилось около железнодорожной станции, так как каждый беженец старался попасть как можно ближе к вокзалу, в расчете как можно скорее попасть на поезд. По приблизительным подсчетам в окрестностях станции расположилось от семидесяти до восьмидесяти тысяч беженцев. Всю эту массу пришлось кормить, устроив один огромный питательный пункт.

Вблизи вокзала оказалось помещение местного спортивного клуба, которое я реквизировал. Среди построек, относившихся к клубу, был большой кегельбан, устроенный для игры и в зимнее время. Он был довольно вместительный, солидной постройки и очень длинный. Посередине вдоль всей его длины мы установили ряд столов, на которых складывались порции продуктов, включая и сырое мясо.

В двух противоположных стенах по длине здания были устроены окна. В каждом окне выдавался один какой-либо продукт. С одной стороны пропускались только женщины и дети, с другой — мужчины. Выдача продуктов начиналась с семи часов утра и продолжалась до полной темноты. Служащие работали в две смены. Всего на питательном пункте кегельбана в сутки выдавалось более 70 000 рационов хлеба, сухих продуктов и мяса. В других по-

мещениях клуба шла непрерывная заготовка рационов, которые подавались в кегельбан.

Военное ведомство прислало двадцать походных кухонь, кроме того, мы построили несколько очень больших котлов. Как на кухнях, так и в котлах весь день варились различные супы. Прекрасный горячий суп тут же выдавался бесконечным вереницам беженцев. Они наполняли им самые разнообразные емкости, причем довольно часто у них в руках бывали... ночные вазы.

В других районах расположения беженцев также были в достаточном количестве устроены питательные пункты. Каждый из них выдавал несравненно меньшее количество порций, нежели пункт у вокзала. Всего было образовано до сорока питательных пунктов.

Почти все беженцы, дошедшие до Рославля, имели повозки с лошадьми, многие гнали с собою скот. Первыми принимались на поезда беженцы безлошадные, и лишь когда для наполнения вагонов их не хватало, допускались другие. Понятно, что не было никакой возможности грузить на поезда лошадей и скот. Весь скот надо было оставлять в Рославле.

Я постарался изыскать возможность уплаты беженцам за оставляемый ими скот и образовал три комиссии для приема, оценки и немедленной уплаты денег. Во всех других местах беженцы просто бросали свой скот.

Комиссиям приходилось более всего принимать лошадей, меньше — коров и очень редко — каких-либо других животных (баранов, коз или свиней). Для принятых лошадей были устроены отдельные дворы. Другой же скот почти весь шел на убой, поэтому питательные пункты были в изобилии снабжены совершенно свежим мясом, которое без скупости клалось в котел и большими порциями выдавалось в сыром виде. Скот распределялся прямо с мест приема по питательным пунктам.

Поезда с сухими продуктами, салом, маслом и разными консервами постоянно прибывали в мое распоряжение, посылаемые как военным, так и гражданским ведомством. Мне было ясно, что первое не знало о снабжении меня продовольствием вторым, а гражданское также не знало, что делает военное ведомство. После долгого раздумья я решил не раскрывать карты перед ведомствами и счел за благо, чтобы у меня был излишек продуктов, так как никто не мог гарантировать, что поток снабжения внезапно не прекратится.

Каждый беженец получал на питательных пунктах следующее количество продуктов: один литр горячего супа с мясом, полтора фунта печеного пшеничного или ржаного хлеба, полфунта свежего мяса, 32 грамма жиров, четверть фунта какой-либо крупы, некоторое количество сушеной или свежей зелени, если в данное время удавалось ее достать, 32 грамма сахара и 4 грамма чая.

На мои вопросы ко многим беженцам я всегда получал ответ, что они вполне довольны и что получаемое ими количество продуктов вполне достаточно.

При общем подсчете беженских карточек оказалось, что в город Рославль в сутки в среднем прибывает 31 % мужчин, 40 % женщин и только 29 % детей (за детей принимались все моложе восемнадцати лет).

Из опросов выяснилось, что почти не было семьи, которая бы не потеряла хотя бы одного своего члена в продолжение страдного пути с места своей родины до города Рославля. Счастливых оказалось только около 2 %. Погибали прежде всего малые дети, затем — престарелые женщины, следующие — старики и больные.

Через некоторое время, когда меня уже не было в Рославле, я получил из земского отдела МВД постановление Смоленской губернской земской управы о ходатайстве перед министром внутренних дел по привлечению меня к ответственности за оскорбление словами члена Рославльской земской управы, должностного лица при исполнении им служебных обязанностей. Резолюция министра требовала от меня дать подробное объяснение.

Хотя я и был чрезвычайно занят, но подробно изложил, как было дело. Я отметил, что все мои действия во время пребывания в Рославле происходили исключительно из желания помочь страждущим беженцам, что я встретил полную солидарность среди своих сотрудников, поддержку со стороны властей и местных жителей. За исключением члена управы, по внешности интеллигентного, состоятельного человека, все хлебопеки, в большинстве простые и бедные люди, исполнили свой долг. В моем объяснении на жалобу члена управы я подтвердил не только то, что назвал члена земской управы вором и мерзавцем, но и то, что нанес ему удары по лицу в ответ на его дерзкие оскорбительные ответы на мои вопросы.

В ответ на мое объяснение вышло постановление министра об объявлении мне выговора за самоуправные действия. Это было второе дисциплинарное взыскание, наложенное на меня властью

министра. Оно должно было отрицательно повлиять на мою служебную карьеру.

В дело помощи беженцам, особенно в Рославле, я вложил всю свою душу, все силы. Своими действиями, часто жесткими, мне удалось спасти много человеческих жизней. С юридической точки зрения я никогда не считал, что был прав в своих действиях в отношении члена управы. Но в душе этот поступок всегда казался мне естественным и понятным. И что! За всю свою работу я получил выговор министра за то, что побил действительного мерзавца, укравшего 65 000 хлебных рационов у несчастных голодных людей!

Для чиновника отдача под суд иногда была более желательна, нежели выговор. Не обнаружив в действиях обвиняемого преступления, гласный суд оправдывал его. В этом случае, согласно закону, сам акт предания суду не вносился в аттестационный список чиновника и не имел, таким образом, никакого влияния на дальнейшую его службу.

Так, например, мой сослуживец В.В. Успенский, тоже комиссар Радомской губернии, был предан суду по представлению проводившего ревизию чиновника МВД Н.Н. Купреянова, впоследствии сувалкского губернатора. Гласный суд не нашел в деяниях Успенского никакой вины. Прокурор отказался от обвинения — настолько была ясна невиновность подсудимого. По ходатайству личного состава суда судебная палата высказала свое мнение о желательности чем-либо вознаградить Успенского за его моральные и материальные страдания, которые принес ему судебный процесс: в продолжение следствия в течение двух лет и десяти месяцев он получал по 16 рублей 66 копеек содержания.

Мнение палаты правительством было уважено. В.В. Успенский был произведен вне очереди в чин действительного статского советника, содержание лично ему было увеличено на 1200 рублей в год, впоследствии он получил особый знак отличия за 50 лет беспорочной службы.

Выговор министра, правильный он или нет, остается в аттестационном списке навсегда. Можно было бы подать жалобу на решение министра в Сенат. Но Сенат обычно придерживался формальной, юридической точки зрения. К тому же почти не было примеров, чтобы Сенат признал министра неправым. Чиновника же, подавшего жалобу на министра, обыкновенно впоследствии увольняли со службы под каким-либо случайным предлогом.

Следующий вопрос, который следовало немедленно разрешить, было снабжение беженцев топливом. Я узнал, кто был самый крупный местный торговец лесными материалами и дровами, и пригласил его к себе. У него оказалось более 167 000 кубических сажень дров и леса, заготовленных для топлива. Я предложил ему продать весь этот запас за наличные деньги. Он согласился продать кубическую сажень по 18 рублей, что было очень дешево, ниже рыночных цен. Беженцы были обеспечены топливом.

Далее следовало быстро организовать врачебную помощь. Вследствие скопления беженцев начались заразные болезни. Телеграфом попросил прислать в Рославль три госпиталя для заразных больных. Одновременно надо было подготовить для них помещения, но это оказалось не так просто — ни городские власти, ни жители не желали отдавать под госпиталь какие-либо помещения.

Вместо просимых мною трех госпиталей прислали только один. Несмотря на приближающиеся холода, мы вынуждены были разместить его в палатках, а сами приступили к спешной постройке отепленного помещения, под которое был занят летний обширный театр. Согласно указаниям докторов летний театр мог быть приспособлен для двух госпиталей. Одного госпиталя в любом случае было недостаточно, и я вновь просил прислать еще два госпиталя.

В ответ получил телеграмму, в которой меня обвиняли в ложном сообщении о наличии в моем распоряжении одного только госпиталя. Выяснилось, что в мое распоряжение было послано два госпиталя — один за другим через короткий промежуток времени, и что от второго своевременно было получено донесение о его прибытии в Рославль. Я был в недоумении — куда же давался второй госпиталь?

Попросил полицмейстера узнать, нет ли где-либо пропавшего госпиталя. На другой день выяснилось, что все имущество госпиталя сложено во дворе одного дома, а личный состав разместился в меблированных комнатах того же дома и благодушествует, отдыхая от трудов.

Я поехал удостовериться в этом лично, затем послал телеграмму, что беглец найден, и попросил немедленно удалить старшего врача, заведовавшего госпиталем. Случай невероятный, но это — действительный факт.

Был развернут и второй госпиталь. Одновременно прибыл госпиталь Земского союза. Таким образом медицинская помощь наладилась более или менее достаточно, последний открыл даже амбулаторный прием больных.

Надо заметить, что в пути от Польши до Рославля беженцы понесли в своем составе огромные потери — большинство больных и слабых погибли, умерло очень много детей. Рославля достигли наиболее сильные и здоровые люди, сумевшие приспособиться к условиям беженства. Поэтому в Рославле случаи заболевания инфекционными болезнями были сравнительно не очень частыми. Довольно хорошее питание также оказало свое влияние — тиф и холера хотя и появились, но не было того, что было в городе Кобрин. Трех госпиталей оказалось достаточно.

При развертывании второго госпиталя встретились большие затруднения относительно размера его личного состава. Никто не хотел отдавать помещение служащим заразного госпиталя. Пришлось прибегнуть к реквизиции.

Недалеко от открытого госпиталя находился отдельный дом, в котором жил надзиратель шоссейных дорог. Мне сообщили, что большая часть дома свободна, так как это было помещение для остановок и собраний шоссейных комиссий, которые в то время не собирались и вообще бездействовали.

На мою просьбу, обращенную к надзирателю, я получил резкий отказ, выраженный в грубой форме. Тогда я обратился к властям с просьбой реквизировать свободную часть дома. Назначенная комиссия произвела реквизицию, составила соответствующий акт, каковой огласила надзирателю. Но он отказался расписаться в том, что ему объявлено содержание акта реквизиции.

Через некоторое время я получил от Главноуполномоченного уведомление, что поступила жалоба от губернской земской управы о моем самоуправстве по отношению к надзирателю и к его квартире.

По мере отправления беженцев на восток по железной дороге (около двух тысяч человек в сутки) накапливалось все больше оставляемых ими лошадей. Размещать их не представляло никаких затруднений, но вопрос с довольствием лошадей стоял очень остро — ни в городе Рославле, ни в окрестностях не было совершенно свободных излишков кормов: все мои обращения к местным властям о присылке фуража встречали полный отказ. Положение создавалось безвыходное.

Я исчерпал все возможности. Посылал подводы за фуражом в окрестности Рославля в радиусе до ста верст, но из десяти подвод не более одной приходили домой с кормом. Как только наполненная подвода входила в зону расположения беженцев, то немедлен-

но бывала совершенно ограблена. Сопровождавшие их полицейские чины ничего не могли сделать — употреблять оружие я им запретил. Беженцы также нуждались в фураже, и потому понятно, почему при виде идущего обоза с фуражом они его разбирали.

Купленные лошади голодали, так как теми небольшими количествами корма, каковой удавалось достать, нельзя было прокормить тысячи.

Пришлось обратиться к властям — и к военным, и к гражданским, и к земствам с предложением взять бесплатно лошадей, чтобы спасти от голодной смерти всех или хотя бы лучшие экземпляры. Страна нуждалась в конском составе, а здесь, в Рославле, обречены на голодную смерть тысячи лошадей. Среди них было немало прекрасных, породистых — беженцы взяли с собой лучший свой скот, побросав дома худший.

На все мои просьбы взять бесплатно лошадей я получил от всех решительный отказ, даже от земств, мотивированный тем, что железные дороги не принимали к перевозке конский состав, а гнать гоним никто не соглашался, как на дорого стоящую и сложную операцию.

Скоро дошло до того, что лошади настолько обессилели, что начали падать, и хищные птицы садились на живых еще животных и выклевывали им глаза и куски мяса из тела.

Но что я мог сделать?

В газетах, особенно левого направления, появились корреспонденции, полные ужасов как правдивых, так и выдуманных. В них описывалось ужасное положение лошадей и якобы такое же положение беженцев, что как первые, так и вторые ежедневно гибнут массами от голода, холода и болезней. Про меня говорилось, что непонятно, как такого человека, как я, поставили во главе большого и ответственного дела, что я граблю казенные деньги, не покупая фуража для лошадей и скота, который исключительно из-за этого и гибнет. Примечательно, что ни один из корреспондентов не счел нужным обратиться ко мне лично и поговорить со мной, чтобы узнать то, что его интересует, из первоисточника.

У меня не было ни времени, ни желания писать какие-либо опровержения: мне казалось, что это дело правительства, которое должно постоять за своих агентов. Но оно предложило Государственному контролю и главноуполномоченному по устройству беженцев произвести крайне срочно ревизию и проверить справедливость распушенных слухов.

Приехали ревизоры, которые, несмотря на все их старания*, не нашли ничего решительно отрицательного в моей деятельности. Да и найти ничего не могли, так как я работал вполне честно, добросовестно и делал все, что было возможно, во благо беженцев. Питались они хорошо, все получали врачебную помощь, по мере возможности продвигались далее в центр страны. К этому времени удалось построить уже достаточное число барачков и полуземлянок с печами, так что ожидаемые холода не были теперь страшны.

Ревизоры были столь добросовестны, что в своем отчете отметили состояние подготовки к зиме, что свидетельствовало обо мне с самой лучшей стороны. Я испытал полное удовлетворение, когда читал заключение государственного контролера.

Казалось бы, после отчета Государственного контроля правительство имело полное основание опровергнуть и даже преследовать инсинуаторов, однако правительство молчало, а меня продолжали поносить.

Тотчас же после ревизии приехал товарищ главноуполномоченного Викторов, который от его имени объявил благодарность за мою деятельность и вместе с тем передал просьбу С.И. Зубчаинова, чтобы я был более вообще сдержанным, считался с положением людей, с местными властями, особенно с земскими деятелями.

Как результат ревизии очень скоро появилась войсковая комиссия во главе с пожилым генерал-лейтенантом. Он заявил, что уполномочен штабом фронта взять у меня бесплатно до четырех тысяч лошадей для нужд армии. Я был чрезвычайно обрадован, предполагая, что лошади будут немедленно уведены. Комиссия действительно довольно скоро (за три дня) отобрала четыре тысячи лучших лошадей.

Вечером третьего дня генерал пришел ко мне со списком принятых комиссией лошадей и с актом в двух экземплярах, который попросил подписать. Я внимательно прочитал акт. Оказалось, что:

- 1) все четыре тысячи лошадей остаются на неопределенное время в Рославле на моем полном попечении;
- 2) военное ведомство будет все время уплачивать фуражные деньги;
- 3) на меня возлагается ответственность за исправное содержание лошадей;

* На то они и ревизоры, особенно Государственного контроля.

4) в случае убыли от плохого содержания или питания я обязуюсь возмещать стоимость каждой павшей лошади из средств управления по устройству беженцев;

5) комиссия оставляет для наблюдения за точным исполнением всех условий приемного акта офицера, на которого возлагается обязанность о всех замеченных упущениях доносить в штаб войск фронта и составлять акты «о причинах падежа лошадей для определения их стоимости на предмет взыскания»* с меня.

Когда я прочел этот документ, то обратился к генералу с вопросом:

— Как скоро будут уведены отобранные комиссией лошади?

— Ежедневно от одного до четырех вагонов будут грузиться на поезд.

— То есть от восьми до тридцати двух лошадей в сутки? — переспросил я.

— Да, по мере возможности, — был ответ.

— Разрешите спросить, ваше превосходительство, не шутите ли вы? Выходит, что в течение двухсот дней вы собираетесь уводить четыре тысячи лошадей. Понимаете ли вы общее положение, в каком находится в Рославле конский состав, купленный от беженцев? Понимаете ли вы, почему я просил всех и каждого взять бесплатно около двадцати тысяч лошадей, даже предлагая это частным лицам?

— За три дня пребывания в Рославле я все видел и понял, но таковы у меня инструкции от высшего начальства, которым и я и вы, г. уполномоченный, обязаны подчиняться. Если я, генерал, председатель комиссии, вам предлагаю подписать приемный акт, вы, как младший по званию, обязаны это исполнить без оговорок и возражений. Тем более что фуражные деньги по военному времени дадут вам значительную выгоду, а платежи за павших лошадей вы будете производить из казенных сумм. Не понимаю, почему вы волнуетесь, когда акт составлен явно вам не во вред?

Я не сдержал себя, встал, подошел к двери, резко ее открыл и, показывая на икону в углу комнаты, сказал генералу:

— Вот вам, ваше превосходительство, Бог, а вот и порог, прошу вас с актом удалиться и не мешать мне работать, время дорого и его мало, чтобы я мог тратить на пустые разговоры.

Разговор с генералом происходил в присутствии двух моих сотрудников, с которыми я занимался текущими делами. Это обстоя-

* Дословное выражение акта.

тельство послужило мне на пользу — очень скоро я получил предложение дать немедленное объяснение своему поведению по отношению генерала. Ссылаясь на свидетелей, я точно изложил все происшедшее и объяснил картину положения лошадей в Рославле.

Мое объяснение, видимо, было признано заслуживающим уважения. Происшествие это не получило никакого дальнейшего развития и заглохло. Военным ведомством не было взято ни одной лошади.

По мере прихода в Рославль беженцев с запада появлялось все более и более малолетних сирот, оставшихся совершенно одинокими, потерявших в пути всех своих родственников. Ежедневно беженцы приводили их в управление уполномоченного и оставляли.

Пришлось приступить к устройству детского приюта. Прежде всего надо было найти соответствующее помещение. Я отправился в городскую и земскую управы, но там мне отказали, заявив, что у них совершенно нет годных помещений. В земской управе мне посоветовали обратиться в местный мужской монастырь. Там пустовали обширные помещения монастырской школы и гостиницы, которая теперь бездействовала.

Поехал в монастырь, один из древнейших в России, который находился на окраине города, огороженный высокой каменной стеной старинного крепостного типа, занимающий большое пространство с множеством зданий и с обширным прекрасным парком-садом, раскинутым на возвышенности со склоном на юг, с фруктовыми деревьями и с множеством цветов.

Спросил первого встречного монаха, где найти отца-настоятеля. Монах услужливо проводил меня в парк и провел густыми аллеями к беседке, в которой находился пожилой, но рослый, дышащий здоровьем, перепоясанный широким ремнем архимандрит. Он, видимо, наслаждался окружающей его чудной природой и видом с горы на город и окрестности, перед ним стоял дымящийся чай и разное варенье.

Я ему представился и, желая задобрить, стал восхищаться действительно очаровательным видом и обстановкой, окружавшей беседку.

— Да, Господь Бог послал нашему монастырю чудный парк, который много веков братия старательно поддерживает и холит. Во всякую хорошую солнечную погоду я прихожу сюда наслаждаться дарами Господа нашего и благодарить его за милости к Свя-

той Обители и к нам. Посидите, выпейте чайку с нашим вареньем и поведайте, что привело вас к нам.

Без зова, совершенно неслышно появился молодой монах, который принес чайный прибор и налил мне чай.

Я подробно рассказал настоятелю про положение беженцев, про накопление несчастных сирот, которых необходимо устроить, что знаю о свободных помещениях в монастыре и потому прошу уступить часть пустующих зданий, в которых будут размещены сироты.

Долго монах думал, не отвечал, наконец сказал:

— В приюте, надо полагать, будут и мальчики, и девочки?

— Да, конечно.

— Господи Боже мой, прости меня. Мой долг настоятеля Святой Обители повелевает мне прежде всего пещись о братии монастыря, а потому я должен вам ответить решительным отказом на вашу просьбу.

— Почему? Не понимаю. Я не прошу даром — будет заплачено столько, сколько вы заявите.

— Наша обитель в деньгах не нуждается. По древнему нашему уставу я не могу допустить жить в ограде монастыря женский пол, ибо это великий соблазн для братии.

— Неужели для ваших монахов несчастные девочки-сиротки — соблазн?! — воскликнул я, ошеломленный словами архимандрита.

— Не будем терять времени на пререкания — таков устав, и я ничего не могу изменить, ибо это не в моей власти. Я сам поставлен волею Божию блюсти древние правила Святой Обители, что есть моя обязанность, и я должен ее исполнять. Простите, господин, но никак не могу выполнить вашу просьбу. Более не просите, — сказал монах, поднимаясь со скамьи и видя, что я хочу продолжить разговор.

Мне ничего не осталось, как тоже встать и откланяться, что я и сделал. Архимандрит меня не задерживал.

Когда я вышел из ограды древнейшего православного русского монастыря, слезы неудержимо полились, и я горько заплакал. Впечатление от краткого разговора с настоятелем создалось крайне тяжелое.

Не имея возможности устроить сирот в Рославле, я снесся с главноуполномоченным и попросил его немедленно создать приют в Смоленске или где-либо в другом месте, сговорившись, что

по мере накопления детей я буду посылать их в устроенный приют. Так и было исполнено.

Вопрос с сиротами получил благополучное разрешение, но постепенно поднялся еще более грозный.

Ежедневно прибывало от пяти до семи тысяч беженцев, а отправлялось по железной дороге не более двух тысяч. Оставалось до пяти тысяч человек. Ночи уже были довольно холодные, каждый день могли начаться морозы. Хотя мы и успели выстроить порядочное число бараков и полуземлянок, но постройка шла медленнее, нежели прибывали беженцы. Строительного материала тоже не хватало.

Надо было как-то продвинуть беженцев по шоссе на восток в Калужскую губернию, где была железнодорожная станция Спас-Деменск. Эта станция могла принимать большое количество беженцев для перевозки их на места нового поселения.

Однако, беженцы, как загипнотизированные, категорически отказывались ехать гужем*. Спас-Деменск находился от Рославля на расстоянии около 110 верст по шоссе на Калугу. Я решил во что бы то ни стало заставить беженцев, имеющих лошадей, пойти по шоссе до этой станции — а таковых было большинство.

Но для движения масс на восток было необходимо первоначально оборудовать весь путь их прохода, устроив через каждые пятнадцать верст пункты снабжения не только всем необходимым, но и подачу медицинской помощи. Поэтому были открыты шесть питательных пунктов с полным оборудованием не только для людей, но и для скота. Я проехал весь путь до Спас-Деменска в сопровождении всех предназначенных личных составов каждого пункта, оставляя их по очереди на назначенных для них местах. У самой станции был устроен последний пункт моего ведения.

Из бесед с беженцами и со священниками я пришел к заключению, что архиепископ Анастасий Холмский является исключительным пастырем своей паствы — все крестьяне его очень любят и уважают, почитая за своего истинного духовного отца, авторитет его в их глазах стоит чрезвычайно высоко.

Подумав, я решил обратиться к архиепископу Анастасию с просьбой немедленно поехать в Рославль и повлиять на его паству двинуться на восток.

* Перевозка посредством упряжных ездовых животных (лошадей, волков). — *Примеч. сост.*

Анастасий в это время находился в Москве, куда я и послал ему срочную телеграмму, прося тотчас же приехать в Рославль.

Получив мою телеграмму, архиепископ Анастасий в тот же день выехал в Рославль. О прибытии своем он немедленно оповестил меня, подробно расспросил, в каком положении находятся беженцы, объехал становище всех беженцев и затем заявил мне:

— Без уверенности в том, что путь для успешного прохода двухсот тысяч человек с женщинами и детьми вполне обеспечен всем необходимым, я никогда не решусь оказать какое-либо нравственное влияние на беженцев, чтобы они тронулись немедленно на восток.

На мое уверение, что весь путь до Спас-Деменска хорошо оборудован и мною лично проверен, архиепископ мне ответил:

— Все вы, чиновники, всегда уверяете о благополучии в том, что вас касается, а на самом деле выходит обыкновенно иначе.

— Если вы, ваше высокопреосвященство, мне не верите, то не согласились бы завтра с рассветом выехать со мною и проехать всю дорогу до Спас-Деменска? Вы лично удостоверитесь, что по дороге действительно все устроено, что беженцы встретят в шести пунктах все им необходимое — медицинскую помощь, полное пропитание и для себя, и для лошадей. Им только придется продать мне свой скот.

Архиепископ выразил полное согласие.

На несчастье, в день разговора с архиепископом, автомобиль, на котором я ездил, основательно испортился. Послал просить автомобиль у местных военных, но и они не могли ничего другого предоставить, как только санитарную автомобильную повозку малого размера, весьма тряскую, в которой не было сидений, а только носилки для перевозки раненых. Вечером я лично сообщил архиепископу, что могу предложить только этот скромный и крайне неудобный способ передвижения.

— Что же делать? — ответил он, — неотложное дело — прежде всего, личные удобства не заслуживают внимания. Надо ехать.

Как только солнце поднялось из-за горизонта, я подъехал к помещению, занимаемому архиепископом. Ложиться, как больные, мы не захотели, сели с правой стороны сбоку, подложив под себя кое-что мягкое, ногами наружу, ни на что их не упирая. В таком крайне неудобном положении мы проехали более двухсот двадцати верст до Спас-Деменска и обратно.

Архиепископ Анастасий лично убедился, что каждые пятнадцать-двадцать верст действительно расположены станции с пита-

тельными пунктами, хлебопекарнями, с разными необходимыми запасами, с большим количеством фуража, амбулаториями с приемным покоем, два из которых имели докторов.

Выехав с рассветом, мы еще засветло были обратно в Рославле. Этот достойный пастырь тотчас же, несмотря на то что явно страдал от продолжительной поездки в крайне неудобных условиях, отправился обходить лагерь беженцев, уговаривая их немедленно продвигаться на восток. В течение дня поездки и следующего дня архиепископ обошел всех беженцев, везде трогательно служил молебны во сослужении священников и произносил проповеди, в которых призывал беженцев последовать моему предложению и немедленно тронуться в путь на Спас-Деменск.

— Слушайте уполномоченного Никольского. Он вам действительно все подготовил. Вы не будете более страдать, как страдали до Рославля. Я сам лично с ним проехал весь путь, все проверил. Прошу вас смело идти на Спас-Деменск, откуда вас повезут по железной дороге в центр России. Благословляю на дальнейший путь.

Беженцы вняли голосу своего архипастыря и тронулись на восток.

Через два-три дня архиепископ Анастасий уехал. Перед отъездом он попросился со мной, выразил мне свое полное удовлетворение всем виденным и в конце спросил адрес моей жены, которая жила в Москве.

— Для того, чтобы сказать вашей супруге, какого достойного мужа она имеет, — сказал мне архиепископ Анастасий.

Я невольно провел параллель между ним и настоятелем древнего монастыря.

Прощаясь с архиепископом Анастасием, испытывая чувство глубокого уважения, я попросил его благословить меня и поцеловал ему руку.

Таким образом, и последнее, что было необходимо проделать — продвинуть всех беженцев на восток, — было благополучно исполнено. Все главное в моей работе в Рославле было благополучно приведено к концу.

Итак, 21 августа я прибыл в Рославль, а 27 сентября архиепископ Анастасий уехал в Москву. Следовательно, за тридцать семь дней удалось привести в порядок положение беженцев в городе Рославле, а их содержание и передвижение на восток были обес-

печены и в дальнейшем. Впереди оставалась только лишь текущая работа, а все организационное было уже закончено.

Будучи в Рославле, я вставал с рассветом, садился в автомобиль и объезжал все питательные пункты, в которых с раннего утра начиналась работа. В двенадцать часов дня я завтракал на вокзале, после завтрака ехал на постройки, врачебные учреждения и объезжал лагерь беженцев. Между прочим, нами были построены свои хлебопекарни с общей производительностью до 10 000 пудов хлеба в сутки из расчета по два фунта в день на двести тысяч человек. К заходу солнца возвращался к себе в гостиницу, обедал и принимал до одиннадцати часов вечера сотрудников с докладами. После этого продолжал работать один, составляя донесения и телеграммы начальству и разным властям. Заканчивался рабочий день не ранее часу ночи — так было в продолжение всего моего пребывания в городе Рославле.

Помощником своим по деятельности в г. Рославле я пригласил Д.М. Скрябина, комиссара Царства Польского, сына известного составителя единственной в своем роде справочной книги по крестьянским законоположениям Польши. Я был уверен, что лучшего сотрудника мне не найти. В его ведение я отдал все питательные пункты.

Однажды вечером, когда я только что возвратился в гостиницу, в которой жил и в которой находилась канцелярия, ко мне вбежал один из служащих. Он сообщил, что Скрябин хочет покончить жизнь самоубийством, так как у него украли 6000 рублей на питательном пункте у вокзала. Я тотчас пошел к нему в номер.

Скрябин сидел на кровати и держал в руках револьвер, который он мне без сопротивления довольно охотно отдал. Я спросил его, в чем дело.

— Мне теперь осталось одно — смерть! У меня срезали в толпе у вокзала сумку, в которой были отчеты и более 6000 рублей наличными. Я тотчас же заявил коменданту, но что он сможет сделать — меня окружала толпа в несколько тысяч! Обрезали, а кто — неизвестно! Кто мне поверит? — горько плача, сказал Скрябин.

Хотя ситуация с револьвером навела меня на сомнения, но искренний тон Скрябина заставил меня поверить его словам. Я стал его успокаивать, обещая замять это происшествие.

В тот же вечер я спешно послал письмо главноуполномоченному с изложением происшествия, просил каким-либо образом не возбуждать следствие и замять потерю Скрябиным денег.

Через год, даже более, я вдруг был вызван комиссией, назначенной для расследования деятельности Скрябина, как свидетель. Меня подробно допросили о событии с пропажей 6000 рублей. После допроса председатель комиссии задал мне вопрос:

— А известно ли вам, что Скрябин в день кражи у него денег положил в сберегательную кассу 6000 рублей на имя сестры милосердия?

— В первый раз слышу об этом от вас. Я вообще ничего не знаю про Скрябина, кроме того, что случилось с ним в Рославле, — был мой ответ.

На этом и окончился допрос меня по каким-то делам Скрябина.

За свое кратковременное пребывание в Рославле я приобрел немало врагов. Особенно ополчилась против меня губернская земская управа, используя все имеющиеся связи.

Во время острых страданий беженцев и вплоть до конца моего пребывания в Рославле туда не явилось ни одно начальствующее лицо из местных властей — ни губернатор, ни его сотрудники, ни кто-либо из губернского земства — никто вообще, кроме быстрой ревизии Государственного контроля.

Главное управление по устройству беженцев в то время находилось в городе Смоленске. Устраивая приюты, санитарные пункты и другие учреждения для беженцев, Главное управление должно было пользоваться сотрудничеством и города, и земства. Сам главноуполномоченный Зубчанинов, как общественный деятель (губернский предводитель дворянства и член Государственного совета по выборам), тяготел к ним и весьма считался с губернским земством.

В сентябре обычно проходили земские собрания. На одном из заседаний было доложено о моей «деспотической и диктаторской деятельности», которая «доходила до самодурства». Для убедительности была приведена история с реквизицией пустующего помещения в доме шоссейного надзирателя. Причем говорилось, что по моему личному приказу были выброшены вещи надзирателя, и даже вещи из спальни его жены. Губернская земская управа просила Зубчанинова удалить меня из Рославля и назначить вместо меня более сговорчивого человека. Все это я узнал впоследствии.

Тотчас по получении постановления земской управы Зубчанинов под благовидным предлогом предложил мне в ночь с 29 на 30 сентября удалиться из Рославля, а должность сдать этой же но-

чью, не дожидаясь прибытия моего заместителя, временно назначенному лицу на словах.

У меня случайно сохранилось подлинное письмо Зубчанинова, которое было мне вручено в одиннадцать часов ночи. Привожу его дословно, как образец тонкого дипломатического выхода из положения, в которое был поставлен Зубчанинов своим желанием угодить Смоленской земской управе.

В разъяснение содержания первой половины письма должен объяснить, что товарищ Зубчанинова Г.В. Викторов по возвращении из поездки ко мне в Рославль заболел, впад в параличное состояние. Викторов действительно считал меня своим верным другом — во время пребывания в Смоленске мы жили с ним в одном номере гостиницы.

«Главноуполномоченный
по устройству беженцев.
29 сентября 1915 г.

Многоуважаемый Евгений Александрович!

Георгий Владимирович сегодня глубоко растрогал меня. Он страшно осунулся, похудел, мысли еще не совсем прояснились, но привязанности и сердечность остались неизменными. За ним давно ухаживает его дочь, но он все время вспоминает Вас, все время зовет Вас к себе, все хочет ехать в Петроград, куда ехать ему необходимо. Он все откладывает свой отъезд и все настойчивее требует Вашего прибытия. Может быть, у него предчувствие, боязнь за Вас или особая забота, чтобы и Вы не надорвали свои силы?

Он так меня тронул, что я не в силах был ему отказать и обещал выслать за Вами автомобиль, чтобы Вы проводили бедного старика до Петрограда и помогли ему в его печальном положении.

Вот почему я посылаю к Вам нарочным комиссара Кирпичникова, которого Вы, вероятно, знаете, с дружеским, но крепким приказом ознакомить его с положением дел и передать ему кассу и дела, чтобы Вам возможно было немедленно уехать и не томить старика долгим ожиданием. Во время Вашего отсутствия с делом справится Рындин, человек вполне надежный и благожелательный. Он теперь в Чипляеве, и Кирпичникову поручено сразу же послать за ним автомобиль.

Вы немедленно выезжайте в Смоленск, а Кирпичников все Ваши указания и дела передаст Рындину уже после Вашего отъезда.

Скрябину передайте, что я употреблю все усилия, чтобы все обошлось благополучно по известному делу, но требую от него безусловного подчинения моим распоряжениям и безусловного исполнения указаний Рындина. Надеюсь, что он сократит теперь свою резкость и будет безукоризненно предупредителен со всеми. Это мое требование окончательное. Иначе я отказываюсь от всякого участия. Итак, жду Вас вечером в Смоленске непременно.

Ваш С. Зубчанинов».

В конце второй половины письма говорится о деле Скрябина и высказывается пожелание, что Скрябин «сократит теперь свою резкость и будет безукоризненно предупредителен со всеми. Это мое требование окончательное». Надо сказать, что Зубчанинов и Скрябин совершенно не знали друг друга. Скрябин приехал ко мне прямо из Петрограда и просил меня устроить его на службу по устройству беженцев. Имея право выбирать сотрудников, я взял его как помощника. Поэтому ясно, что вся эта фраза относилась вовсе не к Скрябину, а ко мне, что я отлично понял. Скрябин заведовал питательными пунктами и никаких дел с поставщиками продуктов и властями не имел. Он не мог проявлять своей резкости, так как был добродушный, любящий легкую, веселую жизнь человек.

Кирпичников, вручая мне письмо, заявил, что Зубчанинов приказал передать мне, чтобы я тотчас же выезжал в Смоленск,

К двум часам ночи я был уже в вагоне Зубчанинова, который не спал, поджидая меня. Он встретил меня более чем любезно, несколько раз поцеловал, восхищался моею работою, обещал представить к награде и т. п. Но в конце концов как бы мимоходом упомянул о реквизиции части дома шоссевого надзирателя.

— Как же это вы, дорогой Евгений Александрович, приказали выбросить вещи жены надзирателя и сами в этом участвовали?

— Разрешите доложить, что ничего подобного не было! Реквизиция была произведена законно составленной комиссией, согласуясь с буквой закона и без моего присутствия. Реквизировано было пустующее помещение общественного значения, а не частное. Комиссия, повторяю, без моего присутствия, вошла в квартиру надзирателя лишь для прочтения ему акта реквизиции и для предложения подписать его, что данный акт был ему объявлен.

— Не волнуйтесь, дорогой, это пустяки! Я сам думал, что было все не так, как они пишут, — сказал Зубчанинов, показывая рукой

на какую-то бумагу, — но, к сожалению, мне приходится считаться с ними. Да и Георгий Владимирович будет доволен, если вы с ним завтра поедете в Петроград и устроите его там в хорошую больницу. Отдохните, вы ведь провели огромную работу, много пережили! Поезжайте с Богом и возвращайтесь в Смоленск, когда пожелаете, я вам дам снова что-либо трудное.

Утром рано я навестил Викторова, который оказался разбитым параличом в значительной форме. За ним ухаживала его дочь Наталия Георгиевна. Он меня узнал и был очень рад, что я поеду с ним в Петроград и устрою его в клинику Военно-медицинской академии. Я знал хорошо профессора М.Н. Жуковского, заведовавшего клиникой нервных больных, как раз той, которая была необходима для лечения Викторова.

Покупка хлеба и фуража в центре России

На следующий день мы поехали в Петроград в отдельном вагоне. С нами были еще доктор и сестра милосердия.

На станции Витебск Наталия Георгиевна вышла на платформу прогуляться, и я пошел с ней. Мы немного прошли, зашли в зал первого класса купить газеты. Выйдя на платформу, не нашли нашего поезда — он уже ушел. Что делать?

Решил достать автомобиль и догнать поезд, пользуясь шоссе, которое шло вдоль полотна железной дороги. Но автомобиля получить не удалось. Когда я возвратился на вокзал после бесплодных поисков, меня встретил жандармский офицер и дал телеграмму, поданную с ближайшей станции, в которой говорилось, что наш вагон отцепят на такой-то станции и он будет ждать нас.

Ожидать следующего поезда было долго, а потому я попросил паровоз, на котором бы мы могли доехать до станции, где стоял наш вагон, находившейся на расстоянии всего двух перегонов. Локомотив был немедленно нам подан, и мы помчались. Однако вагона на этой станции не оказалось, и начальник станции объяснил, что по техническим условиям не представилось возможным оставить здесь вагон, и что он будет остановлен на станции Невель в ста верстах отсюда. Пока мы говорили с начальником, локомотив ушел обратно.

Было очень прохладно, а Наталия Георгиевна не имела пальто. Станция была очень маленькая, без буфета, а мы с утра ничего не

ели. Но мы ничего не могли поделать, пришлось покориться своей участи и ждать поезда.

Прогуливаясь по перрону, я заметил вдали несколько идущих паровозов, побежал к начальнику и попросил его остановить один паровоз, но он сказал, что не имеет право это сделать. Тогда я выбежал на полотно и встал между рельсами, махая руками. Первый паровоз остановился почти вплотную около меня. Я объяснил машинисту, в чем дело, и попросил его взять нас и довезти до станции Невель. Оказалось, что как раз до этой станции и шли паровозы. Машинист любезно согласился, и мы очень быстро и благополучно промчались до станции Невель, где стоял наш вагон.

В Петербурге я устроил Викторова в клинику профессора Жуковского.

Еще уезжая из Рославля, я решил оставить службу по устройству беженцев и возвратиться на военную службу. Вообще, все комиссары по крестьянским делам Царства Польского по существовавшему закону не призывались на военную службу по мобилизации, и для того, чтобы мне, бывшему военному, вновь вступить в армию, было нужно подать прошение на Высочайшее имя о разрешении произвести нарушение этого закона. Подать прошение надлежало по начальству.

Написал соответствующее прошение и отправился к управляющему земским отделом Министерства внутренних дел, которому были подчинены комиссары. Оказалось, что вместо Я.Я. Литвинова, в высшей степени симпатичного и умного человека, к тому же знавшего меня, был назначен новый управляющий. Выслушав меня и выяснив, кто я такой, он тотчас же повышенным голосом заявил мне:

— Вы просто желаете получать двойное жалованье! Я не позволю вам уходить в армию.

— В настоящее время, состоя по устройству беженцев, получаю, кроме содержания комиссара, 20 рублей суточных. Перейдя в армию, вряд ли буду получать больше, поэтому позвольте доложить вашему превосходительству, что не жадность к деньгам понудила меня просить о возвращении на военную службу, а что-то другое, почему настойчиво и прошу дать надлежащий ход моему прошению на Высочайшее имя.

— Я уже дал вам свой ответ, — ответил управляющий и с этими словами бросил мое прошение на пол.

Мне ничего не оставалось, как откланяться и уйти.

Земский отдел помещался у Чернышева моста через реку Фонтанку, посредине небольшой площади был скверик. Выйдя из министерства, я зашел в этот сквер, сел на скамью и вдруг заплакал.

Теперь, по прошествии многих лет, описывая этот эпизод, я подумал:

«А не по указанию ли судьбы моей управляющий земским отделом отказал мне в согласии дать ход моему прошению?»

Поехал в Москву, где находилась комиссия по снабжению Польши продовольствием, которой я должен был дать отчет по снабжению мною Козеницкого уезда.

Только я показался в комиссии, как один из ее членов в резкой форме обратился ко мне:

— А почему вы, господин комиссар, до сего времени не сдали остатка выданных вам сумм, каковых комиссия считает за вами не менее 30 000 рублей?

— Господин, мне неизвестный, разрешите прежде всего с вами познакомиться и узнать, кто вы такой и какое имеете право задавать мне в грубой форме подобные вопросы?

— Я — член комиссии по снабжению Царства Польского продовольствием и заведу денежной отчетностью, потому считаю себя вправе задать вам этот вопрос.

— А я полагаю, что это право председателя комиссии, а не ваше. Но если вы так нетерпеливы и любопытны, то могу вам показать квитанцию Московского отделения Государственного банка на 31 570 рублей, сданных мною на восстановление кредита министерства еще в июне сего года.

Когда я привез беженцев из Козениц в Москву, то тогда же и сдал в Государственный банк весь остаток от аванса — в Москве комиссия по снабжению еще не была создана. Первоначально банк не хотел принимать этих денег на основании отсутствия параграфа, в соответствии с которым можно было бы оформить прием денег. Тогда я письменно потребовал выдать мне удостоверение, что банк не принял от меня деньги, и прибавил, что после отказа банка я не считаю себя ответственным за могущую случиться пропажу 31 570 рублей. Тогда банк деньги принял.

Позже я узнал, что по инициативе именно этого члена комиссии* мне был объявлен выговор министра за розданный в Козеницах без исполнения правил хлеб в размере 40 000 пудов.

* Фамилию его я забыл.

Сдав очень скоро отчет, я поехал обратно в Смоленск.

Через несколько дней было совещание под председательством Зубчанинова для решения вопроса о снабжении собственными силами предметами довольствия беженцев и их скота — военное и гражданское ведомства передали все снабжение в ведение главноуполномоченного. Зубчанинов и его товарищ, видимо, растерялись и не смогли прийти к определенному решению. Причем Зубчанинов обратил внимание, что особо велика нужда в Рославле в фураже.

После долгих дебатов было принято внесенное мною предложение:

1) немедленно послать уполномоченное лицо в один из центров хлебной торговли для производства закупок продовольствия и фуража в больших количествах для отправки их маршрутными поездами по местам назначения на имена районных уполномоченных;

2) также немедленно выйти с ходатайством к правительству о разрешении производить вышесказанное и об оказании в этом всяческого содействия с указанием мест возможных закупок.

Рано утром после совещания ко мне в номер пришел секретарь Зубчанинова и сказал, что последний всецело присоединился к моему предложению и предлагает мне, его автору, принять обязанность уполномоченного по закупке продовольствия и, взяв необходимый аванс и желаемых сотрудников, сегодня же выехать, куда я сочту полезным. Он передал, что правительству посланы соответствующие телеграммы и что главноуполномоченный просит меня зайти к нему и поговорить об этом подробно.

Через три часа я получил необходимые бумаги, один миллион рублей именным аккредитивом на все Государственные банки и казначейства, взял с собою двух сотрудников из управления Зубчанинова и выехал в город Елец Воронежской губернии.

По ознакомлении с положением хлебного рынка я счел за лучшее основать свой центр в городе Туле, поскольку губернии Тульская, Орловская и Воронежская были предоставлены правительством для моих операций. Мне дано было право «экстренного отзыва» на десять вагонов, в соответствии с которым начальники станций обязаны были безоговорочно принимать и тотчас отправлять вагоны с продовольствием по указанному мною назначению. Центр мне сообщал, что именно, в каком количестве и куда высылать, а я посылал почти исключительно маршрутными поездами.

Хлеб и овес скупал при содействии Тульской, Орловской и Воронежской губернских земских управ по установленным твердым ценам. Приемщиками на станциях сдач были разосланы молодые люди — студенты и учителя, освобожденные почему-либо от призыва на военную службу. Все приемщики были спешно обучены правилам приема хлебов, их стандартам, а также снабжены нужными приборами*. Такими же приборами я снабдил и районных уполномоченных, которые получали хлеба. Я просил их всегда проверять получаемый хлеб и тотчас же сообщать мне обо всех недочетах.

Подобный порядок обеспечивал меня со стороны моих приемщиков, заставляя их быть добросовестными и строгими при приемках. На каждый вагон наклеивался довольно большой плакат, на котором был написан адресат и отправитель хлеба, а также номер вагона. Это облегчало поиски приемщикам хлеба.

Дело закупки и отправления продовольствия наладилось.

— Ваши поезда ползут, как черви по карте России, — так сказал мне один из высших чиновников отдела продовольствия Министерства внутренних дел, когда я поехал туда для урегулирования некоторых вопросов.

Конечно, в новую для меня деятельность втирались неприятности — ведь я был около «хлебного дела». Ко мне приходили разные лица, предлагая крупные взятки за «экстренный отзыв». Однажды пришел человек, который предложил 10 000 рублей за один отзыв на Москву. Да и управы оказались не без греха. Если я браковал хлеб по несоответствию стандарту от явно недобросовестных поставщиков, но рекомендованных мне земствами, то эти земские управы явно выражали мне свое недовольство.

Один из членов Тульской управы сказал, будучи со мной наедине:

— Все поставщики жалуются на вас, что вы не сговорчивы. Нормально все получают некоторый процент. Почему вы отказываетесь? В конце концов, вы получите только неприятности — вас просто удалят отсюда. Живите сами, и дайте жить другим.

В начале января 1916 года я был вызван телеграммой Зубчанинова в Петроград, где в то время находилось его управление вместо Смоленска, занимая отдельный огромный семиэтажный дом.

* Пурками.

Зубчанинов опять расхвалил меня и предложил выбрать новое назначение — либо заведовать всею заготовительной частью главноуполномоченного и для этого переехать в Москву, либо быть уполномоченным в городе Риге в районе армии генерала Радко-Дмитриева, где скопилось большое количество беженцев, прибывших из Литвы и северной Польши. Я отказался категорически от первого и согласился поехать в Ригу.

Зубчанинов ознакомил меня с общим положением в Рижском районе, рассказал, что там идет борьба между поляками, литовцами и русскими, что до сего времени уполномоченным по устройству беженцев в Риге был поляк Вентцель, который все старался делать только для своих сородичей*, и что вообще мне придется вести себя там крайне осторожно.

На мой вопрос:

— Как мне лучше наводить порядок — мягкой или жесткой рукой? —

последовал ответ:

— Конечно, мягкой, о своей резкости прошу вас окончательно забыть.

Поехал немедленно в Ригу прямо через Петроград, не возвращаясь в Тулу, вместе со своим секретарем Б. Лызловым.

Застал я там полное царство поляков. Прежний уполномоченный, поляк, не дожидаясь меня, уехал, хотя я приехал только через три дня после разговора с Зубчаниновым. Он поручил заведовавшему участком города Риги, тоже поляку, сдать мне все дела. Тот по моем приезде сказался больным и все дела и деньги поручил сдать одному из мелких служащих. Болен же он, по-видимому, был не серьезно, так как выходил из дома на прогулки и обедать в ресторан. Помещался же он в комнате при управлении.

Я сделал визиты всем местным властям, во главе которых был командующий войсками Рижского района генерал Радко-Дмитриев, очень симпатичный, простой и обходительный, имевший мало генеральского величия. Он меня принял весьма радушно, задержал сравнительно долго и очень интересовался положением беженцев и мерами, нами принимаемыми, для возможного облегчения их горькой участи. Сам он был полон надежд на скорое улучшение нашего военного положения и высказал мне свою полную, искреннюю уверенность в успешном окончании для нас войны.

* «А кто его туда назначил?» — подумал я.

За время моего пребывания в Риге я два раза встречался с ним во время его прогулок пешком по городу, и оба раза он меня останавливал и шел со мной, расспрашивая про беженцев. Я вынес от кратковременного знакомства с генералом Радко-Дмитриевым самое приятное впечатление, и мне было крайне больно, когда впоследствии узнал, что этот доблестный человек был одновременно с генералом Палицыным растерзан большевиками в городе Пятигорске.

Радко-Дмитриев военное образование получил в России, окончив Академию Генерального штаба. Он всегда был верным приверженцем России, которую любил бескорыстно. Он был выдающийся полководец, что доказал, победив незадолго до Великой войны турок во главе малочисленной <армии?>.

Работы в городе Риге оказалось очень много, почему я решил просить Зубчанинова назначить мне помощника. Послал телеграмму и получил ответ, который стал причиной комического эпизода: «Вам назначен компаньон. Зубчанинов».

Я с недоумением прочел телеграмму и тотчас ответил:

«Мне не нужен компаньон, я просил помощника, не имея своего кандидата».

Оказалось, что слово «компаньон» было фамилией помощника, и мне пришлось написать Зубчанинову письмо с извинением.

В.Ф. Компаньон оказался милейший, весьма порядочный и работоспособный брат адмирала Компаньона. Позднее он не пожелал остаться с Козаковским, моим заместителем, в Риге, поехал со мной в Петроград, а затем и в Ревель.

Надо сказать, что поляки устроили мне полную обструкцию. Впоследствии мне пришлось многих из них удалить и заменить русскими.

В Риге и окрестностях в полосе к северу до восьмидесяти пяти верст и параллельно фронту армии до двухсот верст было около 250 000 беженцев, находившихся на попечении разных организаций.

Я увидел, что прежний уполномоченный заботился только о поляках в ущерб беженцам других национальностей. Потому среди беженцев-неполяков чувствовалось сильное недовольство правительственной помощью. Как только стало известно о моем приезде, тотчас многие беженцы явились ко мне с жалобами и просьбами о самом необходимом.

Организация «Родина», помогавшая беженцам-литовцам, вскоре после моего прибытия обратилась ко мне с просьбой принять ее в

ведение главноуполномоченного, потому что у нее не хватало средств на содержание своих учреждений. Представители «Родины», пришедшие с этой просьбой, объяснили, что они просили несколько раз об этом прежнего уполномоченного, но он всегда отказывал.

Я считал, что нет оснований не исполнить просьбы «Родины». Иначе она должна прекратить свою деятельность из-за полного истощения средств, более 100 000 беженцев поступили бы на наше иждивение и пришлось бы снова создавать соответствующее количество новых учреждений.

Немедленно послал телеграмму Зубчанинову, что считаю не только полезным, но и необходимым принять «Родину» целиком, как она есть, в наше заведование, оставив всех служащих на местах, так как я убедился, что эта организация добросовестная и хорошо исполняет свое назначение. Зубчанинов согласился, и «Родина» со всеми учреждениями и со всем своим штатом служащих перешла в мое ведение.

Вскоре после «Родины» и Лифляндская организация помощи беженцам тоже обратилась ко мне с такой же просьбой. Я выразил свое полное согласие и предложил им те же условия, на каких перешла «Родина». К сожалению, лифляндцы на это не согласились и требовали, чтобы я ограничил свою роль только тем, чтобы выдавал в их бесконтрольное с моей стороны распоряжение необходимые для них суммы денег. Они вообще категорически желали сохранить свою полную самостоятельность.

Будучи ответственным во всех отношениях перед своим начальством и перед Государственным контролем, я, понятно, не мог сам согласиться на все подобные условия. Я передал ходатайство лифляндцев на благоусмотрение Зубчанинова, не делая никаких заключений. Он предложил мне принять их в свое ведение, но только на условиях «Родины». Лифляндцы отказались в довольно резкой форме. Было очевидно, что они в средствах не нуждались.

Всего под моим руководством оказалось около двухсот тысяч беженцев, из которых было 110 000 литовцев и ливов, более 65 000 поляков и остальные русские. Пришлось приступить к созданию различных учреждений для удовлетворения в полной мере нужд беженцев.

Через полтора месяца равномерно по всему району было открыто достаточное число питательных пунктов, хлебопекарен, больниц, амбулаторий, родильных покоев, аптек. В больших до-

мах были размещены отдельные семьи, члены которых были не работоспособными, приюты для детей, приюты для стариков, санатории для чахоточных, ряд училищ для детей школьного возраста. Были устроены мастерские для шитья одежды и белья, материал для них получался в больших количествах из Москвы. Всего за мое пребывание в Риге действовало 137 различных учреждений, обслуживавших исключительно беженцев.

В одном из приютов для особенно престарелых находились два старца. По документам одному было сто пятнадцать и другому сто пять лет. Первый скоро умер, видимо, ему была тяжела новая для него обстановка.

Первое время не встречалось затруднений в покупке припасов на месте. Но вскоре стал сказываться недостаток местных припасов. Пришлось обратиться к помощи уполномоченного по снабжению продовольствием. Получение от него припасов было очень нерегулярно, с большими перебоями, что ставило меня в крайне тяжелое положение, поскольку на месте купить не было возможности. Приходилось уменьшать рационы беженцам иногда даже больше чем наполовину и с угрозой совершенно остановить выдачу. Как выйти из беды?

Пришлось покупать продукты на местах небольшими партиями, что обходилось крайне дорого, да и было совершенно недостаточно. Один из служащих, посланный искать продукты, привел ко мне трех человек, которые заявили, что имеют возможность доставить из Эстляндии и Псковской губернии нужные нам продукты в достаточном количестве по казенным* ценам тех местностей, откуда продукты будут вывезены. Взамен они просили выдать им «экстренные отзывы» на мое имя для перевозки по железным дорогам, поскольку провоз частных грузов был прекращен. Кроме того, просили предоставить им право получения и продажи $\frac{2}{5}$ от полученных продуктов по вольной цене на местном рынке.

Не видя никакого выхода из создавшегося положения и узнав от властей, что эти люди — известные местные крупные торговцы, я решил принять их предложение. Послать своих людей покупать припасы в указанных губерниях я не мог, так как распространять мои действия на местности, не входящие в район моих полномочий, я не имел права. На пространстве всей Лифляндской губернии и в городе Риге продовольствия было достать нельзя.

* Справочным.

Выдавая экстренные отзывы, я не усмотрел никаких оснований считать последнее незаконным действием, нарушением интересов армии и зажимом железных дорог излишними перевозками. Военные власти, отвечая за снабжение местного населения Лифляндской губернии, должны были теми же продуктами занимать те же железные дороги. Тем более что $\frac{2}{5}$ части всех прибывавших припасов, полученных по моим экстренным отзывам, так или иначе поступали в распоряжение того же населения.

Особенно мне не могло прийти в голову, что могу я быть заподозрен в нечестных действиях. Условие с торговцами было совершено письменно, мною утверждено, то есть я принял на себя всю ответственность за последствия. Для каждого получения продуктов назначалась комиссия, которая $\frac{3}{5}$ части от полученных припасов передавала заведовавшему хозяйственной частью моего уполномочия, а $\frac{2}{5}$ части оставляла торговцам, взимая с них за провоз соответствующую тарифную плату. Эти деньги записывались на приход и представлялись в кассу главноуполномоченного.

Мне удалось войти в дружественный контакт с местными благотворительными организациями и вообще с городскими властями. Также хорошие отношения создались и с литовской «Родиной», представители которой часто мне передавали, что знают о том, что поляки ведут против меня подпольную игру, стараясь всеми силами очернить меня везде, где только это представляется возможным. Вскоре, совершенно случайно, я получил доказательство справедливости предупреждений литовцев.

Мне было предоставлено право отправления телеграмм «по военным обстоятельствам», каковые принималось телеграфом с обязательством уплаты по истечении месяца по предъявлении мне счета. Однажды мною был получен очередной счет; просматривая его правильность, я заметил между копиями моих телеграмм телеграмму в Петроград на имя мне неизвестного лица следующего содержания:

«Очень прошу принять более энергичные меры в министерстве и у Зубчанинова к удалению Никольского из Риги точка Он завоевывает все большее значение чем дальше тем труднее будет его удалить точка Вместо него назначить Козаковского».

Телеграмма была подписана моим предшественником в Риге и послана из города Вендена, где в то время находился штаб армии.

Я снял с нее копию и с письмом послал Зубчанинову. Я просил его принять меры против подобных действий подчиненных ему

лиц; если же я вообще неугоден, то просил откомандировать меня к месту моего постоянного служения. Никакого ответа на это письмо я не получил, но когда я вскоре был в Петрограде и явился к Зубчанинову, он встретил меня, радостно улыбаясь:

— Ну что же вы, Евгений Александрович, так обиделись на этого поляка Вентцеля? Понятно, что ему хочется вас спихнуть. Ведь это просто смешно!

— Я не нахожу, ваше превосходительство, никакого повода для смеха. Как ваш подчиненный, я ищу у вас защиты против безобразных интриг другого вашего же подчиненного. Если вы считаете поступок Вентцеля некорректным, то вы обязаны меня защитить, если же вы полагаете, что Вентцель прав, то прошу освободить меня от службы под вашим начальством.

— Ради Бога, не волнуйтесь, дорогой Евгений Александрович, конечно, я намылю голову Вентцелю, а вы забудьте об этом случае — это будет самое лучшее. Я вас очень ценю, всем известно, сколько пользы вы принесли нашему делу. В последний раз, что был я в министерстве, на вопрос товарища министра о комиссарах, находящихся в моем распоряжении, я отозвался о вас как о наилучшем. Поэтому нет никакого повода вас откомандировывать. Это выглядело бы даже странным после моего блестящего отзыва о вас товарищу министра. Очень прошу, не придавайте поступку Вентцеля никакого значения!

Тон и содержание последней части слов Зубчанинова я принял за извинение передо мной, а потому решил не продолжать разговор на тему интриги Вентцеля, а только спросил:

— Разрешите спросить, Сергей Иванович, — просил ли вас кто-либо об удалении меня из Риги?

— Да, просили, но я ответил резко отрицательно.

Видимо, кто-то мне неизвестный вел действия, направленные против меня.

Большинство беженцев проживало в городе Риге, а потому учреждения, обслуживавшие их, были главным образом расположены в самом городе. Там находилось большое число питательных пунктов, несколько больниц, приемных покоев, родильных приютов, амбулаторий, три аптеки, школы, приюты не только для малолетних детей, но и для только что рожденных, ясли для временного помещения детей работающих беженцев, а также приюты для стариков, и особо один — для очень престарелых. Был приют-больница для страдающих хроническими болезнями. В ближайших

окрестностях Риги был устроен большой санаторий для чахоточных. Были сняты два больших многоэтажных дома, в которых в отдельных помещениях жили семьи не могущих почему-либо достаточно заработать, чтобы занять отдельную квартиру.

Такие беженцы принимались на полное наше иждивение, причем им ежемесячно выдавалась определенная сумма денег на их личные расходы. Мне было предоставлено право выдавать в случаях необходимости до 50 рублей на человека, отдавая каждый раз особый приказ с изложением причин выдачи. Кроме неспособных к труду, наличными деньгами получали интеллигенты, которые не могли найти никакой соответствующей работы, а уехать в Россию боялись, не имея там ни родственников, ни знакомых, ни средств.

Настаивать на отъезде подобных беженцев из Риги я не решался, понимал, что, уехав, они могут остаться в глубине страны навсегда. А в случае нашего военного успеха*? Они всегда со слезами просили у меня разрешения оставаться ближе к фронту, питая надежду на возможность скорого возвращения на родину. Как я мог брать на свою совесть насильственное отправление их в неизвестную для них страну?

При свиданиях с Зубчаниновым он мне несколько раз говорил о необходимости для сокращения расходов отправлять беженцев вглубь России даже насильственно и о сокращении выдачи им денег, но я всегда отвечал ему одно и то же:

— Прошу дать мне письменное о том предписание, так как я никогда не возьму на свою совесть умышленно, из-за экономии денег, губить, быть может, людей или приносить им несчастье.

— Но мне об этом уже несколько раз говорил министр.

— Не откажите показать мне его предложение.

— Если бы он мне его написал, то я тогда предписал бы немедленно и вам.

Предписания я так и не получил.

Периодически в городе Вендене в штабе армии, происходили совещания с начальником этапно-хозяйственного отдела армии, на которых разрешались текущие вопросы о беженцах и местных жителях. Я всегда приглашался на эти совещания. После моих докладов штаб армии соглашался с моими доводами о необходимости возможно более идти навстречу нуждам беженцев и разрешал мне оставлять их в возможной близости к боевому фронту. На

* О чем всегда говорили военные.

этих совещаниях разбирались и другие вопросы военно-хозяйственного характера. Большинство присутствовавших были представители войсковых частей: часто среди них я был только один невоенный. Так как некоторые из офицеров Генерального штаба знали меня еще по штабу в Санкт-Петербурге, то, не стесняясь моим присутствием, говорили про возможность отступления и вообще о многих не подлежащих оглашению вопросах. На основании их разговоров у меня создалось впечатление, что положение нашей армии не блестящее.

Главная масса беженцев, а именно 170 000 человек, размещалась в самом городе Риге и ближайших окрестностях. Рига была почти брошена жителями и в мою бытность там представляла город беженцев, которые занимали очень много оставленных владельцами зданий. Из беженцев большая часть, около 155 000, состояли на полном содержании нашей организации. Поэтому количество учреждений (сто тридцать семь), мною организованных, не должно удивлять.

Неработоспособные беженцы жили в двух огромных многоэтажных домах целыми семьями — всего их было около тысячи семей. Они пользовались полным содержанием и медицинской помощью в зданиях. На этажах были общие столовые.

В городе находилось двенадцать приемных покоев с родильными приютами, серьезно заболевшие отправлялись в больницы. В одном из бывших городских детских приютов (весьма обширном) был устроен питомник, в который помещали недоношенных детишек. Нужда в подобном питомнике возникла оттого, что матери, особенно в начале войны, рожали часто недоношенных детей. Это было результатом страданий и испытаний, перенесенных беженцами на их страдном пути до прибытия в Рижский район. Более тридцати бывших городских школ были использованы для школ беженцев. Многие из них были прекрасно устроены и имели для школ все необходимое, в некоторых перед началом занятий ученики и ученицы могли принимать теплый душ. В отдельных школах была устроена дезинфекционная камера.

Я старался создавать учреждения на возможно большее число беженцев, но в соответствии с национальной принадлежностью. Так в Риге были образованы отдельные русские, литовские, польские и иные учреждения для беженцев.

Исключение составлял санаторий для туберкулезных больных, в который принимались больные всех наций. Этот санаторий был

рассчитан на четыреста человек. В мою бытность в нем находилось не более двухсот сорока больных. Доктора отмечали тенденцию к постепенному увеличению числа больных туберкулезом вследствие перенесенных перед тем лишений.

В санаторий помещались все заболевшие туберкулезом, которых доктора считали нужным туда поместить. К сожалению, не все беженцы, заболевшие этой ужасной болезнью, соглашались идти в санаторий. Туберкулезные больные из семейств, проживавших в учреждениях для беженцев, помещались в санаторий в обязательном порядке.

Кроме Риги, наибольшее скопление беженцев отмечалось в полосе между Ригой и боевой линией войск. Все бывшие дачные местности вдоль берега Рижского залива — Мариенгоф, Аннингоф — были заполнены беженцами. Они разместились в лучших дачах, оставленных их владельцами. Во всех местах были устроены все необходимые учреждения и питательные пункты. Все они пользовались теми же услугами «Северопомощи», что и в самой Риге. Всего в этом районе, в Шлокском отделе, насчитывалось до 20 000 беженцев.

Самым близким к фронту был Шлокский участок — наши войска занимали позиции весьма близко к нему. Из-за частого обстрела немцами город Шлок был почти полностью оставлен местными жителями. Теперь он был наводнен беженцами.

В самом Шлоке находился начальник Шлокского отдела, больница, амбулатория, аптека, два питательных пункта и склад необходимых для беженцев предметов и запасов. В окрестностях города Шлока было расположено несколько питательных пунктов и приемный покой на восемь кроватей с доктором.

Все эти учреждения работали под постоянной угрозой обстрела, что в действительности и произошло несколько раз, причем однажды бомба большого калибра попала в дом, соседний с помещением приемного покоя. В комнате у доктора обвалился потолок, доктор настолько был перепуган, что бросил свой пост и приехал ко мне в Ригу, прося его оттуда перевести. Пришлось приемный покой передвинуть дальше от фронта.

Также немцы бросили несколько бомб на один питательный пункт, но, к счастью, не попали в него, а сожгли соседние здания и наш склад припасов.

Следующие факты показывают, как была образцово поставлена у немцев разведка в этом районе. Однажды я отправился осмат-

ривать наши учреждения в городе Шлоке и его окрестностях. На моем автомобиле был флажок нашей организации, присвоенный уполномоченным, а выше — белый с зеленым прямым крестом. В моем распоряжении находился большой сильный автомобиль Русско-балтийского завода, очень заметный. Я подъехал к помещению начальника отдела и оставил автомобиль. Все учреждения, которые я собирался осмотреть, помещались на площади около церкви. Осмотрев все, я пошел к автомобилю.

Лишь только мой автомобиль отъехал на двести тридцать пять шагов*, как упали три бомбы одна за другой точно на то место, где только что стоял автомобиль. При этом осколками значительно повредило фронтонную часть дома на участке, где жил начальник отдела. По счастью, сам он занимал помещение во флигеле во дворе, в доме был склад вещей и продуктов, который и был поврежден. Случайно почти никто не пострадал, только один служащий на складе оказался очень легко ранен. Было очевидно, что если бы я задержался еще две-три минуты, стоя около автомобиля и разговаривая с начальником отдела, то вряд ли остался бы жив. Одна из бомб упала в непосредственной близости от места стоянки моего автомобиля, и на этом месте образовалась огромная воронка.

Как рассказывал комендант соседней со Шлоком железнодорожной станции, военные власти оставили однажды вечером у него на путях два вагона с взрывчатыми веществами, не успев разгрузить их до наступления темноты. Рано на рассвете следующего дня прилетели германские аэропланы и обстреляли бомбами стоявшие вагоны. Поскольку вагоны находились под сенью густых деревьев, то, к счастью, ни одна бомба в вагоны не попала, лишь частично был разбит наш питательный пункт, который находился около тупика. Никто не пострадал, поскольку в здании никого не было.

Очевидно, что у немцев была прекрасно организована самая тесная связь сигналами со Шлоком и его окрестностями, и все, даже мелкие действия военных каким-то образом немедленно передавались в ближайший германский штаб. Так, им быстро передали о моем прибытии, видимо приняв меня за какое-то начальствующее лицо**, которое остановилось около хорошего ориенти-

* Я сам потом просчитал.

** Передававший сигнал был плохо осведомлен, вероятно, о формах одежды.

ровочного пункта — на площади у церкви. Также немцы тотчас же узнали о вагонах со взрывчатыми веществами на запасном пути, взорвать которые, конечно, было весьма интересно.

Рижское уполномочие распространялось по северному берегу реки Западной Двины до ста двадцати трех миль и в глубину к северу до восьмидесяти миль. В пятидесяти милях на северо-восток от Риги учреждениями «Северопомощи» было занято богатое обширное имение «Лембург», в котором находился центр управления Лембургского отдела со всеми учреждениями для беженцев: две больницы, два приемных покоя с родильными приютами, питательные пункты и прочее по расчету на десять тысяч человек.

Некоторые питательные пункты и школы были расположены в разных местах, где проживали группами беженцы.

Большинство местных жителей в районах, ближайших к фронту боевых действий, покинули свои жилища, особенно так или иначе обеспеченные. Потому беженцы, державшиеся фронта, были хорошо обеспечены помещениями, и мне не приходилось думать о квартирах для них. В Риге также было немало свободных домов, часто с обстановкой, которые отдавались за дешевую плату и были заняты беженцами.

Большое затруднение было с получением продовольственных припасов, особенно мяса и зелени, которая почти отсутствовала, сказывалось на состоянии здоровья беженцев. Поэтому я решил арендовать большие площади огородных земель. Между беженцами нашлись специалисты, которых я привлек к устройству огородов в большом масштабе. Семена достать было легко — в Риге было несколько больших семенных магазинов, и мы могли засадить большие площади различной зеленью.

Вообще к работам во всех наших учреждениях помощи беженцам я старался привлекать исключительно беженцев, но, как ни странно, не всегда мне это удавалось. Иногда приходилось для их привлечения прибегать к не совсем нравственным мерам. Так, например, при устройстве огородов не удалось набрать необходимого числа рабочих из беженцев, которые, видимо, будучи поставлены в сносные условия жизни, не стремились особенно работать*. А на тяжелую и грязную работу с землей, которую мы хотели тщательно обработать, людей найти было еще труднее.

* Ведь с получением работы их жизнь не улучшалась.

Мне подсказали, что, если обещать беженцам-рабочим выдавать ежедневно порцию водки за обедом, то найдется много желающих на такую работу. Удалось через военные власти достать спирт, который разбавляли водой до степени крепости водки и выдавали по чарке за обедом всем желающим рабочим. Эта мера привлекла к работам на огородах беженцев в числе, превышавшем с излишком потребность.

Следует заметить, что всем занятым службою или работою по беженским нуждам платилось нормальное вознаграждение военного времени. Также трудно было находить среди беженцев желающих занять места служителей в наших больницах. Часто приходилось принимать на службу местных жителей, которые вообще оказывались более работоспособными. За все время пребывания на службе по устройству беженцев я заметил, что особенно много было желающих среди местных женщин, имевших право быть сестрами милосердия, которые часто приходили и просили принять их к нам на работу.

Составляя записки исторического характера, я стараюсь не уклоняться от истины и при этом считаю, что всякое умалчивание о происходивших фактах или умаление чего-либо есть умышленная ложь.

Мне крайне неприятно и даже нравственно больно, но я должен упомянуть, что среди сестер милосердия, как добровольных военного времени, так и сестер постоянной службы, сравнительно немало встречалось не соответствовавших своему назначению по нравственным качествам. Конечно, не мое это было дело следить за нравственностью сестер и вообще всех служащих. Но когда безнравственное поведение кого-либо становилось предметом гласности, а при проверке подтверждалось, то мне, помимо моего желания, приходилось принимать строгую меру относительно подобных сестер или других лиц — либо немедленно увольнять, либо, если это была сестра, присланная из какой-либо общины сестер милосердия, отправлять ее в Петроград, подробно излагая причины увольнения.

Одновременно должен засвидетельствовать, что очень многие сестры были вполне на высоте своего призвания и действительно отдавались делу милосердия совершенно беззаветно, не щадя своих сил и подвергая свою жизнь постоянно смертельной опасности, заражаясь эпидемическими болезнями во время бесстрашного ухода за больными. И, конечно, вторых было несравненно более, нежели первых.

Мои друзья передали мне, что из штаба армии на имя главного командующего фронтом Куропаткина поступил анонимный донос на меня, что я продаю в свою пользу частным лицам продукты, следуемые на довольствие беженцам, входя в сделки с подрядчиками, и что Куропаткин наложил резолюцию немедленно назначить ревизию государственного полевого контроля. Первоначально, когда мне это передали, я от души рассмеялся. Потом вспомнил, что ведь я действительно получал от частных подрядчиков весь доставленный ими продовольственный груз, $\frac{2}{5}$ отдавал им и нисколько не скрывал последнее — все знали, почему и как это происходило. Знал это и уполномоченный, которому я при личном свидании говорил, он не возражал, в его кассу я сдавал деньги, полученные за провоз части грузов продовольствия, отдававшихся подрядчикам.

Для меня было понятно, кто и почему написал Куропаткину эту грязную инсинуацию. Несомненно, это было сделано из польского лагеря.

Действительно, очень скоро приехала комиссия Государственного контроля. Контролеры явились в мое управление после одиннадцати часов ночи, предъявили мне предписание о производстве ревизии и в моем присутствии опечатали несгораемый шкаф, в котором находились наиболее важные документы и касса, потом опечатали входные двери в управление и удалились, извиняясь за беспокойство.

Утром ко времени начала занятий они появились, сняли печати и начали производить ревизию не только по управлению, но и на всех складах. Контролеров приехало около двадцати человек, они разделились на группы по два-три человека. В продолжение более недели они все проверили, взяли мое письменное объяснение моим покупателям продовольствия и, наконец, дали мне прочитать их заключение.

В нем излагалось, что у меня все ведется правильно, никаких недочетов и растрат не обнаружено, однако способы заготовок мною продуктов питания иногда выходят за границы нормы. Однако, имея в виду временами почти полный недостаток продуктов и невозможность их приобрести, а также то, что все получавшиеся припасы шли так или иначе на питание местного населения, то от моих мер войска ущерба не несли, тем более что интендантство все равно в крайних случаях выдавало продукты населению. И вообще, было признано, что все мои действия соответствуют обстановке и не нарушают интересов казны.

Таким образом, вторично Государственный контроль не мог найти ничего отрицательного в моей деятельности и вообще одобрил мои действия.

Вскоре после ревизии приехал товарищ Зубчанинова А.И. Зарин, член Государственной думы от Псковской губернии. Придя в управление, он первоначально сделал вид, что хочет просмотреть дела, но очень скоро отбросил все бумаги и сказал:

— Да что я буду хитрить — мне надо по поручению Сергея Ивановича поговорить с вами. Дело в том, что против вас лично ведется интрига, в ней участвуют довольно сильные люди. Сергей Иванович все время заступался за вас, но теперь более не может. Потому просил меня передать вам, что он вынужден против своего желания предложить вам другое назначение: либо принять должность главного контролера Главного управления по устройству беженцев, либо уполномочие по Эстляндской и части Петербургской губернии.

— Должность контролера принять я отказываюсь, перейти в Ревель — согласен, — был мой ответ, — но не откажите, Александр Иванович, сказать мне, кто будет назначен вместо меня в Ригу?

— Некто Козаковский, вряд ли вам известный.

На это я ничего не ответил, но вспомнил телеграмму Вентцеля, в которой упоминалась эта фамилия.

Как только в Риге стало известно о моем уходе, некоторые организации решили просить Зубчанинова оставить меня. Первую телеграмму послали литовцы, за ними — некоторые благотворительные организации. Зубчанинов им всем ответил весьма любезно, что решение этого вопроса от него не зависит.

Очень скоро явился сменить меня и сам Козаковский. Это был типичный поляк, на редкость тучный, помещик одной из польских губерний, как он сам о себе рассказал. В разговоре со мной он счел нужным дать мне понять, что у него большие связи в правительственных кругах, которые его всегда поддержат.

— А вот у меня так нет никаких связей и за меня некому заступаться, — сказал я, — и потому каждый прохвост может безбоязненно вести против меня интриги и писать гнусные анонимные доносы.

Козаковский густо покраснел, замолчал, посидел несколько мгновений, попрощался и ушел.

В первых числах июня месяца 1916 года я уехал из Риги, провожаемый на вокзале большим числом как представителей различных организаций, так и беженцев. Когда я с женою вошел в купе вагона, то увидел, что оно все убрано цветами.

В Петрограде Зубчанинов вторично предложил мне должность главного контролера, но я опять отказался и попросил дать Эстляндское управление, куда и был назначен.

Впоследствии при отступлении наших войск из Рижского района уполномоченный Козаковский с двумя другими служащими поляками, захватив всю кассу, более 200 000 рублей, перешли на сторону немцев и возвратились к себе в Польшу.

Когда я был после этого у Зубчанинова, то напомнил ему Козаковского, на что он сказал:

— Да, я всегда считал Козаковского подлецом, ведь анонимный донос на вас Куропаткину было дело Вентцеля и его. Между прочим, Вентцель тоже перешел к немцам и тоже с нашими деньгами.

Ревель. Революция. Смерть жены.

Отъезд на Дальний Восток

В город Ревель я поехал с помощником В.Ф. Компаньоном. Ревель — один из древнейших городов России*. Он расположен на берегу Финского залива и разделяется на две главные части: одна — район древнего замка, построенного на возвышенности и окруженного высокой крепостной стеной бастионного типа, другая — городская часть. В замке жил губернатор и были расположены губернские учреждения.

В 1559 году царь Иоанн Грозный пытался завладеть Ревелем. Он подступил со своими войсками к стенам замка, опустошив все окрестности и разрушив знаменитый монастырь Св. Бригитты, расположенный в трех верстах от города. Иоанн Грозный довольно долго осаждал его, но взять не смог, так как гарнизон замка имел беспрепятственное снабжение людьми и снаряжением с моря.

Кроме того, у Иоанна было весьма примитивное боевое снаряжение: так, например, его пушки стреляли каменными ядрами. В стенах замка до последнего времени сохранились вонзившиеся каменные ядра, которые оставлены неприкосновенными, как памятники седой старины. На дворах замка и на площади около него были сложены в кучи каменные ядра различных калибров. Види-

* Ревель (офиц. назв. г. Таллина в 1219–1917 гг.) вошел в состав России по Ништадтскому миру 1721 г. В 1991 г. провозглашена независимость Эстонии. — *Примеч. ред.*

мо, артиллерия царя выпустила немало число своих примитивных снарядов, которые, конечно, наносили самое незначительное поражение противнику.

Нижняя часть города также прежде была обнесена крепостной стеною, но город разросся, от стены остались только в редких местах отдельные башни. Особо была известна «Старая Берта», где устроили губернскую тюрьму — настолько башня была обширна.

Городская ратуша помещалась в древнейшем здании крайне оригинальной архитектуры на главной площади. Делая визиты местным властям, я посетил и городского главу И.И. Поска в ратуше. Он был очень любезен и, видя, что я интересуюсь стариной, сказал мне, что все наиболее ценное и интересное увезено куда-то за Москву. Он обратил мое внимание на два больших деревянных барельефа на цельных досках, стоявших в бывшем зале старинного городского суда. На одном барельефе с левой стороны изображена часть комнаты, в которой у двери стоит женщина с палкой в руке, видимо жена, а с правой стороны барельефа изображено, как к двери дома с улицы подходит пьяный мужчина, видимо муж. На другом барельефе жена уже избивает палкой мужа, тот стоит на четвереньках, и она бьет его по оголенной задней части.

Также И.И. Поска обратил мое внимание на три древнейшие бронзовые люстры, которые покрылись особой ржавчиной, отливающей всеми цветами радуги, что бывает только в том случае, если бронза была неприкосновенна несколько сот лет. Он рассказал, что один из его предшественников, ничего не понимая в старине, приказал вычистить люстры от этого драгоценного налета. К счастью, успели вычистить только половину одной люстры, как в ратушу случайно зашел какой-то знающий человек. Он пришел в ужас, увидев, что счищают древний благородный налет, и вандализм был остановлен.

В уполномочие входила вся Эстляндская губерния и часть Петроградской — город Нарва, курорт Гугенбург и их окрестности. Всего в Эстляндской губернии беженцев было немногим более 18 000, а в Петроградской — 2200 человек, количество в десять раз меньшее, нежели в Рижском районе. Соответственно, меньше было и учреждений для помощи беженцам, положение которых в этом районе было несравненно лучше.

Конечно, приходилось, так же как и в Риге, обслуживать неработоспособных больных, престарелых беженцев, малолетних сирот. Также приходилось опекать беженцев, умышленно ненаходив-

ших работу, ибо часто не было возможности проверить справедливость их заявлений о бедственном положении.

В Ревеле по сравнению с Ригой положение уполномоченного было совершенно иное. Здесь никто и не думал против меня интриговать; напротив, и местные власти во главе с губернатором Веревкиным и городским головою И.И. Поска*, и жители относились ко мне в высшей степени доброжелательно и приветливо, помогая мне во всем, в чем было возможно. Я не встретил в Ревеле ни одного недоброжелателя — ни явного, ни тайного. Поэтому работа в Эстляндской губернии была весьма приятной и легкой.

Имея уже достаточный опыт, мне было нетрудно наладить помощь беженцам в таком сравнительно небольшом масштабе и поставить ее на возможную высоту. Но всегда и везде бывают нарекания за несправедливое отношение. До меня доходили жалобы о неправильных выдачах продуктов на питательных пунктах, со складов одежд и других необходимых предметов. Я решил на всех участках образовать из беженцев по их выбору особые комиссии. В каждом учреждении комиссии через своих членов следили за правильностью выдач, они же принимали жалобы. После рассмотрения и проверки в комиссии жалобы направлялись на места с заключением последней. Таким образом, организованная действительный контроль, и жалоб на злоупотребления стало поступать крайне мало.

В спокойной, точно рассчитанной работе прошло около девяти месяцев (с июня 1916 до февраля 1917 года).

Неожиданно грянула революция. В Ревеле она особенно сильно отозвалась во флоте, где произошли события вроде гельсингфорских**. К матросам скоро присоединились чернь и часть местного гарнизона. Толпы их бросились уничтожать правительственные учреждения, суд и пр., терзать и убивать оставшихся начальствовавших лиц.

Комендантом крепости был адмирал Герасимов, который при моем представлении ему произвел на меня отличное впечатление своею простотою и обходительностью; про него мне передавали, что и гарнизон крепости, и жители города его ценили, как достойного коменданта.

* Впоследствии первым президентом Эстонской республики.

** В г. Хельсинки. — *Примеч. сост.*

С начала революции был пущен несуразный слух, что в тюрьме башни «Старая Берта», в ее стенах, существуют отдельные темные казематы, в которых пожизненно томятся какие-то политические заключенные. Толпы матросов, солдат и черни бросились к башне, вломились в тюрьму, перебили весь состав служащих, открыли все камеры, выпустили всех заключенных, но указанных темных казематов не нашли*.

Адмирал Герасимов один с шофером приехал к тюрьме, надеясь успокоить толпу. Стоя на автомобиле, он только начал обращение к бунтовщикам, как в него выстрелили. Он упал, опасно раненный. Его шофер дал полный ход и спас адмирала.

Вечером я увидел зарево пожара и любопытствовал, где горит. Оказалось, грабили и жгли Окружной суд. Когда я подошел, то увидел около суда несколько огромных костров, сложенных из предметов обстановки суда, из кучи бумаг и дел, которые какие-то люди выбрасывали из окон суда. Выбрасывали также и пишущие машинки. Меня поразила вся обстановка бессмысленного уничтожения суда — дикие крики огромной толпы, которая вся была в каком-то исступлении. Какие-то люди бесновались около костров, кружась в диком танце, с громкими криками и воплями, произнося страшные ругательства. Я видел около себя толпу безумных существ. Меня охватил ужас, и я почему-то вспомнил те моменты, под впечатлением которых бежал из толпы беженцев, находившихся под обстрелом немецких аэропланов у города Кобрина. Так и здесь я не мог оставаться среди массы безумцев и быстро пошел домой.

«Вот революция, как она есть», — думал я, идя по темным, совершенно пустым улицам города, прислушиваясь к удаляющемуся шуму дикой толпы.

После картины уничтожения суда, которая произвела на меня потрясающее впечатление, я решил по возможности оставаться в тени, и потому свидетелем каких-либо других событий мне не пришлось быть. Только однажды, когда Керенский приезжал в Ревель, я случайно проходил по площади, на которой стоял народ. В толпе говорили, что сейчас должен приехать Керенский. Я его никогда не видел, а потому решил подождать и встал около самой трибуны. Скоро приехал с вокзала большой кортеж в сопровождении огромной толпы. В автомобиле сидели Керенский и Брешковская.

* На самом деле их и не было никогда.

«Бабушка революции» оказалась упитанной пожилой женщиной, со здоровым румянцем на полном лице. Керенский был в высоких сапогах и во френче защитного цвета. Он резкими, порывистыми движениями взошел на трибуну. Немного сзади его стала «Бабушка». Постояв несколько мгновений, Керенский начал речь, произнося ее громкими, отрывистыми отдельными словами, с частыми остановками. Начало речи, которое я хорошо запомнил, было следующее:

— Я, Александр Федорович Керенский, министр юстиции Временного российского правительства, товарищ председателя рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, говорю вам — возврата к царскому правлению Россией никогда не будет...

Далее пошла обыкновенная митинговая речь, не имевшая никакого глубокого содержания.

После него говорила Брешковская, речь которой не оставила никакого впечатления, но когда она стала говорить о своих страданиях в Шлиссельбурге, то я в этом усомнился, видя перед собою пышущую здоровьем женщину.

Между прочим, она сказала, что они приехали в Ревель углубить революцию.

Речь Керенского произвела сильное впечатление на толпу, состоявшую из матросов, солдат, рабочих и хулиганов, главным образом манерой произнесения фраз и отдельных слов с крикливой, отвратительной истеричностью. Последнее, видимо, действовало на простой народ особенно сильно.

Вскоре мне пришлось ехать в Петроград. Садясь в вагон, я заметил, что перрон полон народу и около вагона стоит караул матросов. Оказалось, что из Ревеля возвращается министр земледелия* пресловутый Чернов. Он появился в сопровождении кричащей толпы. Поздоровался он с караулом следующими словами:

— Здравствуйте, друзья-товарищи, краса и гордость русской революции!

Матросы, видимо, не были подготовлены, что отвечать, и большинство закричали:

— Здравия желаем вашему высокопревосходительству!

Другие орали просто:

— Ура!

В общем, сумбур получился изрядный. Чернов поторопился войти в вагон, открыл окно, встал на шаг от него и начал речь банально

* «Селянский», как он называл себя.

митинговую. Толпа на перроне и матросы дико орали, одобряя его проклятия по адресу царского правительства. Я стоял в коридоре вагона у соседнего окна, и Чернов боязливо посматривал на меня.

Как только поезд тронулся, Чернов исчез в своем купе, и я его более не видал.

На место губернатора Веревкина был назначен городской голова Поска. Как-то мне случилась необходимость его видеть, и я отправился в замок. В замке было большое зало, в котором посетители ожидали приема губернатором. В этом зале на стенах были развешены портреты всех государей, начиная с Петра Великого. Теперь я увидел много следов бывшего грабежа в первые дни революции. Все портреты уничтожены, кроме императора Петра Великого. Он оказался пощаженым и совершенно не тронутым. Были также уничтожены и все старинные картины. Таким образом, только большой портрет в рост Великого императора одиноко висел на своем месте.

Работа по устройству беженцев после революции несколько не изменилась и шла своим порядком. В августе месяце я получил уведомление, что наша организация передается в ведение Союза городов, что ожидается прибытие приемной комиссии и что мне следует подготовить отчет обо всей своей деятельности.

Октябрьская большевистская революция застала меня еще в Ревеле и прошла незаметно.

В 20-х числах октября месяца ко мне явился представитель Союза городов и принял от меня уполномочие. Он оказался доктором-евреем и, видимо, довольно беспринципных взглядов. Например, при приеме имущества госпиталя в Ревеле наиболее дорогие предметы* он в моем присутствии откладывал в сторону, говоря своему секретарю не вносить их в опись принятого имущества. Но в описи сданного мною ему имущества он расписался. Я же отказался дать свою подпись под составленной ими, приемщиками, описи. На что еврей развязно заметил:

— Ну что же, обойдемся и без вашей подписи: не так она нам и нужна.

Сдав свою должность, я поехал в Петроград, явился в земский отдел и остался при министерстве в Петрограде. Было очень трудно найти квартиру, мы с женой поселились в Царском Селе в комнате у Андреевской, нашей знакомой, вдовы сенатора.

* Микроскоп, точные весы и многое другое.

Через короткое время я и другой комиссар, С.С. Басов, были назначены уполномоченными от Петроградской городской управы по заготовлению продовольствия. Недели мы ходили в отдел заготовления продовольствия неизвестно для чего, так как нам не давали никакого дела. Наконец, нас обоих послали в город Вятку для закупки по твердым ценам масла для Петрограда. Оказалось, что по твердым ценам в Вятке нельзя было купить ни фунта масла, о чем мы телеграфировали десять раз в отдел, но не получили никакого ответа, сидя более месяца без дела в гостинице. Наконец, решили ехать назад в Петроград. Явились в отдел заготовления, где нам объявили, что мы более не нужны и можем возвратиться в министерство.

Наступило Рождество, большевики вошли во власть, и я понял, что служить с ними не могу. Решил вместе с моим наилучшим другом М.А. Андреевским и с семьей тоже моего приятеля, генерала К.Ф. Вальтера, уехать во Владивосток. Со мной также решил ехать комиссар Трач. Всем нам удалось достать билеты первого класса на курьерский поезд во Владивосток на 21 февраля 1918 года.

Но 17 февраля меня постигло огромное несчастье — внезапно скончалась моя жена, и я остался совершенно одиноким.

18 февраля Трач приехал ко мне с женой, чтобы поговорить о поездке. Они остолбенели, увидев в комнате гроб с останками Екатерины Павловны. Увидев в этом дурное предзнаменование, они вообще отказались ехать на Дальний Восток.

Не думаю, что им было лучше в Советской России, нежели мне вне ее.

19 февраля мы ее похоронили. А 21-го я, М.А. Андреевский и М.К. Вальтер с сыном Константином поехали на Дальней Восток.

Начался новый этап жизненного пути эмигранта, самый трудный и, конечно, последний.

Приложение*

Краткое описание Святого Афона

Афонский монастырь находится на восточном отроге Халкедонского полуострова. Это территория Македонии, Салоникский вилайет.

Полуостров представляет собой полосу земли до пятидесяти километров длиной и пять — десять километров шириной. Полуостров оканчивается выступающей в море высокой горой Атос** (или Афон, или Святая Гора). По древнему сказанию, название Афон произошло от имени гиганта Атоса, который во время борьбы с богами в гневе перебросил Афонскую гору из Фессалии.

Местность отличается прекрасным здоровым климатом. Роскошный лиственный лес разнообразных древесных пород покрывает полуостров, изрезанный живописными долинами и ущельями с небольшими ручьями и речками. В лесах водится множество певчих и разных других птиц. На разработанных местах — богатая хлебородная почва, на которой прекрасно произрастают злаки и фрукты. Все это, а также отдаленность от населенных мест, несомненно, было причиной поселения на Афонском полуострове спасающихся от всего мирского.

Задолго до христианской эры Афон был святыней для соседних народов. Жители его существовали на приношения посещающих его пилигримов. В те времена вершина горы, около которой ныне стоит церковь Успения Пресвятой Девы Марии, была увенчана колоссальной статуей Зевса Фракийского, а в храме на берегу моря, где теперь монастырь Филофея, совершалось раз в год большое празднество в честь богов Афона. С древних времен людьми, желавшими проводить свою жизнь в подвигах, посте и молитвах, по откосам Афонской горы были вырыты глубокие пещеры. Доступ к этим пещерам возможен только с вершины горы при помощи спуска и подъема на канатах. В этих пещерах спасались и спасаются в новейшее время отшельники. Пищу и воду им спускают с вершины горы на веревках в особых корзинах.

* Составлено Е.А. Никольским. — *Примеч. сост.*

** Athos.

С победой христианства над язычеством христиане обратили внимание на Афон. Как законные наследники, они завладели им. Так же как язычники, они продолжали считать Афон священным. А вершину горы они теперь увенчали большим крестом.

По древнему апокрифическому преданию, распространенному на Афоне, Богородица совершила из Палестины путешествие по морю, прибыла к Афонской горе, взошла на нее и свергла в глубину моря статую Зевса, которая была отлита из чистого золота, и водрузила вместо нее Святой Крест.

Первые исторические сведения относятся к 880 году, когда христиане начали строить на Афоне монастыри. Христианские отшельники появились значительно раньше. Первые поселенцы-христиане очень часто страдали от нападений арабов и сарацин. В 968 году монах Афанасий основал монастырскую колонию и построил образцовый монастырь — Лавру. Был принят строгий византийский монашеский устав, по которому монахи проводили все время в труде и молитве при возможно полном молчании. У них была общая трапеза. Все подчинялись воле одного настоятеля монастыря.

При императоре Константине Мономахе (1042–1054) возникли и другие монастыри с более <чем> семьюстами монахами и со ста семьюдесятью поселками. Из маленькой церкви с соломенной крышей создался великолепный храм с монастырем. Постепенно образовалась столица — небольшой, небедный городок Карея*.

В продолжение четырехсот лет (970–1385) было построено двадцать больших монастырей. Еще до завладения турками Византией в 1453 году афонские монахи, как дальновидные политики, сочли за благо послать к султану Мураду II посольство, прося его взять их под свою высокую руку. Султан был очень доволен, что Афон добровольно первым в Европе признал его власть. Потому он особым фирманом** отдал монахам в вечное владение занимаемую ими местность и навсегда утвердил их права. Например, он запретил женщинам не только жить, но даже вступать на землю афонских владений.

Последнее время Афон представляет собой своеобразную монашескую республику из двадцати монастырей, одиннадцати скитов, более двухсот пятидесяти келий и ста пятидесяти поселений. Все народы, исповедующие православную веру, имеют в своем владении один или несколько монастырей. Населяют республику монахи разных национальностей, большинство из них — греки и до революции русские. Живут по уставу Василия Великого в полном отречении от мира.

Управление духовной республикой принадлежит Синоду, находящемуся в городе Кареей. Синод состоит из двадцати депутатов, по одному от

* Karyae.

** В Турции указ султана. — *Примеч. сост.*

каждого монастыря, и из четырех настоятелей главных монастырей. Синод собирается еженедельно, следит за дисциплиной и управляет общим имуществом республики.

Главным монастырем почитается старейший — Лавра, расположенный у подошвы горы Афон, затем наиболее известны Вагопедский, Св. Дионисия, Св. Павла, Св. Григория, Св. Симона-Петра, Русик (Св. Пантелеймона). Исключительно живописно расположен монастырь Зограф.

Монастыри управляются разнообразно, в зависимости от национальной принадлежности и внутреннего устройства. Одни — общежительные (киновии), которые управляются единолично игуменами; другие имеют республиканский образ правления (идиоритмы). В первых монахи живут общинами, подчиняясь общему уставу; во вторых — по личному усмотрению, получая пищу и вино от келаря монастыря. Все они ведут строгую жизнь.

Скиты и кельи находятся в полной зависимости от монастырей, в состав которых они входят. Скит состоит из группы домиков до шестидесяти. В каждом из них живут четыре — шесть монахов, ведущих общее хозяйство. В кельях обитают одиночные люди, часто даже не монахи, частные.

Необходимые припасы, которые обитатели скитов и келий сами добыть не могут, они получают от своих монастырей. Монахи для удовлетворения своих потребностей работают, изготавливая различные вещи: принадлежности для церквей, духовенства, домашнего обихода и пр. Но главная статья дохода для скитов — подавания и приношения верующих людей.

Научные занятия на Афоне не процветают, хотя раньше здесь было средоточие греческой учености, а в Средние века — центр развития христианско-византийского искусства, остатки которого можно найти на Афоне и в настоящее время. Монастыри особенно богаты собранием рукописей исторического характера, из которых множество совершенно не исследованы. Число редких манускриптов оценивается цифрой не менее тринадцати тысяч. Наиболее ценны рукописи св. отцов, но еще более — греческие, славянские грамоты, принадлежащие к драгоценнейшим сокровищам палеографии и истории. Но, к сожалению, все это культурное богатство, несомненно имеющее громадное значение для христианского и всего культурного мира, лежит под спудом и находится в полном беспорядке, в чем я убедился при посещении монастырей.

После падения Греческой империи Афон сделался новым Иерусалимом для всех православных христиан — славян, румын и греков. Огромные средства получены Афоном из России и из земель по реке Дунаю. Россия находится в связи с Афоном со времен Антония Печерского (основателя Киевского монастыря в 1051 году).

С XI века известен целый ряд русских паломников на Афон. Они оставили рукописные сказания о своих путешествиях. Известны сказания Епифания (XIV век), Зосимы (1420) и др. Со времен Иоанна Грозного в пользу монастырей стали непрерывно течь пожертвования в громадных разме-

рах, не поддающиеся никакому учету. Множество сборщиков-монахов блуждали по необъятной России и собирали пожертвования. Кроме того, верующие сами посылали много денег почтой в виде вкладов, иногда весьма крупных, для поминовения «за упокой души».

Последнее время Священный Синод запретил эти посылки и сборы денег, так как были обнаружены злоупотребления. Но тем не менее это запрещение Синода не остановило рвения верующих. Они продолжали давать и посылать деньги на Афон, хотя как будто в меньших размерах. Русские пожертвования поступали в монастыри — Пантелеймонский, Хиландарский, скиты Св. Андрея Первозванного, Св. Илии и Иверской Божьей Матери.

Мне случилось дважды посетить Афон. Напомню, что русские офицеры заведовали самой важной частью Македонии — Салоникским вилайетом, где и находилась гора Афон. Первый раз я проехал верхом с капитаном Полтановым, который заведовал жандармерией на Халкедонском полуострове. Причем мы охотились во время перехода на пути к городу Карея. Второй раз я был на горе Афон, сопровождая генерала Шостака.

В бытность на Афоне я старался по возможности ознакомиться с жизнью и обиходом монахов. То время (1908) надо считать расцветом благополучия Афона. Там проживало около тринадцати тысяч монахов, из них русских — не менее девятисот. Жили монахи в полном благополучии, не работая сами физически. Все работы производили верующие, приезжавшие большими группами на Афон. Особенно много их приезжало во время постов и летом. Монахи обыкновенно только наблюдали и направляли работы паломников. Паломники неустанно работали, исполняя налагавшуюся на них эпитимию, или сами просили назначить им работы во исполнение данного ими самими Господу обета. Некоторые из богомольцев жили долгое время.

Монахи вели вполне сытый образ жизни, строго соблюдая монашескую диету — есть то, что положено по уставам в каждое время. Мясо совершенно не употреблялось, только в положенные дни — рыба, ловившаяся в изобилии в море. Однако прекрасное, собственного изготовления вино пилось постоянно. За обыкновенным обедом на столах всегда стояло белое и красное вино. Пили его без ограничения, но не напиваясь допьяна. Обеды были изобильны. Перед каждым обедающим ставилось столько тарелок, сколько предстояло различных кушаний.

В монастыре Св. Пантелеймона за парадным обедом в честь нашего генерала Шостака перед каждым обедающим стояло по двадцать восемь тарелок, то есть было двадцать восемь перемен кушаний. Уха, борщ, хлебка, разные пироги и пирожки, различных сортов рыба и самая разнообразная зелень — все безусловно и крайне вкусно приготовленное. Перед каждым прибором стояло по три бутылки вина: белое, красное и розовое шампанское. Все вина выделки монахов, больших знатоков виноделия. Я вообще малопьющий и потому не мог одолеть и одной бутылки вина, чем мои соседи-монахи были весьма огорчены и искренне сокрушались.

Неработающие монахи посещали все службы в церкви. Службы начинались с двенадцати часов ночи и были очень продолжительны. Монахи, которые работали или наблюдали за работами, посещали только некоторые церковные службы. Все монахи имели послеобеденный отдых.

Интеллигентов среди собственно монахов я не заметил. Они были среди обитателей келий. Люди, разочарованные жизнью, поселялись на Афоне в отдельных кельях, где жили на лоне прекрасной природы, наслаждаясь мирозерцанием и уединением. Каждый, кто хотел поселиться в келью и жить в ней самостоятельной жизнью, должен был внести в монастырь, избранный им, не менее 6000 рублей и выстроить для себя отдельный домик по своему вкусу, на выбранном участке земли. Указанная сумма представляла минимум взноса. Бывали случаи, когда вносилась сумма несравненно большая. Например, известный сибирский богач Сибиряков, отец которого владел раньше Ленскими золотыми приисками, роздал большую часть своего огромного состояния частью на дела благотворения, частью просто попрошайкам-проходимцам и внес весь остаток своего состояния Пантелеймонскому монастырю, где провел в келье конец своей жизни. Наследники Сибирякова возбудили судебное дело, но монастырь счел за лучшее пойти на мировую, не доводя дело до судебного разбирательства, и возвратил наследникам по мировой сделке уговоренную часть денег.

Посещение отдельных скитов и келий оставило самое лучшее впечатление, совершенно не схожее с тем, что я видел в монастырях. Большинство обитателей келий были люди, действительно буруеваемые верой, желавшие личным трудом на лоне природы, постом и молитвою или замолить прошлую свою жизнь, как им казалось, порочную или вообще находившие в самоотречении, в ограничении своих потребностей, в личном труде и в одиночестве утешение и даже наслаждение.

Глядя на этих людей, мне самому искренне хотелось быть на месте одного из них, и я много раз в последующей жизни мечтал остаток дней своих провести в келье на Афоне. Но судьба решила иначе. Вследствие революции в России не только обстоятельства моей жизни совершенно изменились — я потерял все, что имел, и бежал в Соединенные Штаты Америки. Само положение на Афоне стало по той же причине иным. Так же как и все русские люди, монастыри потеряли все, что имели.

Русские монастыри на Афоне остались без притока материальной помощи, лишились возможности содержать обитателей скитов и келий. Почти все монахи разошлись кто куда смог, не ушли только старики и отдельные лица, не могущие куда-либо идти. От русских монастырей остались только сумрачные тени прошлого.

Содержание

Предисловие	7
ЧАСТЬ I. Семья, школа, служба	
Без отца	9
Начало военной службы	23
На Дальнем Востоке	46
Охота в Уссурийском крае	63
ЧАСТЬ II. Назначение в Главный штаб	
Особое делопроизводство Главного штаба	79
О времени между войнами	138
ЧАСТЬ III. В Турции и Финляндии	
На службе у султана Турции	153
В Финляндии. Оставление военной службы	184
ЧАСТЬ IV. Беженцы в Великую войну 1914–1918	
Введение к IV части	195
Начало войны	198
Первые беженцы	206
Служба в передовом уполномочии по устройству беженцев ...	215
Страдный путь с беженцами через Пинские болота	225
Работа помощником товарища главноуполномоченного по устройству беженцев	231
Покупка хлеба и фуража в центре России	255
Ревель. Революция. Смерть жены. Отъезд на Дальний Восток	274
Приложение	
Краткое описание Святого Афона	281

Никольский Е.А.
Н 64 Записки о прошлом / Сост. и подгот. текста Д.Г. Браунса. —
М.: Русский путь, 2007. — 288 с.; ил.

ISBN 978-5-85887-226-9

Воспоминания Е.А. Никольского (1869–1938), написанные им на склоне лет в Калифорнии, охватывают более чем 55-летний период его бурной, насыщенной, пришедшейся на сложный исторический период жизни.

Детство в Финляндии, юность в Санкт-Петербурге и Москве, затем — калейдоскоп городов и стран, куда бросала его военная и гражданская служба. Свидетель и участник исторических событий пытается разобраться в причинах проигранных царским правительством войн, причинах падения великого Российского государства.

ББК 63.3(2)6-4+84(2Рос)6

Евгений Александрович Никольский

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМ

Корректор *А.З. Лазуткина*

Компьютерная верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 11.10.05. Формат 60x90/16. Бумага писчая.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 17,8. Тираж 2000 экз. Заказ № 5362

ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

ISBN 978-5-85887-226-9

9 785858 872269 >